

Owarimonogatari (Vol. 3)

Тьма Оги

001

Я здесь сегодня из-за Ошино Оги. Именно потому, что эта таинственная девушка, настоящий пучок тайн, появилась в нашем городе, я... мы все сегодня пришли туда, где мы сейчас и находимся.

У нас есть настоящее, и у нас есть будущее.

Я уверен, что однажды наступит тот день, когда я смогу размышлять в подобном ключе, но я всё ещё не готов к этому. Думая обо всех вещах, что она совершила, обо всех беспорядках, что она устроила, трудно поверить, что этот день когда-либо наступит, но, несмотря на это, я верю, что в будущем я запомню её именно такой.

Такой уж я.

Такая уж она.

Ошино Оги.

Я запомню её... как символ моей юности.

Верно. В будущем, когда я буду вспоминать школьные дни Арараги Коёми, я уверен, что первое, что придёт мне в голову, это не Сендзёгахара Хитаги, не Ханекава Цубаса или Камбару Суруга, не Ошино Шинобу или Хачикудзи Маёй. Это будет улыбающееся лицо Ошино Оги.

Улыбка, по которой невозможно понять, о чём она думает.

Улыбка, которая заставляет задаться вопросом, что же её так забавляет.

Улыбка той, чьи намерения неизвестны.

Та самая ухмылка, не сходившая с её лица.

Но в настоящее время, с моей точки зрения, причина, по которой она всегда улыбается, совершенно очевидна. Я уверен, что её всегда забавляла моя глупость. Я уверен, что она находила дурака вроде меня, который за столько времени так и не смог понять, кто же она такая на самом деле, крайне забавным. Да уж, действительно, трудно сдерживать смех.

Даже я сейчас хочу посмеяться над собой.

Хочу впасть в истерику.

В конце концов, возможно, это всё была лишь одна большая комедия.

Дни моей юности.

Последний год, проведённый мною в старшей школе.

Год, начавшийся с того, что я встретил легендарного вампира. Год, полный боли, печали, страдания, уродства, безысходности, но всё-таки, возможно, когда я однажды оглянусь на него...

Когда я расскажу об этом кому-то, когда я расскажу об этом всем...

Когда я заговорю об этом... я думаю это покажется забавной историей, которую я должен рассказывать с улыбкой, наполненной глупой любовью к самому себе.

«Не знаешь? Ох, нет, знаешь, конечно. Хотя я сама всего не знаю»

Я уверен, Оги-тян сказала бы именно так.

«Ты — тот, кто знает... Арараги-сэмпай»

Верно.

Я знаю... Я с самого начала хорошо знал, кто такая Ошино Оги.

Какой смех.

002

Если я закрою глаза и задумаюсь, то мне на ум придёт череда сюрреалистичных сцен, с которыми мне пришлось столкнуться за прошедший год. И я не собираюсь сейчас перечислять их все, но сегодня, вечером 14 марта, после моего свидания с Сендзёгахарой Хитаги, я оказался лицом к лицу с финальной сюрреалистичной сценой, которая могла бы дать фору всем предыдущим.

Парк Широхэби.

Я долго не знал, как читается название этого парка, но вчера, будучи на дне ада, я узнал, что этот парк обязан своим названием многолетним ошибкам и опечаткам, и это не «Рохаку» или «Намисиро», а «Широхэби». В общем, сцена разворачивается именно в этом парке.

Игра в бейсбол.

Правда игроков очень мало, так что правильнее было бы назвать это игрой, похожей на бейсбол... Но в любом случае, трое человек, играющих роли питчера, бэттера и кэтчера,¹ играли бейсбольный матч.

Бейсбол в парке.

Сама по себе эта ситуация вполне обычная, но сами игроки, и инструменты, которые они используют, создают совершенно сюрреалистичный образ. Чистейший сюрреализм без намёка на реальность.

Питчером выступает Гаэн Идзуко.

Хоть она и носит бейсболку, но её худое тело, облачённое в мешковатую одежду, создаёт образ, абсолютно противоположный спортивному. И как бы молодо она не выглядела, она всё-таки уже порядочная взрослая женщина, у которой уже давно прошёл возраст невинных игр в парке.

В роли бэттера — Ошино Шинобу.

Одно дело, если бы это была маленькая девочка, которой она являлась до недавнего времени, но сейчас она высокая, стройная, длинноволосая блондинка в великолепном платье. Она настолько красива, настолько ослепительна, что невозможно оторвать свой взгляд. Не говоря уже о том, что на её ногах шпильки, в руках бита, ожидающая подачи, а одна нога выдвинута вперёд. Она словно

¹ «Питчер» — игрок, подающий мяч. «Бэттер» — игрок, отбивающий мяч при помощи биты. «Кэтчер» — игрок, ловящий мяч, в случае, если его не отбил бэттер.

швейная машинка на анатомическом столе.² Этот образ выглядит настолько неправильно, что вернее было бы его сравнить с анатомическим столом на швейной машинке.

Ох, я допустил ошибку. Одну неосторожную ошибку.

Это не бита. Предмет, который она держит в руках словно весло, не является металлической битой. Это длинный японский меч.

Прекрасный меч, который смог бы распознать даже дилетант.

Меч, именуемый Кокороватари, или же «Убийца странностей».

«Демон с металлическим прутom»³ собственной персоной. Настоящий вампир, восстановивший все свои силы. Она прекрасно чувствует себя в ночное время, поэтому во время этого ночного матча она в особо приподнятом настроении.

Хотя, вчера утром в храме Кита-Ширахэби Королева Странностей прекрасно себя чувствовала, поскольку она уникальный, сверхсильный, железнокровный, теплокровный, хладнокровный вампир. Она способна выдержать достаточно много солнечного света, если укрепит свою защиту.

— Хэй-хэй! Питчер-то испугался!

И наконец, кэтчер. Казалось бы, по сценарию они должны быть союзниками, но она стучала по своей большой перчатке и громким улюлюканьем дразнила питчера. Она была здесь единственной, чей возраст подходил для игры в бейсбол в парке. Хачикудзи Маёй.

Она была кэтчером в юбке, сидя на корточках с раздвинутыми коленями, а это значит, что её нижнее бельё выставлено напоказ.

Она действительно чересчур расслабилась.

Мне даже не интересно заглядывать ей под юбку.

Для начала, первое, что бросается в глаза, так это то, что ей бы следовало снять свой рюкзак хотя бы на время игры. Впрочем, может она использует его для сохранения равновесия в такой неустойчивой позе.

Всё, что я описал, уже выглядит достаточно сюрреалистично, но ситуацию ещё сильнее усугубляет тот факт, что предмет, который они используют в качестве мяча — камень подходящего размера.

Камень?

Они бросают камень и отбивают его мечом...?

Что это за разновидность бейсбола?

² Фраза из поэмы «Песни Мальдорора» французского поэта-сюрреалиста Графа Лотреамона, где он сравнивает красоту юноши с «встречей на анатомическом столе зонтика и швейной машинки».

³ «Дать демону железный прут» (Oni ni kanabou) — японская пословица, означающая «сделать сильнее того, кто и так слишком силен».

Это уже не столько походит на бейсбольный матч, сколько на поединок в кэндо.⁴

Глядя на это зрелище, я, как порядочный гражданин, чувствую, что должен бы сообщить о происходящем в полицию, но здесь присутствуют люди, с которыми я знаком лично. Да что уж там, здесь нет никого, кроме людей, с которыми я знаком. Поэтому я подумываю о том, чтобы сделать вид, будто я ничего не видел, развернуться и уйти. Посмотрим, может быть, я смогу присоединиться к ужину Сендзёгахары с её отцом.

— Ты не можешь. — Сказала девочка, стоящая рядом со мной.

Ононоки удерживает меня. Она пытается остановить меня восхитительным жестом — дёрганием за рукав, так что даже такой дерзкий человек, как я, не имеет иного выбора, кроме как остановиться.

Конечно, даже без этого, Ононоки вопреки своему кукольному виду обладает невероятной силой, сравнимой с силой Геракла, поэтому она дёргает меня за рукав так же эффективно, как если бы приковала меня к земле.

— Ты же собираешься уладить всё этим вечером, не так ли?

— Ну, да...

— Пока рядом нет моей сестры, я ничем не смогу тебе помочь, но я, по крайней мере, буду наблюдать за твоей битвой, так что вперёд. — Подбадривает меня Ононоки.

Чтобы отправиться туда, требуется огромное мужество. И раз уж я слышу такие слова от девочки, которая в два раза ниже меня ростом (забудем на минутку, из чего она сделана), я просто не имею права струсить.

Я ступаю на игровое поле. Ну, то есть захожу в парк.

— О! А вот и ты, мой господин!

Шинобу первой обратила на меня внимание.

Глядя на то, как эта красивая, элегантная, прекрасная, сияющая... а проще говоря — светловолосая красавица с первоклассной фигурой, для описания которой всегда будет недостаточно витиеватых эпитетов, невинно машет мне рукой (в действительности она машет мечом), я чувствую некую неловкость, или же дезориентацию.

⁴ Японское искусство владения мечом.

— Тебя не было слишком долго! Мы ждали тебя, но нам стало слишком скучно, поэтому мы решили поиграть в крокет, чтобы скоротать время.

Так значит это был крокет...

Я хоть и слышал, что крокет является прототипом бейсбола, но я практически ничего не знаю о том, что он из себя представляет.

— Ха! Ха-ха! Ха-ха-ха-ха! — Смеётся она.

Бросившись ко мне, Шинобу хватает меня, поднимает над головой и начинает раскачивать. Я чувствую себя словно на гигантских качелях, или словно ребёнок, с которым играет взрослый. Впрочем, учитывая нашу разницу в силе и в росте, это не далеко от правды.

Мы можем наблюдать феномен внезапной смены наших телосложений.

Но, чёрт возьми, Шинобу-сан, у тебя чертовски хорошее настроение.

Я с прошлой весны не видел тебя такой энергичной.

Да, я припоминаю, насколько она была полна энтузиазмом. Она была вне себя от счастья, когда восстановила свою истинную форму... Может это и есть то самое удовольствие — вернуть себе своё тело.

Пока Шинобу буквально подбрасывает меня, Хачикудзи и Ононоки наблюдают за этим действием с неописуемыми выражениями на лицах.

Возможно, наблюдая за тем, как со мной обращаются таким же образом, каким я привык обращаться с ними, они испытывают истинное удовлетворение от того, что я получаю по заслугам. Удручающее зрелище.

Они словно наблюдают, как страшный старшеклассник пресмыкается перед ещё более страшным старшеклассником... Тем не менее, подобное поведение Шинобу вполне подходит на роль возмездия.

Поистине, законченная повесть о свершившейся мести.

Такая, что даже *мне* начинает нравиться то, что со мной происходит.

В любом случае, учитывая то, как я всегда обращался с Шинобу, когда она была маленькой девочкой, у меня нет права жаловаться, даже если бы она задушила меня в объятьях или ездила бы на мне верхом.

Однако великодушие Шинобу, судя по всему, увеличилось прямо пропорционально её телу, потому что она отпускает меня сразу, как только видит недовольство на моём лице.

Она говорила мне, что её облик сказывается на её характере, так что как бы это ни было прискорбно для меня, я полагаю, что уже не могу относиться к ней, как к маленькой девочке.

...Хотя, если бы у неё при облике 27-летней девушки осталась бы личность 8-летней девочки, она бы вышла даже за границы сюрреализма.

Никогда прежде не испытывал ничего подобного. Как будто встретил свою двоюродную сестру на летних каникулах.

— Х... Хачикудзи...

Прокатившись на этих качелях и не упустив ни единой капли наслаждения, я протягиваю руку в сторону девочки, что стоит передо мной, несмотря на то, что чувство равновесия окончательно меня покинуло. Если так подумать, то Хачикудзи потеряла сознание сразу после того, как я насильно вытащил её из ада, так что фактически я не стоял с ней в реальном мире лицом к лицу уже полгода.

Как же досадно, что у меня настолько кружится голова, что я не могу заключить её в привычные объятия.

— Ну что, страшно было в аду, Барагаки-сан?⁵

— Хорошо, звучит довольно круто, но не нужно меня звать так, словно я маленький Хидзиката Тошидзо. Я до этого имени никогда не дорасту. Меня зовут Арааги.

— Прости, запнулась.

— Нет, ты нарочно...

— Запнапнулась!

— Или не нарочно?!

— Согнулась.

— Ну, ты и правда согнулась, ты же кэтчер, но всё же!

Фух, к счастью, наш традиционный диалог прошёл как надо. Никто бы даже не догадался, что мы давно не практиковались.

Если, конечно, не считать те пару раз в аду.

— Я был уверен, что мы использовали уже все вариации твоих запинаний, но, оказывается, извращению над моим именем нет конца...

— Но ты знаешь, делая это в реале, испытываешь совсем иные ощущения.

— Не называй действительность «реалом».

Почему ты относишься к аду, как к виртуальному миру?

⁵ «Барагаки» — детское прозвище заместителя командующего Шинсенгуми, Хидзикаты Тошидзо (1835—1869). В примерном переводе означает «шипастый» или «терновый».

Нынешняя молодёжь даже обычные книжные магазины называет «реальными». ⁶ Я не могу смириться с подобной тенденцией.

— Рада видеть тебя, Ононоки-сан. Спасибо за твою помощь.

— Мм. Рада видеть, что ты вернулся.

Вот и вся реакция Ононоки.

Я без понятия, какую позу предполагает данный ответ (даже не знаю, способна ли она её придумать), однако прошло уже целых шесть месяцев с тех пор, как Ононоки, Шинобу и Хачикудзи собирались все в одном месте.

В то время я наслаждался обществом маленькой девочки, девочки чуть постарше и девочки ещё чуть постарше (да что со мной не так?), но благодаря тому, что Шинобу резко повзрослела, они в этот раз собрались в несколько ином виде.

Хм, теперь, когда я задумался об этом, мне стало любопытно. Нужно кое-что проверить. Конечно, это то, в чём я должен был убедиться ещё вчера.

Я протягиваю руку в груди Хачикудзи.

Эй, она убегает.

— Что-то не так, Хачикудзи?

— С головой у тебя что-то не так! Не потрудишься объяснить, по какой причине ты внезапно попытался облапать мою ещё не сформировавшуюся грудь?

— Нет, мне просто было интересно, в каком состоянии ты сейчас находишься. Я же вытащил тебя из ада. Разве это не означает, что ты должна была вернуться к жизни, как и я? Или...

— Именно «или», Коёмин.

Некоторое время понаблюдав за нашей маленькой пародией, как взрослые наблюдают за игрой детей, Гаэн-сан обращается ко мне с питчерской горки (хотя она лишь называется горкой, никакой возвышенности на самом деле нет), ⁷ вклиниваясь в наш разговор.

Учитывая нашу текущую позицию, это было очень похоже на пик-офф. ⁸

— Мне жаль говорить это, но тело Хачикудзи было кремировано. А-ха-ха, если бы её тогда похоронили, то сейчас мы бы могли наблюдать куда более гротескный образ. Она была бы зомби,

⁶ В японском молодёжном сленге закрепилось слово «риару» для обозначения «настоящих» вещей в противовес «виртуальным».

⁷ «Горкой» называется позиция в бейсболе, на которой находится питчер. На настоящем поле для бейсбола её высота составляет примерно 45 сантиметров.

⁸ «Пик-офф» — пас питчера инфилдеру (полевому игроку).

или даже цзян-ши.⁹ В любом случае, она сейчас в том же состоянии, что и тогда в парке, когда вы впервые встретились. Она — дух. Призрак.

Сказав это, она бросила на землю камень, который держала в руке.

— Правда был небольшой шанс, что это не так, поэтому я изучала эту возможность в течение сегодняшнего дня. Ну, то есть пока ты был на свиданке с Сендзёгахарой.

— На свиданке...?

Ну и выражение...

Оно не столько слащавое, сколько странное и немного зловещее.

Но теперь я понимаю. Всё всегда складывается не так, как хочется. На самом деле я даже не уверен, было бы это хорошо или нет, если бы Хачикудзи вернулась к жизни. Всё-таки она мертва уже 11 лет, и если бы она воскресла, то ей, как человеку, не нашлось бы места в этом мире. Если бы она оказалась привязана к физическому телу, ей было бы некуда деваться.

Но подождите.

Это, по крайней мере, было бы лучше, чем ад... верно?

— ...Прости, Хачикудзи.

Несмотря на свои размышления, я склоняю голову.

Можно даже сказать, что мне стыдно.

Я вытащил тебя вместе со мной в результате секундного порыва. Получается так, что я обесценил все полгода твоего тяжкого труда. Если бы ты просто продолжила бы в том же духе, Дзидзо Бодхисаттва позволил бы тебе переродиться...

Но я...

Просто потому, что я не мог на это смотреть, я заставил Хачикудзи покинуть свой пост. И ведь тем, кто понесёт за это наказание, буду не я. Это будет Хачикудзи.

В этот раз ей придётся расплачиваться даже не за свои ошибки.

— Всё в порядке, Арараги-сан. Пожалуйста, не беспокойся так об этом. Мы с Гаэн-сан уже обо всём договорились.

— ? Договорились?

⁹ Цзян-ши (jiangshi) — нежить из китайской мифологии. Практически то же самое, что и зомби, но способны высасывать жизненную энергию из людей. Является отсылкой к рассказу «Mayoi Jiangshi» из Kabukimonogatari.

С Гаэн-сан?

Это вызывает у меня тревогу. Я инстинктивно оборачиваюсь на Гаэн, но она пожимает плечами, делая вид, что не понимает, о чём речь.

— Я не считаю, что ты доставил мне неприятности, когда спас меня. — Продолжает Хачикудзи.
— В конце концов, ад — это ад. На самом деле, когда с неба опустилась нить, я подумывала оттолкнуть тебя и самой подняться по ней.

— Какие возмутительные мысли, оказывается, у тебя в голове.

Она даже хуже Кандаты.¹⁰

Или же она просто шутит. Впрочем, такой шутки недостаточно, чтобы очистить мою совесть.

— Всё, всё, не беспокойтесь, я сама всё улажу по этому поводу, так что почему бы нам наконец не начать наш брифинг, раз уж ты к нам присоединился? Сегодня мы положим всему конец, так что давайте работать слаженно и в темпе. Кстати, Коёмин... Не мог бы ты попросить свою великовозрастную рабыню перестать издеваться над моей маленькой шикигами?

Я обернулся...

...И увидел, как Ошино Шинобу пытается душить Ононоки Ёцуги, которая, судя по всему, полностью выпала из ситуации и была лишена какой-либо воли. Похоже, что она воздаёт Ононоки за все те оскорбления, которым подвергалась летом, чего Ононоки и боялась.

Я забираю все свои слова обратно.

Независимо от того, что она в своей полной форме, и что она взрослая женщина, личность моего напарника остаётся такой же мстительной, как и всегда...

003

Назвать нас заклятыми врагами, связанными самой судьбой, было бы неправильно, но трудно отрицать, что команда у нас получилась довольно разношёрстная. Как бы то ни было, такой невероятный состав можно считать встречей знаменитостей. Но причина того, что наша команда создаёт впечатление некой банды, состоит в том, что мы все конфликтуем друг с другом. Каждый с каждым.

Ошино Шинобу — восстановившийся до своей сильнейшей формы легендарный вампир, прилетевший из-за океана.

Хачикудзи Маёй — призрак, восставший из глубин ада.

¹⁰ Кандата — главный герой рассказа «Паутинка» (о котором говорилось в Mayoi Hell), которому в ад Будда опустил паутинку, а Кандата запретил по ней забираться всем, кроме него самого, за что и был наказан.

Ононоки Ёцуги — кукла-шинигами, созданная из столетнего трупа, чей хозяин сбежал.

Гаэн Идзуко — специалист по изучению странностей и глава организации.

И я, Арараги Коёми, ранее был вампиром, бывшим человеком, сейчас же — человек, бывший вампиром. Не похоже, чтобы мы могли извлечь хоть какую-то выгоду из работы вместе. Не похоже, чтобы мы могли сойтись во мнении хоть по одному вопросу. С объективной точки зрения мы просто группа чудаков, болтающихся ночью в парке.

— Не переживай, я поставила барьер. Я никогда не забываю о мерах предосторожности. Посторонних не будет. Это место зарезервировано для нас. — Весело начала Гаэн-сан.

Барьер значит...? Я это уже когда-то слышал.

Мы все перемещаемся с площадки на близлежащую скамейку.

Гаэн сажает Ононоки к себе на колени.

Трудно сказать, ведь она безэмоциональна, но мне кажется, что Ононоки немного неудобно. Не могу сказать точно, есть ли всё-таки у кукол эмоции или нет, но её чувства я понять могу.

Потому что я сам в настоящее время таким же образом пытаюсь удержаться на коленях взрослой Шинобу.

...К моему большому сожалению, я ранее уже много раз проделывал подобное с Шинобу, поэтому не могу придумать для себя никакого оправдания для того, чтобы не находиться в подобном положении. И всё же, как тот, кому предстоит на днях окончить школу, сидя на коленях у взрослой женщины, я испытываю неловкость, или лучше сказать смущение, или лучше сказать: «Хватит, Хачикудзи, перестань так на меня смотреть!»

С другой стороны — Шинобу, чьи руки обёрнуты вокруг моего торса. Она крепко держит меня, не давая упасть, будто это самая естественная вещь в мире, а её подбородок лежит у меня на голове.

Гаэн-сан держит Ононоки, Шинобу держит меня, а Хачикудзи сидит на скамейке в гордом одиночестве. Ну, так как нас пятеро, то при попытке разбиться на пары обязательно останется кто-то лишний. Если уж на то пошло, то я хотел бы посадить Хачикудзи на свои колени, но она предусмотрела этот вариант и отсела подальше от меня, куда я не мог дотянуться из своего неподвижного положения.

— Отлично, пришло время сестрёнке раскрыть свой план, над созданием которого я трудилась вчера и сегодня. Мне бы хотелось, чтобы вы все с ним согласились, но принуждать к этому я вас не буду. Ах да, хотелось бы вначале кое-что уточнить. Коёмин, ты принёс то, о чём я просила?

— ...Принёс. Но, Гаэн-сан, я принёс «это», чтобы отдать вам, только потому, что это и так было вашим изначально... Не знаю, о чём вы думаете, но пожалуйста, имейте в виду, что это ещё не означает, что я заранее согласен с вашим планом.

Сказав это, я достаю длинный конверт и передаю его Гаэн-сан. Сказать по правде, я неоднократно хотел его порвать, но не смог. То ли у меня не хватило мужества, то ли способностей.

Возможно, теперь, когда она восстановила свои силы, я мог бы попросить Шинобу съесть содержимое этого конверта, но я не осмелюсь этого сказать.

В конце концов, вещь, запечатанная внутри «этого»... является «богом».

— Я знаю. Меня это устраивает, Коёмин. Но у меня большие надежды на твои чудеса, идущие в разрез с реальностью.

Женщина, знающая всё на свете, достаёт содержимое из конверта. Это талисман.

Талисман, на котором нарисована змея.

Это не древний талисман, однако, его сила подтверждена и проверена на практике. В конце концов, это тот самый чудотворный талисман, который однажды вознёс заурядную школьницу Сенгоку Надеко до уровня бога змеи.

Это тот самый листок бумаги, который доверила мне Гаэн-сан после нашего небольшого приключения по окончании летних каникул, и который мне так и не довелось использовать.

Сказать, что я отказался его использовать, было бы слишком круто. По правде говоря, я просто струсил.

— Просто чтобы убедиться... Да, он в хорошем состоянии. Ты хорошо позаботился о нём.

Гаэн-сан берёт талисман, который я ей протянул, и запихивает в карман. Она с ним ужасно груба, его состояние её вообще не заботит. Впрочем, будучи специалистом, думаю, что ей нечего бояться... Хотя подождите, как раз потому, что она специалист, разве она не должна обращаться с ним очень бережно?

Я её действительно не понимаю.

— Хмпф. — Вздыхает Шинобу.

Она выглядит немного обиженной. Когда она была маленькой девочкой, этот талисман сильно испортил ей жизнь, так что, наверное, ей сейчас об этом напомнили.

Во всяком случае, я так думал, но, похоже, что это не так, поскольку она продолжает:

— Да... Теперь я понимаю, что так и есть. Я была слишком глупа, чтобы этого не замечать. Это было очень давно, и я не хотела вспоминать об этом.

Я не уверен, что понимаю, о чём она говорит.

Похоже, что Хачикудзи не единственная, с которой Гаэн-сан пришла к «соглашению» сегодня во время моего свидания с Хитаги. Я начинаю немного чувствовать себя лишним в этом разговоре.

Меня словно исключили из этой компании.

Возможно, Ононоки сейчас чувствует то же самое, но она всё так же невыразительна, как и всегда, и взгляд её всё так же пуст.

Будто её вообще ничего не волнует.

— Не бойся, мой господин, тебе могло показаться, что мы уже всё это слышали, но это не так. Мы услышали только основные моменты, и в частности, мы ещё не знаем подробностей того, что же этот специалист собирается делать дальше. Эту часть мы приберегли на момент, когда ты к нам присоединишься. — Говорит Шинобу, как будто улавливает моё чувство отчуждения, даже при том, что наша связь разорвана, и между нами больше не должно быть ни физического, ни эмоционального контакта.

— Да, это правда. Конечно, моя стратегия сегодня днём была всё ещё в разработке, и я действительно не могла о ней рассказать раньше. Я закончила её обдумывать только сейчас, выслушав Хачикудзи и Шинобу.

Так говорила Гаэн-сан, но, к сожалению, мне трудно верить её словам. Очень сомнительно, что тот план, который она собирается нам раскрыть, и над созданием, которого она «трудилась вчера и сегодня», был подготовлен в такие короткие сроки. Если бы я услышал, что она подготавливала его аж с августа, я бы даже не удивился... Интересно, это Оги так повлияла на ход моих мыслей?

Ошино Оги.

— Ошино Оги.

Гаэн-сан оглашает тему.

— Вот тот «враг», с которым нам предстоит столкнуться. Противник, с которым мы будем сражаться. Цель, которую мы должны уничтожить, и цель, которую мы должны презирать. Верно, Коёмин?

— ...

Говоря о ней, как о «враге», я не могу не чувствовать, что это всё неправильно. Мне трудно думать о ней как о ком-то, кроме как о моём кохэе.

Что бы там ни говорил Тадацуру.

И... что бы она сама ни говорила.

— Ты не удивлён, мой господин? Значит, ты понимал это на протяжении всего времени? — спрашивает Шинобу, крепко обнимая меня. Но, к сожалению, она ошибается. Она меня слишком переоценивает. Я никогда ни в чём не подозревал Оги.

И всё же.

Может быть, я и правда знал.

Я не знаю всего.

Но, может быть, я знаю Оги.

Я думаю об этом и при этом чувствую Шинобу за своей спиной.

— ...

Ононоки сохраняет безмолвие.

Может быть, она просто сдерживается, сидит и помалкивает, потому что находится в руках у сэмпая её хозяйки... Но мне кажется, что это не похоже на Ононоки.

Особенно сейчас, когда на ней сильно сказалось влияние моих сестёр, сидит она на коленях Гаэн-сан или нет, я не могу поверить, что она не решилась бы подшутить над нашим разговором.

— Однако, и это очень важно... Нельзя забывать, что Ошино Оги — это просто имя, используемое для удобства. Это крайне непродуманный псевдоним. Даже не так, это не совсем «псевдоним». Это больше похоже на идентификатор, придуманный для того, чтобы не быть скованной именем.

Скованной именем?

Я... слышал об этом раньше.

Если я всё правильно помню, то, когда Киссшот Ацуролаорион Хартандерблейд практически перестала существовать... ей было дано новое имя, Ошино Шинобу, которое сковало её руки и ноги. Даже теперь, когда она, казалось бы, восстановила свои силы, эти оковы, судя по всему, всё ещё имеют место быть...

— Неизвестно даже, что из себя представляет сама сущность Ошино Оги. В конце концов, она утратила свою личность, и это единственное, что делает её той, кто она есть... К тому же, нет никаких реальных оснований называть её «она», как и любым другим личным местоимением.

— Ты говоришь об Оги-тян так, будто хорошо её знаешь, но на самом деле ты с ней никогда не встречалась раньше, не так ли? — спрашиваю я.

Это то, о чём я давно уже хотел её спросить.

Насколько я могу судить по произошедшим событиям... И насколько я могу судить по словам Оги, эти двое никогда не встречались.

Конечно, Гаэн-сан, та, кто знает всё на свете, даже в таком случае может вполне естественно обсуждать Оги, но я не могу отрицать, что мне немного неприятно слушать, как она говорит о моей знакомой так, будто знает её лучше меня.

Хотя, это моё чувство вполне может быть порождено моей предвзятостью.

— Нет, не встречалась. Она меня избегала. Думаю, что подобное существо никогда не появится перед кем-то вроде меня, кто живёт своей жизнью, не уклоняясь от работы, которую обязан выполнять.

— ...?

— Тем не менее, хоть я с ней и не встречалась, это не значит, что я не знаю её. У меня есть куча вещей, которые нужно вам объяснить, включая эту, но давайте по порядку. Поскольку времени у нас мало, объяснять я буду только один раз, так что слушайте внимательно.

Говоря это, Гаэн достаёт небольшой планшет. Похоже, что она, как всегда, собирается объяснить свой план, делая пометки на экране.

Прямо как в августе.

Если я не ошибаюсь, то тогда она в храме Кита-Ширахэби она рассказывала про первого слугу Шинобу. Кажется, что в этот раз объяснение будет куда более сложным и запутанным.

— Я бы хотела побыстрее обсудить это, чтобы как можно скорее добраться до «места преступления». Конечно, я прекрасно знаю, что в нашей жизни редко когда всё идёт в соответствии с планом... но я должна по крайней мере объяснить основы, от которых буду отталкиваться.

— Есть одна вещь, в которой я хотел бы убедиться. Вернее, я бы хотел, чтобы ты подтвердила это. Ты уверена, что Оги-тян сегодня вечером сделает свой ход, не так ли? Независимо от того, какую ты приготовила для неё ловушку, если она не сделает свой ход, то плану конец, верно?

— Она сделает ход. Это не столько моя уверенность, сколько констатация факта. Она должна его сделать сегодня вечером. Можно сказать, что если она не сделает шаг вперёд, то перестанет быть собой. Угроза устранила сама себя...

Гаэн-сан отвечает без малейшего колебания.

Она не сообщает никаких основ. Напротив, она пропускает все самые важные части, но она говорит об этом настолько уверенно, что я более не чувствую необходимости дальше её расспрашивать. Этого достаточно, чтобы заставить меня думать, что самая большая сила Гаэн-сан кроется не в знаниях и информации, а в её непоколебимой уверенности в своих действиях.

Она настолько тщеславна, что просто не оставляет места для контраргументов.

Полная противоположность её повседневного поведения.

В любом случае, несмотря на то, что я задал этот вопрос, я и сам в этом уверен. У меня есть непоколебимая уверенность, что Оги сделает свой ход сегодня, 14 марта.

В конце концов...

Она сама мне это сказала.

Она сказала мне это не так давно, прямо перед тем, как я приехал сюда, у самого входа в дом Арараги.

«Арараги-сэмпай»

«Ты встанешь на мою сторону?»

«Пожалуйста, спаси меня»

— ...

— Хм? Что-то не так, Коёмин? У тебя встревоженный вид. Ох, тебе не стоит так напрягаться, я не собираюсь говорить о чём-то сложном. Фактически, теперь, когда ты сдал экзамены для поступления в университет, для тебя это должно быть не сложнее, чем осознать прочитанный текст. Я собираюсь просто описать это таинственное и причудливое положение дел понятными словами. Это словно проверка ответов, или же можно сказать, что это развязка детективного романа.

Развязка детективного романа.

Именно... В этом заключается роль Оги.

Или же роль Ханекавы Цубасы, но её здесь нет. Ханекава Цубаса не успела к финалу.

Тем не менее, тот факт, что она смогла выследить Ошино Меме, уже делает её достойным сыщиком. Мне, наверное, следовало бы сообщить Гаэн-сан о предположительно успешном завершении поисков её кохая, но по какой-то причине я не решался сделать это.

Я не хочу давать ей надежду, которая может обернуться ничем. Во всяком случае я так говорю сам себе, но это лишь видимость. Просто я хочу скрыть правду, скрыть то, что не доверяю Гаэн-сан.

Это не значит... что я занял сторону Оги, или что-то вроде того.

— Итак. — Говорит Гаэн, улыбаясь.

Она улыбается, как великий детектив.

— Во-первых, я хочу рассказать о связи между этим парком и храмом Кита-Ширахэби. В этом и заключается причина трагической ситуации, в которой мы все сейчас находимся. Всё началось с

трагедии, произошедшей в храме Широэхби, предшественнике храма Кита-Ширахэби, 400 лет назад...

004

— Тем не менее, там, на глубине ада, ну или в месте, очень похожем на него, мой неопытный коллега Тадацуру уже успел прочитать небольшую лекцию, поэтому я думаю, что ты догадываешься, о чём я сейчас буду рассказывать. Кто-то мог уже угадать правильный ответ, просто услышав настоящее название этого парка.

Однако, будет неприятно, если вы на основе случайных догадок сделаете неверный вывод, особенно в такой важный момент, так что позвольте мне объяснить всё от начала и до конца. Ты, должно быть, думаешь, что это не имеет никакого отношения к Ошино Оги, но именно здесь всё началось, поэтому слушай внимательно.

400 лет назад.

Какое событие приходит тебе на ум, когда я это говорю?

Я уверена, что ты не настолько глуп, чтобы дать неправильный ответ на этот вопрос, Коёмин. Верно, в это самое время в Японию прибыла Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд, легендарный вампир. Сегодня её приезд, вероятно, вызвал бы большую суматоху в аэропорту, но в то время, к сожалению, аэропортов ещё не было.

И мои слова не являются какой-то глупой метафорой. То была эпоха Великих Открытий, и она воздержалась от путешествия по морю. Вместо этого она проделала длинный путь по воздуху.

Ты это уже слышал от неё самой. Поскольку она сидит здесь, я думаю, мы могли бы просто дать ей самой объяснить нам всё это ещё раз, но после всех предпринятых мною усилий, я бы была признательна, если бы она оставила мне эту честь. Вероятно, это не та история, которую бы хотела рассказать Шинобу-тян, или правильной, Шинобу-сан.

Вкратце говоря... В то время Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд было около 200 лет, и у неё было слишком много свободного времени, поэтому она решила путешествовать по миру. Большинство бессмертных вампиров начинают уставать от жизни как раз на отметке в 200 лет, так что это, возможно, как-то с этим связано.

И что интересно, её кругосветное путешествие занесло её в Антарктиду. И это был шаг в сторону саморазрушения.

Всё потому, что на Южном полюсе попросту не было никого, кто мог бы воспринимать её как странность. Странности могут существовать только тогда, когда люди верят в них, поэтому она не могла поддерживать своё существование в течение долгого времени на таком гигантском необитаемом острове, как Антарктида. Даже Хартандерблейд, которая может стать исключением из многих правил, в данном случае исключением не стала.

Итак, она в панике бежала из Антарктиды.

Она сбежала при помощи триггера и мощного прыжка.¹¹

¹¹ Отсылка к игре Darkstalkers (известной в Японии, как Vampire). В одном из игровых журналов в статье, посвящённой этой игре, были перечислены некоторые комбинации клавиш. Однако в одной из комбинаций вместо слова

Она была настолько взволнована, что прыгнула, даже не подумав, куда приземлится. В нормальных обстоятельствах она бы не повела себя столь опрометчиво, но это была чрезвычайная ситуация, где на кону находилась её жизнь. К тому же, даже приземлившись она в кратере вулкана, это бы не составило никаких проблем для такого бессмертного существа, как она. Если сравнивать с обычными людьми, она словно выбежала в спешке из дома, забыв надеть обувь. Или наоборот: забыла что-то в доме и вернулась, не сняв грязную обувь. Так что это для неё был лишь вопрос «опоры под ногами», ни больше, ни меньше.

Должен был быть.

Нет, всё так и было, но проблема оказалась не в месте приземления. Проблема была в том, что на этом месте было, или лучше сказать, в том, что было уничтожено в результате её приземления.

В одном регионе страны, которую мы зовём Японией, хранились огромные запасы воды.

И она буквально рассеяла это озеро. Отправила его в полёт.

С точки зрения вероятности, то, что ей это удалось — совершенно невероятно. Это как бросать дротик во вращающийся глобус и попасть в Японию, да ещё и в озеро. Обычно, в таком случае вы предполагаете, что дротик попадёт в океан. А если он и попадёт в землю, то это будет либо Евразия, либо одна из Америк.

Да уж, ей поистине улыбнулась удача.

Чего и следовало ожидать от Хартандерблейд.

Более того, это озеро не было обычным озером. Это было священное озеро — религиозный центр всего региона, что делает случившееся ещё более невероятным.

Святая земля, другими словами.

То, как она рассеяла это озеро, сродни огромному бардаку после банкета... И это как раз то, за что следует ожидать божественного гнева. Хотя, полагаю, что Хартандерблейд в конечном итоге всё-таки понесла наказание. Удивительно, как иногда в нашем мире работают вещи.

У нашего мира отличное чувство баланса.

Перепрыгнув практически через полмира из Антарктиды, почти как какая-то межконтинентальная баллистическая ракета, Хартандерблейд приземлилась прямо на священное озеро и полностью уничтожила его.

Она его целиком осушила.

Разумеется, сама она никак от этого не пострадала. А если бы и пострадала, то моментально бы исцелилась. Но это, к сожалению, не относится к земле, на которую она приземлилась, на которую пришёлся удар, как я уже и говорила. И хотя этот беспорядок, возможно, и был достойным осуждения с точки зрения религии, но на деле, он стал большим благом для этой местности.

После того, как вода озера взмыла в небо в результате её приземления, она оросила все земли в округе, страдавшие от засухи, став благословенным дождём.

«punch» (удар) из-за опечатки было написано «pinch» (щипок). Таким образом комбинация «rebā-ire dai-pinchi» (триггер + мощный щипок) стала новым игровым мемом.

Жителям земли, почитавшим это озеро, должно быть, показалось, что произошло чудо. Это был долгожданный дождь, результат «молитв», которые они читали день и ночь. А на самом дне высохшего озера появилась молодая девушка с золотыми волосами.

Она снизошла, или даже родилась из озера.

Едва ли можно их обвинить в том, что... они поверили, что она является воплощением их божества.

На самом деле, было бы странно, если бы они в это не поверили.

Таким образом, странность, пришедшая с запада, вампир по имени Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд, узурпировала религию этих земель.

Можно сказать, что она выгнала старого бога и заняла его место.

Ещё до того, как она стала известна как «убийца странностей», она уже убила бога. Эта небольшая деталь делает эту историю ещё более невероятной.

Ты уже прежде слышал эту историю множество раз, поэтому я уверена, что ты уже устал её слушать, но ты никогда не пытался посмотреть на неё с этой точки зрения, Коёмин? В результате случайного присвоения Хартандерблейд божественного статуса кто-то был изгнан со своего божественного места.

Действительно заставляет задуматься, не правда ли?

Эй, Шинобу-сан, не обнимай Коёмина так сильно. В настоящее время он обычный хрупкий человек, поэтому, если будешь его слишком сильно сжимать, можешь порвать его на две части.

Знаешь, я не критикую тебя. Это история из далёкого прошлого. Нет смысла говорить об этом сейчас. Но если я и должна что-то сказать, то это то, что ты отказалась стать настоящим божеством, несмотря на то, что уже позволила себя им считать... И этот твой эгоизм, неподобающий странности, только усугубил ситуацию.

Я просто хотела отметить, как именно это усугубило ситуацию...

Это вызвало Тьму.

В результате Хартандерблейд была вынуждена снова вернуться в Антарктиду... и я, пожалуй, пропущу оставшуюся часть истории.

То, что мы должны здесь обсудить, это земля, с которой был изгнан бог, которого прогнал поддельный бог. Другими словами, это земля, оставленная вообще без бога.

Эта земля была благословлена дождём, и её поддельный бог продолжал вызывать для неё дождь в течение долгого времени после этого, но, когда этот бог ушёл, население сильно сократилось из-за Тьмы. Эта земля была на краю гибели.

Но, тем не менее, люди продолжают рождаться, и людям нужно продолжать жить своей жизнью. Потому что им была нужна религия. Религия, на самом деле — это даже не продукт своего времени. Даже сегодня людям нужно во что-то верить, не так ли?

Даже я не могу жить без веры во что угодно.

Пока ты жив... Пока ты живёшь, как человек, ты должен верить во что-то, ты должен верить в кого-то. Конечно, будет ли это «что-то» богом, или здравым смыслом, или дьяволом, или иррациональностью — всё зависит от человека.

Интересно, а как насчёт тебя, Коёмин?

Зная о странностях, зная о вампирах, зная даже об аде, во что ты будешь верить в течение оставшейся жизни? Во что тебе нужно верить, чтобы продолжать жить?

В любом случае, потеряв своё озеро, которому они поклонялись, потеряв своего бога... Они были вынуждены найти себе нового бога.

Нет.

Им нужно было самим создать нового бога.

Они решили переехать в другое место.

И в этом заключается их ошибка.

Это очень старая история, поэтому мы не можем сказать наверняка, если конечно не вернёмся назад во времени, чтобы проверить... Но похоже, что горожане, потеряв большинство населения и свою религию, решили выжить, приняв религию соседнего региона.

В какой-то мере религия в тех краях противоречила религии, основанной на озере, которой они придерживались ранее. Та религия была посвящена горам. И если я, конечно, имею право безответственно указывать на это из своего безответственного будущего, то приносить что-то, принадлежащее озеру, в горы — совершенно нелепо. Словно берёшься за прививку деревьев, совершенно в этом не разбираясь... Тем не менее, я полагаю, что к тому времени все жители, поклоняющиеся Озеру, а другими словами, поклоняющиеся Хартандерблейд, уже были поглощены Тьмой. Да и само озеро к тому моменту уже пересохло.

Те, кто перенёс жилище бога в новое место, вероятно, не знали никаких подробностей. В некотором смысле они были полностью отрезаны от всех старых традиций и легенд.

Новое поколение совершенно ничего не знало, но, тем не менее, они упорно трудились, чтобы возродить старую религию, которая, по-видимому, была довольно эффективна в прошлом. Я не могу насмехаться над ними, как над дураками.

Кроме того, их действия не были абсолютно ошибочными. У них были все необходимые скрепы, чтобы осуществить эту «прививку».

Скрепы.

У них была ось. Была нить, которой они могли связать озеро и гору.

Это даже стоит назвать не нитью, а верёвкой.

Кучинава. Другими словами — змея.¹²

¹² «Кучинава» — буквально «гнилая верёвка». Этим словом иногда называют змею, что пошло из пословицы «укушенный змеей гнилой верёвки боится» (Hebi ni kamarete kuchinawa ni kowazu).

Позволь мне сделать вещи столь же ясными, как дно этого высохшего озера. Бог, которого они почитали на озере, принял форму водяной змеи. Формой же бога, почитаемого в горной религии, была горная змея.

Водяная змея и горная змея.

Оба божества были змеями.

Слышал ли ты когда-нибудь пословицу «Тысяча лет в море, тысяча лет в горах»? Это из легенды, что если змея проживёт тысячу лет в море, а затем тысячу лет в горах, то станет драконом... Удивительно, но именно из-за этой установки подобное и стало возможным.

Однако местная религия в той местности уже находилась в упадке, поэтому даже после их слияния, всё, что им удалось создать, это длинную тонкую религию, словно змею... В конце концов, такое противоестественное прививание ни к чему не могло привести.

Это похоже на попытку засунуть неподходящий кусочек пазла только потому, что он подходит по цвету. Возможно, с первого взгляда казалось, что всё работает как надо, но нельзя отрицать, что что-то было искажено.

Это искажение... этот дисбаланс создал воздушный карман, в который стали попадать «неприятные вещи». Но, несмотря на это, религия смогла оставаться на плаву ещё целых 400 лет. Честно говоря, я немного преувеличиваю, чтобы всё звучало более драматично. В действительности же, подобные банальные ошибки случаются постоянно.

В конце концов, это дело рук людей.

Само собой, что будут случаться ошибки.

Если бы мы всегда придирались к каждой ошибке, то мы бы ничего не добились. До тех пор, пока ошибка не становится ложью, пока ошибка не становится подделкой, она заслуживает того, чтобы оставаться незамеченной.

Если быть более конкретной, то хоть Тьма и не позволила Хартандерблейд выдавать себя за божество, по-видимому, связь между озером и горой выходит за рамки её полномочий.

Так-то.

Если бы я углубилась во все детали, которые можно здесь обнаружить, то этой истории не было бы конца, вернее даже сказать, что у неё не было бы дна, однако мы уже достаточно наслушались старых историй. Подведём итог, Коёмин...

Бывшее озеро, которое Шинобу-сан уничтожила своим мощным прыжком — это парк Широэхэби. А храм, о котором я говорила, который восстановили на новом месте поклонения на горе — это храм Кита-Ширахэби.

005

Её заключение настолько неожиданно, что я на секунду перестаю слушать, что она говорит. Но я что-то вроде этого и предполагал, когда услышал объяснение Тадацуру.

Змея, обладающая бессмертием.

Есть определённый смысл в том, что эта религия была узурпирована вампиром, обладающим этим же качеством. Можно ещё вспомнить легенду о морском змее, известном как Гидра, монстре, способном восстанавливать своё тело, сколько бы раз герой его не разрубал.

В этом есть логика.

Как бы то ни было.

Я действительно никогда не связывал историю о том, как Шинобу притворялась божеством, с историей храма Кита-Ширахэби. Пока я не услышал всё это от Тадацуру, я полагал, что это две совершенно несвязанных истории.

В конце концов, это значит, что Шинобу уже посещала этот город 400 лет назад, но этого никто раньше никогда не упоминал.

Никогда не упоминал?

Это действительно так?

Разве не я говорил в августе, что это место было... родным городом первого слуги Шинобу, Шишируй Сейширо?

Если это и есть его родной город, то из этого неизбежно следует то, что город, на который приземлилась Шинобу 400 лет назад, находился где-то здесь.

Но я всё же уверен, что сама Шинобу об этом никогда не говорила. Подумав об этом, я повернулся, чтобы взглянуть на Шинобу, которая всё ещё держит меня на руках, но эта очаровательная красавица просто смотрит на меня сверху вниз взглядом, лишённым следов юности...

— ?? — Она наклонила голову вбок.

...Эй, не наклоняй так голову!

Теперь, когда ты уже не девочка, это выглядит глупо.

Теперь она выглядит совершенно взрослой, и внутри она должна была повзрослеть соответственно внешности, но, судя по всему, её личность не сильно изменилась. Она просто олицетворение пословицы «с душой трёхлетнего до ста лет дожить».¹³

Кроме того, она обладает уникальной способностью стирать по желанию свои воспоминания (или же восстанавливать их), засовывая руку прямоком в свою голову, так что она может частично забыть неприятные для себя воспоминания либо что-то иное, что не хочет вспоминать.

— Между прочим. — Начинает Гаэн-сан, как бы добавляя к уже сказанному. — После долгих лет медленного разрушения храм Кита-Ширахэби, бывший храм Широхэби, наконец рухнул около 15

¹³ В оригинале пословица звучит, как «Mitsugo no tamashī hyaku made». Смысл пословицы заключается в том, что каким человека воспитали в детстве, таким он всю жизнь и проживёт (Горбатого могила исправит).

лет назад, об этом я тебе тоже уже говорила. Когда первый слуга Шинобу-сан... Точнее говоря, когда его «пепел» нашёл дорогу домой, он одним большим глотком поглотил все «неприятные вещи», скопившиеся здесь, заодно поглотив и местного бога. Да, именно тогда и был уничтожен бог-змея, существовавший в качестве резерва. Он был поглощён, ускорив «его» воскрешение. Конечно, всё это стало ещё одной причиной того, что случится позже.

— ...Я понимаю всё то, что ты говоришь, но поверить в это достаточно трудно.

Я сказал то, о чём в действительности думал.

По правде говоря, я даже не совсем уверен, что понимаю всё, что она говорит. Возможно, даже после всего этого, я вообще ничего не понимаю.

Однако в её словах я не сомневаюсь. Многие вещи теперь стали собираться в единое целое.

И от того, во что собираются все эти вещи, у меня мурашки по спине. Такое странное, неприятное ощущение, будто кто-то играет мной у себя на ладони.

Онооки говорила мне то же самое. Но если это правда, и я на ладони чей-то руки, то чья это рука? Гаэн-сан, или, может быть, Оги-тян? Или кто-то другой?

— Я могу догадаться, о чём ты думаешь, но, Коёмин, ты понял всё неправильно. Возможно, тебе кажется невероятным совпадение, что Хартандерблейд однажды уже приезжала в твой город, но с точки зрения стороннего наблюдателя, как я, именно то, что это тот самый город, который когда-то посетила Хартандерблейд, неизбежно привело ситуацию к нынешнему состоянию. Хотя, даже я не могу утверждать это с абсолютной уверенностью.

— ...

Мне кажется, это я тоже уже слышал раньше.

Я слышал, что Шинобу вернулась в этот город потому, что её воззвал сюда Шишируй Сэйширо, который превратился в пепел. В таком случае, это действительно было неизбежно. И то, что Шинобу и я встретились, было ещё одной неизбежностью.

Я уверен, что за 400 лет городской пейзаж полностью изменился, поэтому, даже если Шинобу и была очень внимательна, она вполне могла не заметить, что это то самое место, которое она когда-то посещала. От озера не осталось ни следа.

— Теперь ты понимаешь, почему я хотела сделать Шинобу-сан новым богом храма Кита-Ширахэби, когда вопрос с её слугой был разрешён.

Сказав это, Гаэн-сан вынимает талисман, который ранее запихала в карман.

— Она заняла место водяной змеи, которой здесь ранее поклонялись. Это накладывает определённую ответственность, поэтому я подумала, что она подходящая кандидатура на это место. В любом случае, пока мы не закроем этот воздушный карман, беспорядки в городе никогда не прекратятся. Меме решил замести все неприятности под ковёр и позволить вещам идти своим чередом, но я предпочитаю не решать проблемы, а предотвращать их, поэтому я решила разобраться с самой причиной. Чтобы восстановить разрушенный храм, я решила создать опору, создать бога. К сожалению, мне было категорически отказано. — Сказала Гаэн-сан, немного поддразнивая.

Она может дразнить меня сколько угодно, но я даже сейчас не считаю, что это смешно... Я даже не могу оценить масштабы вреда, который я причинил, отказавшись превратить Шинобу в бога.

— Если бы ты тогда хотя бы привела какие-то аргументы... — Начинаю говорить я, но даже если бы она тогда объяснила бы мне смысл своих действий, я сомневаюсь, что использовал бы этот талисман на Шинобу.

Шинобу не создана, чтобы быть богом? Нет, причина в другом.

Что касемо пригодности, то хоть и недолгое время, не говоря уже о том, что она была просто подделкой, Шинобу уже была богом раньше, поэтому можно смело утверждать, что она достаточно квалифицирована для этой работы.

Я просто не хочу, чтобы Шинобу становилась богом.

Нет смысла подчинять этот город, если это означает, что нужно принудить Шинобу к чему-либо против её воли. Вот такие вот у меня были эгоистичные аргументы.

И эти эгоистичные аргументы по-прежнему не изменились.

Всё ли мне было объяснено, или нет, я уверен, что буду продолжать настаивать на том, чтобы всё было по-моему. В конце концов, даже после того, как я всё это услышал, у меня нет никакого намерения принуждать Шинобу проглатывать этот талисман.

— Понимаешь, Коёмин?

— ...Так что дальше то? То есть... зачем ты снова поднимаешь эту тему? Если ты знаешь, что этот разговор ни к чему не приведёт...

— Проще говоря, потому, что сейчас как раз имеет смысл об этом говорить... Коёмин. Почему бы нам немного не передохнуть, чтобы ясным образом высказать друг другу свои мысли?

— Высказать свои мысли?

— Объявить наши цели, если хочешь. Или может заявить о намерениях.

— ...

Это мне напоминает то, о чём вчера говорила Хитаги.

«Самые опасные люди — это те, чьи цели невозможно точно определить».

Она сказала, что Гаэн Идзуко — прекрасный пример такого человека. И теперь вот Гаэн собирается добровольно рассказать мне о своих целях?

Это значительно больше, чем я мог когда-либо пожелать. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, поэтому я предельно осторожен. Не похоже, чтобы мы работали друг против друга, так почему же я себя так чувствую, когда разговариваю с ней?

Гаэн-сан не должна быть моим врагом.

Однако, услышав её объяснение, я кое в чём с ней согласен.

Вот её объяснение:

— Наши с тобой цели, вероятно, не совпадают. Они так же не совпадают с мнениями Шинобу и Хачикудзи. Несмотря на нашу дискуссию за «круглым столом», у нас нет никакого консенсуса. Я возлагаю большие надежды на твоё чудо, потому и включила тебя в свой план... Но не могу отрицать, что это очень рискованный шаг, который может привести к катастрофе. В конце концов, когда я последний раз доверила тебе решение по поводу того, что делать с Шинобу-сан, а тогда она была ещё Шинобу-тян, всё закончилось тем, что богом стала совершенно посторонняя школьница.

— ...Мне нечего на это ответить.

Иными словами, Гаэн-сан хочет узнать цель, или намерения, кого-то, кому не может доверять, то есть мою цель.

Нет, если она знает всё, то она просто не может не знать, что движет мной... Она просто хочет, чтобы я сам это сказал.

Она хочет, чтобы я отстаивал своё мнение.

— Хорошо, тогда я выскажусь... Моя цель...

Я пытаюсь выразить свои мысли словами, но сталкиваюсь с проблемой. Какова моя цель в этом сценарии? Что должно произойти, чтобы я был доволен результатом?

— Пока что... Я хочу сделать что-то с Шинобу и Хачикудзи. Сейчас так обстоят дела, что Хачикудзи снова рискует быть поглощённой Тьмой... Просто дабы убедиться, она может ещё раз отправиться в загробный мир?

— Она может, но она попросту вернётся в ад. И за побег она может быть приговорена к более строгому наказанию. Я сомневаюсь, что её отправят в Авичи, но не могу гарантировать, что она вернётся в Сай но Кавару. Это приводит нас к ещё одному вопросу о том, что же удовлетворит тебя.

— Ответила Гаэн-сан.

Конечно, я никогда не собирался мириться с тем, что Хачикудзи попадёт обратно в ад. Я совершенно никак не мог этого сделать. Абсолютно исключено. Но всё же, какие есть ещё варианты?

Должен ли я заявить, что поглощение Тьмой лучше, чем ад? Я не думаю, что существует такой выход из ситуации, который бы меня устроил...

— Я ведь уже говорила, что у меня есть план относительно Хачикудзи, помнишь? Итак, давай теперь послушаем твои опасения по поводу Шинобу-сан. Когда ты сказал, что собираешься что-то сделать с Шинобу-сан, что ты имел в виду, Коёмин?

— Я имел в виду... Что она сейчас, ну ты понимаешь... — Я, заикаясь, указал на Шинобу позади меня.

Я указывал на Шинобу в её полной форме. В форме настоящего монстра.

Я называю её Ошино Шинобу, но на самом деле она железнокровный, теплокровный, хладнокровный вампир, Киссшот Ацуролаорион Хартандерблейд.

Другими словами, это значит... что она в настоящее время более не удовлетворяет критериям безвредности, а значит, она снова пойдёт по залитой кровью тропе, уничтожая всех охотников на вампиров, что встанут у неё на пути.

Она настолько устала от такой жизни, что пыталась покончить жизнь самоубийством. Она никогда не желала этого... я так думаю, по крайней мере.

Я не знаю, что на самом деле по этому поводу думает сама Шинобу.

Может быть, она бы предпочла жизнь маленькой девочки, оказавшейся в ловушке моей тени. На самом деле этого следовало бы ожидать.

Но и в полной форме она, похоже, вполне счастлива.

Но существует опасность, что я могу быть прав. В конце концов, в своей полной форме она обладает настолько разрушительной силой, что может уничтожить весь мир дней за десять.

Но я уверен, что Гаэн-сан этого не допустит.

Кроме того... Ещё более, чем сама Гаэн-сан, в этом заинтересована хозяйка куклы, которую Гаэн держит на коленях, Кагенуй Ёдзуру. Учитывая то, насколько она ненавидит бессмертные странности, я уверен, она будет не рада услышать подобные новости. Подождите, нет.

Ведь местоположение Кагенуй-сан в настоящее время неизвестно...

— И конечно, я хочу также выяснить, где находятся Ошино и Кагенуй-сан...

Возможно, Ханекава и узнала, где находится Ошино, но на Кагенуй это не распространяется... Ханекава и Кагенуй-сан вообще ни разу не встречались, поэтому вряд ли можно рассчитывать, что девушка, которая «знает только то, что знает», выследит заодно и Кагенуй-сан.

— Пока этот вопрос не разрешится, ты не сможешь начать новую жизнь в качестве студента, Коёмин? — Размышляет она вслух. — Как всегда, ты видишь только то, что прямо перед тобой...

Она засмеялась.

— Я почти ревную, серьёзно. Мне нравится думать, что я живу свободной жизнью, но у меня есть свои поводы для беспокойства, поэтому я не могу разговаривать так же свободно, как и ты. Моя цель — принести мир в этот город. Я хочу покорить этот город, который снова и снова стремится погрузиться в сверхъестественный хаос. Мне больше ничего не нужно.

— ...

Её цель настолько масштабна, что я начинаю задаваться вопросом, а не утратила ли она все человеческие чувства? Но, как говорится, воробью не дано постичь замыслы орла.¹⁴ А именно так я себя и чувствую после слов Гаэн-сан.

Однако, после беседы с ней, у меня начинает вырисовываться картина того, что же ей движет. Я уверен, что для неё покорение этого города — не более, чем одна из множества целей.

Нет, конечно, я бы хотел, чтобы город, в котором я живу, был мирным... но я не настолько экстраординарен, чтобы делать это одной из своих целей. Максимум, что я могу придумать, это то, чем я могу помочь людям, окружающим меня.

— Я уже говорила тебе, что это опасно. Но это должно облегчить нам нахождение компромисса. По крайней мере, на этот раз.

— ...? Что ты имеешь в виду?

— Раз ты беспокоишься о людях, окружающих тебя, это означает, что ты думаешь только о других. Поскольку ты совершенно не заботишься о том, что происходит с тобой, нам в этот раз нужно будет прийти к соглашению.

Так она сказала. Она выглядит успокоившейся, но я не уверен, что именно её успокоило.

Что происходит со мной?

Теперь, когда моя проблема с превращением в вампира успешно разрешилась, я не уверен, что мне нужно о чём-то беспокоиться...

— Прости за назойливость, но дай я кое-что уточню ещё раз. У тебя нет никаких возражений по поводу того, что я собираюсь подчинить себе этот город, верно? И если я предложу подходящие условия, то ты даже поможешь мне, правильно?

¹⁴ Японская пословица. (Enjaku izukunzo kōkoku no kokorozashi wos hiran'ya). Имеется в виду «Как может ничтожный человек постичь великие замыслы?»

— ...Ну, конечно, я...

— А ты, Шинобу-сан?

Я ещё не закончил отвечать, но Гаэн-сан оборвала меня и направила свой вопрос блондинке, которая держит меня в своих объятиях, Ошино Шинобу.

— Какова твоя цель? О чём ты думаешь? Чего ты добиваешься?

— Я просто подчиняюсь своему господину. Если мой господин решит помочь тебе, то я сделаю то же самое, если он пойдёт против тебя, то и я пойду.

Шинобу отвечает без малейшего колебания. Она чётко понимает, чего хочет. Она не такая размазня, как я. Кроме того, она...

— Шинобу-сан, разве твоя преданность по отношению к Коёмину по-прежнему сохранилась даже после того, как ты повзрослела? Я не учла этого... Если честно, я считала, что как только будет разорвана связь между вами, будут разорваны отношения хозяина и слуги, и наиболее вероятным сценарием будет то, что ты жестоким образом убьёшь Коёмина.

Это был её наиболее вероятный сценарий?

Это означает, что у неё был определённый план, чтобы предотвратить это, но меня всё же пугает мысль, что она вот так вот в открытую заявляет подобное.

— Ка-ка. Отношения между хозяином и слугой это нечто больше, чем кровная связь. Специалист. Если ты хочешь, чтобы я рассказала, чего же я желаю, то если это возможно...

Шинобу говорит.

Она шепчет мне на ухо.

— Я бы хотела снова стать маленькой девочкой.

006

Само собой, что у Хачикудзи Маёй и Ононоки Ёцуги нет никаких целей, чтобы присоединиться к обсуждению. Поэтому они этого и не станут делать.

Хачикудзи — совершенно посторонняя участница нашего разговора. Она, по существу, просто та, кого я насильно вовлёк в это дело, насильно похитив из ада. Ононоки в свою очередь — кукла, у которой я даже не уверен, что есть собственная воля, не говоря уже о цели.

Во всяком случае, Хачикудзи нужно найти выход из её нынешней ситуации «из огня да в полымя». Она не может вернуться в ад, но и оставаться долго здесь тоже не может. Она зажата между молотом и наковальней.

Ну, я об этом сейчас говорю, как о чужой проблеме, но опять же, ответственность за это в основном лежит на мне...

— Отлично. Теперь мы знаем позиции каждого. Пришло время объяснить, что же мы будем делать дальше. Я собираюсь описать минимальные требования для того, чтобы были достигнуты обе наши цели, а также цели Шинобу-сан и Хачикудзи-тян.

Гаэн-сан говорит так, будто соблюдает установленный протокол. Не могу представить, чтобы такие условия существовали. Хотя, раз она называет их «минимальными», значит, есть и другие требования, которые она пока не озвучивает...

— Всего у нас будет два минимальных требования. Одним из них является восстановление божества в храме Кита-Ширахэби, второе — уничтожение Ошино Оги.

Уничтожение.

Она сказала это так спокойно, что я немного напрягся. Будучи осторожным, я не позволяю этому напряжению проявиться на моём лице, но так как Шинобу крепко обнимает меня, мои переживания могли передаться ей через физический контакт.

«Пожалуйста, спаси меня».

Кто знает, может эти недавние слова Оги тоже могли ей передаться.

Однако, когда дело доходит до Шинобу, то её в настоящий момент волнует скорее первое требование, а не второе.

— Гаэн-сан, если ты планируешь превратить Шинобу в бога...

— Планировала. Именно поэтому я и не планировала изначально включать тебя в свой план, однако ситуация сильно изменилась, когда ты вернул Хачикудзи-тян из ада. Теперь исчезла необходимость принуждать Шинобу-сан становиться богом храма Кита-Ширахэби. В конце концов появилась более подходящая замена богу... Нет, ещё более подходящий преемник бога.

— Преемник... бога?

— Хачикудзи-тян.

Гаэн-сан указывает на девочку с косичками, которая до сих пор в разговоре не участвовала. Сама Хачикудзи удивлённой не выглядит.

Другими словами...

Они уже пришли к соглашению.

Тем не менее, для меня это новость, поэтому я не могу сдержать своего удивления. Хачикудзи? Серьёзно?

Хачикудзи Маёй? В этом храме?

— П-подожди! Так ведь нельзя! Хачикудзи же...

— Хачикудзи же...?

Она хочет, чтобы я продолжил, но я не могу подобрать нужные слова. Мне казалось это абсолютно очевидным, что её предложение никуда не годится, но когда она спросила меня, я не могу сказать, почему так считаю.

Это было так внезапно, что я возразил ей на автомате, но... я имею в виду, что не могу придумать никакой причины, чтобы что-то ей противопоставить. Но и оснований согласиться с ней я тоже не вижу.

Мне кажется, что я просто хочу сохранить статус-кво из-за страха потерять что-либо. И дело не только в том, что у меня всё ещё не затянулись шрамы от потери Хачикудзи в первый раз.

Я сомневаюсь, что Шинобу как-то связана с Хачикудзи, но даже так, сейчас речь идёт о том, кто будет лучшим кандидатом на роль её преемника. Казалось бы, она не может оставаться равнодушной в этом вопросе, но она говорит:

— Возможно, у неё достаточная квалификация для подобной работы. — Вносит она свой вклад в беседу, оставляя свою личную позицию неясной. — Вернувшись из ада, эта маленькая потерянная девочка бесспорно совершила чудо.

Это правда.

«Восстание из мёртвых» — это безусловно чудо. Так что, если сотворение чуда является одним из требований, чтобы стать богом, тот можно утверждать, что Хачикудзи его уже выполнила.

Но если это так, то и я, и Ононоки выполнили то же самое условие... Ну, то есть, я не хочу сказать, что считаю Ононоки, или тем более себя хорошим кандидатом на роль бога, но то же самое относится и к Хачикудзи...

— Это не одно и то же. Это совершенно другое. Ты, Хачикудзи и Ёцуги, возможно, и вернулись из мёртвых, но условия у вас были совершенно разными. Вы вдвоём вернулись с неповреждёнными телами, но Хачикудзи — призрак.

— То есть, если у тебя есть физическое тело, то богом ты стать не можешь?

— Нет. Сенгоку Надеко уже становилась им, наглядно показав, что это не так. Божество вполне может быть и живым, но разница здесь в том, что если Хачикудзи не станет богом здесь и сейчас, то будет поглощена Тьмой.

Да, точно.

Преследование Тьмой — это как раз та причина, по которой Хачикудзи решила отправиться в загробный мир. Одно дело, если бы она вернулась из ада в своё тело, но она может только остаться призраком, а значит — Тьма снова придёт за ней.

— У неё есть три варианта. — Говорит Гаэн-сан. — Первый: вернуться в ад. Второй: позволить тьме поглотить себя. Третий: стать богом. Конечно, это звучит как что-то глобальное, «стать богом», но на самом деле она просто сменит свою специализацию, как странность. В конце концов, все странности и так очень похожи на богов. Но есть и другой момент, который делает этот сценарий отличным от обожествления тебя или Ёцуги. Став новым богом храма Кита-Ширахэби... Хачикудзи Маёй получит право существовать на этой Земле.

Она получит гражданство.

Ну, или вид на жительство, по крайней мере.

— Для Хачикудзи это идеальное развитие событий... Конечно, мне нужно, чтобы она выполняла свои обязанности, но пока она будет контролировать воздушный карман, этого должно быть достаточно, чтобы не допустить выхода ситуации из-под контроля. Я не собираюсь просить чего-то большего, я не стану выдвигать каких-либо необоснованных требований.

— Вот так вот. — Кратко подмечает Хачикудзи.

Судя по её интонации, она уже приняла решение, и менять его не собирается. Что ж, если она согласилась на это, то у меня почти не остаётся возможностей для протеста.

На самом деле, этот сценарий настолько удачно ликвидирует весь тот беспорядок, что я устроил, похищая Хачикудзи из ада, что мне не только не на что жаловаться, я ещё и должен быть искренне благодарен... Но всё-таки, когда речь идёт о Хачикудзи, я не могу не осторожничать.

С другой стороны, наверное, образ маленькой девочки Хачикудзи и слово «бог» просто не могут сложиться в моей голове в одно целое. Именно, они совсем не подходят друг другу.

— Н...но разве в этом храме поклонялись не змее? Если божеством храма станет улитка, вроде Хачикудзи, разве это не вызовет ещё одно искажение?

— Именно поэтому то, что ты, ни о чём не задумываясь, вытащил её из ада, и является удивительнейшим чудом. Если бы ты не сделал того, что сделал, я бы даже не подумала предлагать

Хачикудзи эту роль. Чтобы стать объектом поклонения в храме Кита-Шихарэби, должна быть причина, какой бы натянутой она ни была. Точно так же, как связь между змеями послужила причиной того, что божество с озера стало божеством на горе. Точно так же, как бессмертие Хартандерблейд позволяло ей притворяться богом. У нас должна быть не менее, а то и более убедительная причина.

— Да? И что же...

— Улитка. — Говорит Гаэн. — Она обратно совместима со змеей.

— ...Что?

— Ну, нет, назвать это «обратной совместимостью» это всё-таки преувеличение. Но, Коёмин, ты когда-нибудь слышал о трёхстороннем тупике? Это в принципе не профильное знание, так что не важно, специалист ты или нет.

— Трёхсторонний тупик...?

Я имею в виду, что этот термин можно применить к таким играм, как «камень-ножницы-бумага». Но если говорить об этом в контексте нашего разговора...

— Змея, жаба и... слизень.

Это противостояние, в котором змея ест жабу, жаба ест слизня, а слизень ест змею.¹⁵ Подождите, слизень?

Мне кажется, что это уже где-то упоминалось.

— Да, точно. Слизняк-тофу — ещё одна поддельная странность, которую Кайки использовал на Сенгоку...

— Верно. Это самая эффективная странность против змеи — слизень.

После чего Гаэн-сан продолжила своё объяснение.

— Слизень и змея — близкие родственники.

— Ээ...

Верно.

Мне это даже не приходило в голову. В тот момент, когда Гаэн-сан вспомнила этот трёхсторонний тупик, я должен был понять, к чему она клонит. Улитка имеет раковину, а слизень —

¹⁵ Распространённое убеждение в древней Японии.

нет. Нельзя сказать, что было бы некорректно рассматривать улитку, оставшуюся без своей оболочки, как подобие слизня.

В таком случае, у улитки и змеи не просто есть связь...

Улитка способна держать змею под контролем.

Она не сойдёт с ума, как Сенгоку, она не будет поглощена змеей, как Сенгоку. На самом деле она будет той, кто захватит контроль над змеей.

— Можешь теперь звать меня Намэкудзи Маёй.¹⁶

Хачикудзи задумчиво кивает.

Это даже... чересчур подходящая игра слов.

— Конечно, если бы мы стремились к идеальному решению проблемы, мы бы на замену змее постарались бы найти другую змею... Но, в некотором смысле, это даже лучше, чем мы могли себе представить. Мы будто отправились в паломничество по 88 храмам Сикоку.

— ...

После этих слов, тот факт, что я встретил Хачикудзи здесь, в парке Широэби, а другими словами, на территории храма Широэби, предшественника храма Кита-Шираэби, можно рассматривать как веление судьбы.

Хотя... это и вправду выглядит немного натянуто.

Тем не менее, после той умственной гимнастики, которой нам пришлось заняться, после всех совершённых нами акробатических подвигов, мы чудесным образом добрались туда, где сейчас и находимся.

— Есть ещё одна вещь, которая раздражает меня, как специалиста. Это то, что «дзи» в «Хатикудзи» означает «буддийский храм», в то время, как она будет жить в синтоистском храме... но давайте это спишем на синкретизм двух религий.¹⁷ Смена имени ни к чему хорошему не привела бы... К тому же, фамилия Хачикудзи раньше была Цунадэ...¹⁸ не так ли?

Несмотря на то, насколько беззаботной она выглядит, кажется, что Гаэн-сан зацикливается на мельчайших деталях, когда дело касается её работы. С другой стороны, если есть такая проблема, на

¹⁶ «Намэкудзи» (蛞蝓) — слизень, слизняк.

¹⁷ В Японии очень сильна связь между буддизмом и синтоизмом, однако слово «храм» для храмов разных религий звучит по-разному. «Дзи» — буддистский храм, «дзиндзя» — синтоистский храм.

¹⁸ Отсылка к серии рассказов начала 19 века «Сказание о храбром Джирайе», в котором была раскрыта тема противостояния змеи, слизня и жабы. Джирайя — ниндзя, владеющий магией жабы. Он был влюблён в Цунадэ, красивую девушку, владеющую магией слизней. Его заклятым врагом был Орочимару, мастер магии змеи.

которую может указать даже такой дилетант, как я, то, само собой разумеется, что Гаэн-сан уже давно приняла её во внимание и уже хорошо обдумала этот вопрос.

Более того, Гаэн-сан сказала, что она там «будет жить». Жить.

Конечно, она специально использовала это слово, чтобы повлиять на моё мнение, но я всё же не могу не попасться на такой трюк.

Буддистский это будет храм или синтоистский...

Для Хачикудзи Маёй, бесцельно блуждавшей целых 11 лет, а после этого обречённой без конца складывать камни в устье адской реки, я даже представить не могу, что для неё значит «иметь место для жизни». Каково для неё будет иметь собственный дом, в который можно вернуться.

Гаэн-сан предоставила три возможных решения, но выбрать я могу только лишь это.

Более того, времени искать четвёртый вариант у нас нет.

В таком случае, мне нет никакого резона тянуть время, однако...

— Хачикудзи, ты с этим согласна? — Я не мог не спросить этого.

Всю беседу я был сосредоточен только на Гаэн-сан, чтобы избежать разговора с Хачикудзи, но откладывать вечно его я не мог.

— Да, всё в порядке. Бог. Это поднимает мой дух.

Несмотря на то, что моё положение в объятиях прекрасной светловолосой женщины со стороны выглядит презабавным образом, я собирался задать абсолютно серьёзный вопрос, но Хачикудзи по-прежнему весела и беззаботна.

Поднимает дух...?

— Мне, наверное, стоило сказать: «Прости. Я запнулась».¹⁹

— Если ты продолжишь говорить в такой манере, то снова всё сведёшь к каламбуру, так что прекращай. Не надо такой серьёзный вопрос превращать в шутку.

— Это уже не просто внеочередное посмертное повышение. Это, можно сказать, прыжок вверх по карьерной лестнице.

— Я не думаю, что ты до конца понимаешь, на что соглашаешься...

Её ответ только подтверждает мою тревогу.

¹⁹ В оригинале Хачикудзи произносит «kamimashita», заменив «kami» иероглифом «бог».

Вы могли бы сказать, что я и сам ничего в этом не понимаю, но я, по крайней мере, знаю двоих людей, которые прежде занимали эту должность, в результате чего оказались в безвыходной ситуации.

Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд.

Сенгоку Надеко.

И правда в том, что я в глубине души не хочу, чтобы Хачикудзи Маёй пополнила этот список. Даже если это единственный выход.

— Я всё прекрасно понимаю. — Тем не менее отвечает Хачикудзи.

Кажется, что она полна уверенности в себе. Или лучше сказать, что она уже испытывает чувство гордости за свою работу.

— В самом деле...? Ты понимаешь, что значит быть богом? Ты осознаёшь всю ответственность, которая с этим связана?

— О, нет, у меня нет об этом ни малейшего представления.

— Нет?!

— Но. — Начала она, широко улыбнувшись.

Мне даже трудно представить более характерную для Хачикудзи улыбку.

— Я знаю, что если соглашусь на это, то смогу всё время играть с тобой, Арааги-сан.

007

Мне не хотелось бы создавать впечатление, будто я перестал спорить, но, когда я услышал, что смогу поиграть с Хачикудзи, меня правда так тронули эти слова, что я на мгновение потерял дар речи.

Гаэн-сан, никогда не упускающая возможности, пользуется моим молчанием и говорит: «Таким образом, мы уже выполнили одно из условий. Как только Хачикудзи проглотит этот талисман, мы станем свидетелями рождения нового бога храма Кита-Ширахэби», завершая, таким образом, обсуждение первого условия.

Нет, это слишком серьёзный вопрос, чтобы так просто его подытожить.

— Впрочем, выражаясь в стиле Хачикудзи, я думаю, она его «укусит», а не проглотит.

— Если тут и есть загвоздка, то точно не с точностью формулировки...

Я не хочу, чтобы меня подвели к заключению, пока я не во всём уверен. Тем не менее, я прекрасно понимаю, что невозможно найти такое решение, которым бы я был полностью удовлетворён.

— Конечно, если ты предпочтёшь, чтобы Тьма поглотила Хачикудзи, то я оставляю это на твоё усмотрение. Меня волнует только достижение конечного результата. И это тот случай, когда ты не можешь просто взять и занять её место.

— Что ж... Конечно, я пообещала, что приму любое твоё решение, мой господин, но если я позволю Тьме поглотить девочку, которую ты с таким трудом спас из Ада, то не смогу спокойно спать по ночам.

Сказав это, Шинобу, и до этого державшая меня в своих объятиях, обхватывает меня ещё и своими ногами. Теперь она сидит небрежно, скрестив ноги со мной посередине. Взрослого человека, сидящего в такой позе, вполне можно было бы назвать невоспитанным. Правда, когда в такой позе сидит Шинобу, это выглядит мужественно и в целом круто. Нечестно.

Я уверен, что никогда не выглядел так круто, когда держал её.

Теперь, после слов Шинобу, мне стало ещё труднее возражать. В первую очередь, я полностью потерял всякие основания для спора. У меня были весомые аргументы, связанные с тем, что Шинобу и Сенгоку в качестве богов уже потерпели неудачу, но Гаэн-сан, как специалист, уже доказала мне, что в её плане нет недостатков.

— Верно, братишка-демон. Хватит уже ныть. Может быть ты считаешь, что это круто — постоянно придираться к тому, что делают другие, но если у тебя нет идей получше, то тебе следует держать язык за зубами. Неужели единственное, в чём ты хорош, это мешать людям, приносящим пользу?

— Знаешь, Ононоки, когда из твоих уст вылетают такие слова, я могу найти тысячу вещей, чтобы ответить тебе...

Она довольно груба. Напоминает мне Цукихи в момент потери самообладания.

— Мы говорили об этом ещё в августе, не так ли? — Ононоки, которую Гаэн-сан держит так же, как и Шинобу меня (а учитывая, что она кукла, это очень походит на чревоуещание), немного меняет тон голоса и продолжает. — Что ты будешь делать, если Хачикудзи будет съедена Тьмой, пока ты здесь разводишь полемику и тянешь время?

— Ах да... точно.

Не то, чтобы я придумал аргумент благодаря тому, что Ононоки прочитала мне лекцию, просто Гаэн, Шинобу и Ононоки раз за разом произносят это имя, и это мне кое-что напомнило.

Ну, в принципе, я всегда держал это в голове, но не думал, что у меня будет подходящая возможность упомянуть это. Поскольку я скрывал тот факт, что встретил Оги возле моего дома незадолго до того, как приехал сюда, я до этого момента молчал об этом, но эту правду, вероятно, я должен был раскрыть на гораздо более раннем этапе беседы.

Я должен рассказать об этом, чтобы она рассудила, правда ли это.

Я допустил промах... Хотя нет. Теперь, когда Гаэн-сан переводит нашу дискуссию к обсуждению второго условия, то есть, к обсуждению Ошино Оги, сейчас самое время поднять этот вопрос.

— Гаэн-сан.

— Что такое, Коёмин?

— Эм... насчёт Тьмы... Я думаю, есть шанс, что мы серьёзно ошибаемся. — После чего я говорю вполголоса. — Ошино Оги не является тьмой, или, по крайней мере, я так считаю.

— Я знаю.

Она ответила моментально.

Напрасно я старался говорить тише.

Получилось так, что я особо подчеркнул именно эти слова. Боже, я себя сейчас чувствую таким идиотом.

Какие уж тут три страйка. Я словно попытался сделать бант, а мяч ушёл за линию фولا.²⁰ Интересно, у них в крикете есть что-то подобное?

— Серьёзно?

Тем, кто удивился, что стало для меня сюрпризом, была никто иная, как Ононоки. Впрочем, нельзя сказать, что она работает заодно с Гаэн-сан, поэтому следует ожидать, что их точки зрения будут отличаться.

— Она не Тьма? Да ладно. Я ведь постоянно намекала на это, поскольку была в этом полностью уверена.

— ...

²⁰ У бэттера есть три попытки отбить мяч. В случае неудачи судья назначает «страйк». Как правило, страйк даётся, когда бэттер не попадает по мячу, после чего мяч ловит кэтчер. Так же страйк можно получить, если отбить мяч за линию фولا. Арараги же описал более глупую ошибку. «Бант» — это действие бэттера, когда он не бьёт по мячу, а лишь подставляет биту. Это намного проще, чем обычный удар, но и в таком случае можно умудриться отправить мяч за линию фولا.

В таком случае, тебе бы следовало избегать неприятностей. Не нужно делать намеренных намёков.

Она очень сложная личность. Или, может быть, сложный человек.

Между тем, Шинобу не сказала ни слова.

Я почти уверен, что Шинобу находится под таким же впечатлением... поэтому её целью сейчас, скорее всего, является не позволить никому обнаружить это.

Хачикудзи и вовсе не знакома с Оги. Оги не переводилась в школу Наоэцу до тех пор, пока Хачикудзи не отправилась на тот свет, поэтому у неё нет никаких мыслей на этот счёт. У неё абсолютно пустое выражение лица.

— Прежде всего, почему ты так думаешь? Что Ошино Оги — Тьма, я имею ввиду.

— Нет, я...

— Ох, я плохо сформулировала вопрос. Не пойми меня неправильно, Коёмин, я не хотела критиковать тебя или издеваться над тобой. На самом деле, вполне естественно, что ты так думал. — Сказала Гаэн-сан, словно это, в самом деле, было естественно. Словно весь этот разговор идёт в точности с её расчётами.

Однако, если всё происходит в соответствии с её расчётами, то я только могу предположить, что она стояла в стороне и слышала весь мой разговор с Оги...

— Это естественно, что я так думал... Что ты этим хочешь сказать?

— Это я объясню чуть позже. — Гаэн-сан расставляет приоритеты даже в своём собственном сценарии. — Я хочу знать, когда именно ты пришёл к такому выводу. План наших действий может поменяться в зависимости от твоего ответа... Хотя я полагаю, что у меня уже есть хорошее предположение.

— Я не могу сказать «когда». Когда я наблюдал за её словами и действиями, я просто задумался над этим, понимаешь... Я имею ввиду, она даже пошла искать Хачикудзи. Потом она оказалась впутана в историю с Сенгоку, потом в историю с Тадацуру...

А перед всем этим...

Когда я впервые связался с Ошино Оги.

Первый раз, когда я встретил её после переезда, на протяжении всей череды событий, связанных с Ойкурой Содачи... Казалось бы, это настолько очевидно, насколько это только возможно.

Нет, всё свелось к этому не в результате анализа каких-либо фактов. Этот вывод был основан только на интуиции. В конце концов, эта её чёрная аура...

Разве она не идеальная иллюстрация Тьмы?

Тёмная пустота, уважающая правила.

Бездонная тьма, почитающая всемирный баланс.

— Если ты говоришь, что это естественно для меня так думать... значит ли это, что Оги-тян специально произвела на меня такое впечатление? И она просто пыталась меня обмануть...

Возможно.

Да, эта девушка определённо способна на такое.

Эта девушка из тех, кто сделает это даже забавы ради.

Но, конечно, я сомневаюсь, что она забавы ради попросила Тадацуру уничтожить меня...

— Нет, не так.

Тем не менее, Гаэн-сан лишь качает головой в ответ на моё предположение. Даже так.

— Было бы вернее сказать, что она сама поначалу думала о себе подобным образом. Даже сейчас, можно быть уверенным, она взяла на себя те же обязанности. Ошино Оги не Тьма, но она делает то же самое, что и Тьма. Она выполняет ту же роль, что и Тьма. — Сказала она.

— Та же роль, что и у тьмы...

Это «естественное явление», которое когда-то напало на вампира, считавшегося поддельным богом, Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд... и на девушку, которая осталась на Земле, несмотря на то, что потеряла причину для существования, Хачикудзи Маёй.

Тьма.

То, что в зависимости от того, где вы живёте, можно было бы назвать чёрной дырой или «телом тьмы».²¹ Одним словом, феномен, или даже концепция, расщепляющая странности, отклонившиеся от намеченного пути.

Когда она пришла за Хачикудзи в августе, я был в такой панике, что у меня не было времени для особо глубоких размышлений по этому поводу, но потом, когда я сделал попытку задуматься о том, что же произошло, я пришёл к выводу, что это не столько естественный враг для всех странностей, сколько некий судебный орган.

Закон Вселенной.

²¹ Отсылка к манге Bastard!!, в которой мощная боевая форма Ангелов и Демонов называлась «Augoeides», и в случае с Демонами записывалась иероглифами как «тело тьмы» (暗黒体), а в случае с Ангелами — как «тело света» (光体).

Закон, подобный гравитации, или третьему закону Ньютона, или естественному отбору, или борьбе за выживание, или даже математике. Это просто что-то, чему стоит следовать и никогда не бросать вызов. И это отнюдь не «что-то», вроде чего-то чёрного, плывущего в глубинах космоса.

Да.

Это то, во что я верил, пока не встретил Ошино Оги.

Пока я не встретил её во плоти.

...Но, похоже, что это было типичное недоразумение, всего лишь поспешный вывод, столь характерный для меня. И, в конце концов, я полностью ошибался, застрял в тупике, я не двигался ни вперёд, ни назад, а лишь топтался на месте.

— Ох, нет никакой необходимости так принижать себя. Я же только что сказала, не так ли? Ошино Оги выполняет ту же роль, что и Тьма, поэтому, честно говоря, будет не так уж и далеко от истины считать её Тьмой. Но, на всякий случай, позволь мне кое-что прояснить. — Сказала Гаэн-сан, посмотрев на Хачикудзи. — Тьма, о которой мы так переживаем, снова придёт в наш город, если мы оставим Хачикудзи в её нынешнем состоянии, без всякого преувеличения, настоящая Тьма. Та самая Тьма, которая напала на Хартандерблейд, та самая Тьма, что пришла за Хачикудзи в августе. Подлинная Тьма.

С другой стороны, та, кто, вероятно, придёт за Хачикудзи даже после того, как мы поселим её в храме Кита-Ширахэби, даже после того, как мы её обожествим... Та, кто выполняет роль тьмы, Ошино Оги.

Сказав это, Гаэн-сан отрывает взгляд от Хачикудзи и сосредотачивается на мне, но, несмотря на то, что она смотрит прямо на меня, та вещь, что она только что сказала, была настолько внезапной, что я пока никак не отреагировал.

Лучшее, что я могу сейчас сделать, это лишь повторить её слова.

— Даже после того, как мы обожествим её... Она всё равно придёт на ней?

Что?

После того, как разговор вернулся к Хачикудзи, я, наконец-то, перевариваю смысл сказанного и не могу не поднять брови от удивления. Даже если это не конечная цель Гаэн-сан, мы должны обожествить Хачикудзи, чтобы она избежала Тьмы. Если на неё снова нападут, то станет она богом или нет, это в первую очередь разрушит сам смысл её превращения.

Так в чём смысл?

Если это так, она даже поиграть со мной не сможет.

— Вот поэтому я и сказала, что есть два минимальных требования. Просто сделать Хачикудзи богом будет недостаточно. Это будет только половина дела, а вторая половина останется. Если мы не уничтожим Ошино Оги, мы ни к чему не придём.

— Ты продолжаешь говорить «уничтожим»...

Я говорю это, не в силах больше терпеть.

Может быть, это термин, который Гаэн-сан использует ежедневно, слово, не имеющее для неё глубокого смысла, но, тем не менее, вне зависимости является она врагом или нет, и независимо от того, действительно ли она является Тьмой, мне неприятно слышать, когда кто-то подобным образом говорит о моём кохае, тем более, о молодой девушке.

Это невыносимо.

«Ты встанешь на мою сторону?»

«Пожалуйста, спаси меня»

Дело не в том, что я зацепился за эти слова или что-то в этом роде. Мне просто не нравится, как Гаэн-сан говорит о ней.

— Не могла бы ты прекратить использовать это слово? Когда ты произносишь «уничтожим», то складывается впечатление, будто Оги-тян — какая-то странность.

— Именно так.

Ещё один моментальный ответ.

— Она обычный... монстр.

008

Проходит время, прежде чем я прихожу в себя.

Не знаю, является ли эта пауза частью плана Гаэн-сан. Между фактами появляется связь, и мы приближаемся к истине, но для меня ситуация лишь ухудшилась, а истина стала ещё менее различима.

Монстр.

Обычный... монстр.

Если придирается к словам, то можно сказать, что она не может быть «обычной» уже потому, что является монстром. Впрочем, у нас уже есть легендарный вампир, Ошино Шинобу, в сильнейшей своей форме, искусственная странность, Онооки Ёцуги, и намеревающаяся стать богом Хачикудзи

Маёй. В этом месте собрано столько необычных существ, что я не уверен, нужно ли делать акцент на необычности.

Так что закроем на это глаза.

— Оги-тян... странность?

Что ж.

Раз уж мы заговорили об этом, так ли это странно...? Ещё пару минут назад я был в шаге от уверенности, что она может являться Тьмой, так что мне нечего ответить... Хотя её внезапные появления в самый неожиданный момент, безусловно, напоминают поведение фантома.

Раз уж я уже подозревал её в том, что она может быть Тьмой, то почему бы не заподозрить её в том, что она является странностью.

Ну, или монстром, я полагаю.

Я чувствую, что всё возвращается на свои места, хотя...

Знаю, что не стоит сейчас усложнять ситуацию, но всё же, мог ли монстр, или другими словами, странность, действительно перевестись в старшую школу? Мог ли монстр ходить в школу, посещать занятия и учиться?

— Подожди, Коёмин. Ты когда-нибудь видел, как она посещает школу или ходит на занятия? Просто большинство ваших с ней контактов происходило именно вблизи школы.

Ну... это правда.

Подождите пару секунд, мне нужно полностью перестроить свой мыслительный процесс. Мне нужно время, чтобы собраться с мыслями. Если бы я мог, я бы сейчас пошёл домой и немного поспал, но сейчас, конечно, времени на это нет.

Нужно подумать.

Мне нужно вспомнить все мои разговоры с Оги вплоть до этого момента, однако воспоминания столь поверхностны, что мне не удаётся расставить их в хронологическом порядке.

Я должен постараться вспомнить...

Мои воспоминания ещё больше расплываются.

И это происходит не впервые. Так происходит всегда, когда я общаюсь с Оги. Всякий раз, когда я с ней разговариваю, в моей памяти наступает полный беспорядок. Меня заставляют вспоминать то, что я никогда не хотел вспоминать, и как только я нахожу нужную мысль, я сразу теряю воспоминания о том, о чём только что думал, и мне прививают воспоминания о том, что никогда не происходило.

Совершенно как... действия какой-то нечеловеческой формы жизни.

Но всё-таки...

— Допустим, что она странность, чисто гипотетически. Даже так, разве её личность не слишком окутана тайной? На самом деле, было бы проще всё объяснить, если бы она была Тьмой... Какие у тебя есть основания называть её монстром?

— Позволь мне задать один вопрос. Какие у тебя есть основания для того, чтобы называть Ошино Оги «Оги-тян»?

— ?

Неужели она имеет в виду, что использовать суффикс «тян» в её случае неприемлемо.

Раз уж мы теперь враги, может быть, Гаэн-сан считает, что мне не стоит относиться к ней столь фамильярно... Но я не могу так вот сходу начать по-другому называть человека.

«Хитаги».

Хм.

Ко мне возвращаются воспоминания прошлой ночи, и, хотя нет ничего необычного в том, чтобы с улыбкой вспомнить прошлое, я заливаюсь румянцем.

— Что же тебя так засмущало? Аж противно.

Ононоки не позволяет расслабиться.

Характер у неё мерзкий, причём основательно.

Странно, и почему я вообще обращаюсь к тебе с использованием «тян»... Но, похоже, что Гаэн-сан это не волнует, поскольку она бодро продолжила:

— Ты просто принял её такой, какая она есть, когда она представилась как «Ошино Оги», и начал называть её «Оги-тян», не так ли?

— Ты вроде говорила, что она представилась мне поддельным именем, не так ли?

— Поддельное имя, псевдоним — как ни назови, это всё не имеет большого значения. Это всего лишь имя, которое она придумала в тот момент. Она даже старалась. Ты бы мог вполне рассмеяться ей в лицо, когда она себя так назвала. Я бы, во всяком случае, точно впала бы в истерику.

— ...?

Несмотря на её слова, я пока что не могу понять, что же такого смешного в имени «Ошино Оги». Если уж говорить о необычных именах, то тот парень, что разделяет с Оги фамилию, Ошино Меме, и та, кому он свою фамилию даровал, Ошино Шинобу, имеют куда более творческие имена, если брать во внимание характеры их носителей.

— Обычно ты так не тормозишь, Арараги-сан.

Хачикудзи вскакивает, чтобы всё объяснить. Немного удивительно, что Хачикудзи думала, будто я быстро соображаю, впрочем, она собирается объяснить мне то, что я должен был понять намного быстрее.

Как человек, потративший с Хачикудзи кучу времени на обсуждение «имён».

Тем не менее, учитывая то, что она знает об Оги только то, что было упомянуто в этом разговоре, её способность так метко подмечать многие вещи доказывает, что она бывалый воин в этих делах.

— Как я могу догадаться, эта Ошино Оги-сан была представлена тебе Камбару-сан, верно? Она была представлена тебе, как фанатка Камбару-сан, которая была лучшим игроком баскетбольной команды, так?

— Да... В целом всё так и было.

— Fan. То есть Оги.²²

Это так глупо, что я сейчас потеряю сознание.

Едва ли есть что-то дерзкое в самом псевдониме. Он так же прост, как какой-нибудь никнейм вроде «аааа», или «bbbb», или даже «1234», столь же равнодушный и придуманный с безразличием. Это такое имя, которое можно назвать лживым сразу же, как только услышишь.

Если что и можно назвать дерзким, то это её смелое решение назваться таким именем...

— П... подожди, а что насчёт её фамилии? Ошино... Я так понимаю, что то, что она племянница Ошино, это тоже ложь...

— Вопрос с её фамилией несколько сложнее. Вернее сказать, что он немного выходит за границы нашей темы... Однако то, что она племянница Ошино, это однозначно ложь. Насколько мне известно, как его сэмпая, племянниц у него нет. Конечно, Меме не какой-то неодушевлённый предмет, и у него определённы должны быть родственники, но, насколько я знаю, семьи у него нет. — Утверждает Гаэн-сан.

— В таком случае... она пыталась завоевать наше доверие, используя фамилию Ошино? Но зачем... Чего она надеялась добиться, появившись перед нами и подделав свою родословную? Поднять авторитет?

Странности.

У них должны быть весомые причины для каких-либо действий.

²² Имя «Оги» (扇) переводится как «веер», что по-английски будет «fan».

В отличие от Тьмы, странности не действуют безусловно.

В таком случае, какая необходимость была у Ошино Оги предстать перед нами? Чтобы навести в наших жизнях полнейший бардак?

— Если Ошино Оги на самом деле не Ошино Оги... то кто она? Какая её... истинная личность?

Я уже стал позором для всего человечества, прося объяснить мне каждую мелочь, но что бы ни говорила Гаэн-сан, мне трудно резко согласиться, что Оги — странность.

Мне нужно, чтобы она мне объяснила.

— Её личность неизвестна, вот всё, что можно сказать про её «истинную личность». И поэтому самый простой способ её уничтожения был вполне очевиден... Мой первоначальный план заключался в том, чтобы уничтожить Ошино Оги при помощи меча Кокороватари. Но вряд ли это был бы самый подходящий метод. Это скорее была крайняя мера, граничащая с грязной игрой. В самом деле, меч, способный убить любую странность, в руках специалиста — это почти что мошенничество. Неудивительно, что именно такой человек стал первым слугой Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд... И конечно, нельзя не увидеть иронию в том, какой он встретил конец.

— ...Ты собиралась разрубить Оги-тян при помощи «убийцы странностей»?

— Эй, не смотри на меня так. На чьей ты стороне, в конце концов?

Она говорит это в шутку, не вкладывая в слова слишком много смысла, но эта её фраза повергает меня в шок. Она словно вонзила иглу в моё тело в момент наивысшего напряжения.

Если меня сейчас спросить, на чьей я стороне, то я не смог бы однозначно сказать, что я на стороне Гаэн-сан, даже если бы у меня не было того разговора с Оги.

— Я собираюсь убить странность при помощи «убийцы странностей». Всё в порядке, никаких противоречий. Это как раз то, чем и должны заниматься специалисты.

— ...Ты для этого и сделала демонический меч Кокороватари?

Когда она разрубила меня на кусочки в храме Кита-Ширахэби, я задался вопросом, как же у неё это получилось. Теперь же, глядя на то, как обстоят дела, данный производственный процесс становится очевиден.

Она сделала этот меч, перековав доспехи, которые носил первый слуга Шинобу, Шишируй Сейширо, таинственно исчезнувший в августе.

...Я не знаю, каким образом я пришёл к такому выводу, но я в нём уверен. Однако, означает ли это, что Гаэн-сан планировала убить Оги-тян ещё с того момента, как завладела доспехами?

Невозможно.

Вне зависимости от того странность ли она или переведённая ученица, Оги-тян впервые предстала перед нами в октябре, следовательно, у Гаэн-сан не было никаких оснований выковырывать Убийцу Странностей в августе.

В тот момент Оги ещё не сделала ничего, чтобы заслужить уничтожение.

— Или, может быть, раз уж ты «знаешь всё», то ты уже наметила нашу дискуссию у себя в ежедневнике на сегодня, 14 марта, ещё в августе?

— Нет, что ты. Я уже не в том возрасте, чтобы пользоваться школьным календарём.

Она проигнорировала суть вопроса.

Я не спрашивал её, с какого месяца начинается её ежедневник.²³

— Когда я говорю, что всё знаю, я не имею ввиду, что умею предсказывать будущее. И хотя меня огорчает тот факт, что я не оправдываю твоих ожиданий, но я не настолько идеальна, чтобы предсказать нынешние события ещё в августе. Это распространённое заблуждение, но я всеведуща, а не всемогуща.

— ...Но в таком случае...

— Я не планировала убивать Ошино Оги. Однако я предполагала, что Ошино Оги вскоре появится. Я подумала, что есть шанс, что такое произойдёт, поэтому нашла доспехи Первого слуги. Конечно, я это всё делала потому, что готовилась к худшему сценарию.

— Хах. Словно мародёр на пожаре. Неудивительно, что этого было недостаточно, чтобы насытить меня. — Мрачно подмечает Шинобу.

Это в самом деле потрясающе, когда она вот так вот говорит прямо возле моего уха. Я чувствую тепло её дыхания, и это меня сводит с ума.

— Ой, Шинобу-сан, не говори так. Разве я тебе его не вернула?

Судя по тому замечанию, я могу предположить, что Кокороватары, которым Шинобу играла в крикет, был не тем самым мечом, которым она обладает, а всего лишь копией, сделанной Гаэн-сан.

Она проглотила его, прежде чем усадила меня к себе на колени. Означает ли это, что внутри неё теперь два демонических меча? А если брать в расчёт Юмэватари, который, вероятно, был дан ей как часть набора, то даже три меча.

²³ Учебный год в Японии начинается в апреле. Поэтому многие ежедневники и календари начинаются с апреля и кончаются мартом. Очевидно, чтобы в августе наметить что-либо на март следующего года, нужен такой «школьный» ежедневник.

— Мне он больше не нужен. Теперь, когда ты согласился помочь мне, Коёмин, мне не придётся прибегать к таким жестоким мерам. Я могу уничтожить Ошино Оги более достойным образом, как настоящий экзорцист, используя невероятно обычный метод.

— ...Что ты имела в виду, когда говорила, что предполагала появление Оги-тян?

Больше, чем её достойный и обычный метод, мне в её словах было интересно именно это. Если она уже ждала появления Оги, разве это не означает, что она действительно собиралась уничтожить её с самого начала?

— О, нет, это был скорее приблизительный расчёт. Видишь ли, я однажды уже столкнулась с такой странностью... ну, может быть, это будет преувеличением, но очень похожей на Ошино Оги.

Вот значит как.

У неё чрезвычайно богатый опыт, чего и следовало ожидать от главы специалистов. Любая неожиданность, подобная грому среди ясного неба, для Гаэн-сан будет всего лишь одним из множества случаев.

Или я так думал, но, кажется, был неправ.

— Я с этим столкнулась, ещё когда училась в начальной школе. Может это и покажется немного странным, но у меня это даже вызывает лёгкую ностальгию.

— В начальной школе...?

У меня есть серьёзные проблемы с тем, чтобы представить себе Гаэн-сан в её лоли-дни. Но я сомневаюсь, что она была большим боссом уже во времена начальной школы. Не могла же она быть Гаэн-сан, которая «знает всё», на протяжении всей жизни.

— Да. Правда, технически, с этим столкнулась не я, а моя старшая сестра — Гаэн Тооэ. Мать Камбару Суруги, с которой ты хорошо знаком.

Как младшая сестра, я наблюдала за всеми действиями своей старшей сестры с самого детства. На самом деле, возможно, это был мой первый опыт взаимодействия со сверхъестественным. — Размышляет Гаэн-сан, словно действительно предаётся ностальгии. — Моя сестра... она столкнулась с неизвестной странностью. Кстати, Коёмин, что ты знаешь о моей сестре?

— Хм, да не так уж и много... Разве что только то, что она завещала Камбару Обезьянью Лапу.

Я действительно не говорю с Камбару о таких серьёзных вещах... Мы с ней обычно просто болтаем. Всё, что я о ней знаю, так это то, что она сбежала с единственным сыном семьи Камбару, затем родила Камбару Суругу, а позже погибла в автокатастрофе, я полагаю.

Я слышал только несколько смутных фактов, так что если меня кто-то спросит, каким она была человеком, то у меня не будет ответа.

Интересно, похожа ли она на Камбару? Не то, чтобы я предполагал, что у неё был такой же характер, как у Камбару, но всё же...

— «Если ты не можешь стать лекарством, то стань ядом. Иначе ты просто вода» — сказала Гаэн-сан, подражая чьему-то голосу. — Она была как раз таким человеком, который сказал бы это своей младшей сестре. Честно говоря, мне было трудно уживаться с ней.

Она только что призналась, что у неё был член семьи, с которым ей «было трудно уживаться».

Услышав это, я почувствовал, что впервые увидел человеческую сторону Гаэн-сан. Но опять же, человек, говорящий подобные вещи, пугает даже меня, а ведь я слышу эти слова не из первых уст.

Но, в то же время, я ей сочувствую...

— Она была похожа на тебя, в некотором роде.

Она говорит это мне, и это чертовски смущает.

— Моя сестра не была демоном, но очень была на него похожа. Это не значит, что она походила на вампира, вроде тебя, нет, но уже в начальной школе я знала, что моя сестра — очень проблемный человек. Я бы даже сказала, что она была опасна. Как бы сказать... Она не была монстром, но очень его напоминала.

— ...

— Она была строга к себе и строга к другим. И чем строже она становилась, тем праведней себя считала. Таким вот человеком она была. В самом деле, если у тебя будет когда-нибудь такая возможность, поспрашивай побольше о ней у Суруги. Да, она была маленькой, когда моя сестра умерла, но я уверен, что у неё осталось множество воспоминаний о своей жизни с матерью. Но мы немного отклонились от темы. Я просто хотела сказать, что моя сестра ассоциируется у меня с тобой, Коёмин.

Строга к себе и строга к другим...?

Неужели это похоже на меня?

Забавно, что сейчас наиболее озадаченной выглядит Хачикудзи, но Гаэн-сан не собирается это объяснять, а вместо этого говорит: «Итак», и продолжает разговор:

— Итак, я ожидала, что ты пойдёшь по тому же пути, что и моя сестра. Вернее, я опасалась этого. Ещё с тех пор, как впервые работала с тобой в августе. Я предполагала, что ты когда-нибудь столкнёшься с такой же странностью, что и моя сестра, и, конечно же, мои ожидания оправдались... Так что, как видишь, осторожность никогда не бывает лишней.

— ...Осторожность?

Если бы я всю жизнь был таким осторожным, то я, вероятно, сошёл бы с ума. Я в этом уверен, потому что я настолько беззаботен, что постоянно попадаю в подобные ситуации.

— Так, для справки. Что сделала твоя сестра? Очевидно, что ни у кого из вас тогда не было меча Кокороватари...

— Как я уже говорила, она атаковала со лба. В этот раз я хочу использовать тот же метод. Я хочу, чтобы ты сделал то же самое, что и моя сестра.

— ...? Ты хочешь, чтобы это сделал я? Не ты?

— Ты единственный, кто может это сделать.

Гаэн-сан кивает.

Уверенно кивает.

— В этом не будет никакого смысла, если это сделаю я. Также не будет смысла, если это сделает Шинобу-сан. И раз уж мы об этом заговорили, то и Меме, и Ёдзуру тоже не смогут этого сделать. Ты единственный, кто может это сделать, и кто должен это сделать.

Ты должен это сделать.

В одиночку.

Гаэн-сан сказала это, особо выделив «в одиночку».

— Ты хочешь сказать... что люди могут спасти себя только сами?

— Это принцип Меме, не мой... Но знаешь, в данном контексте эта фраза звучит довольно правдиво. Правда, было бы неправильно сказать, что я на этот раз абсолютно ничего не могу сделать, чтобы помочь тебе.

— ...

«Вызови Оги-тян на противостояние один на один» — это предложение легко можно прочитать из слов Гаэн-сан, то, что это предложение возникло в моей голове из ниоткуда, немного беспокоит меня.

Моя дуэль с Шишируй Сейширо.

Что-то вроде этого, как нетрудно догадаться. Кроме того, я в течение прошлого года участвовал в бесчисленных сражениях, в том числе и сражениях насмерть. Извиняюсь за хвастовство, но позвольте мне особо отметить, что не будет преувеличением сказать, что мне удалось выжить в настоящем шторме из пуль. Начиная с весенних каникул, когда я обменялся смертельными ударами с очаровательной красавицей по имени Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд, которая в настоящий момент обнимает меня своими руками, перебирая своими пальцами мои рёбра. Я уходил от верной смерти столько раз, что не сосчитать.

Именно потому, что я прошёл через всё это, противостояние с Оги-тян меня не интересует. Такое чувство, будто мне рассказали анекдот без кульминации, и я не могу понять — где смеяться, я даже смысла понять не могу.

Противостояние. Решающее сражение. Жизнь или смерть... Звучит очень драматично, но в нынешней ситуации это всё пустые слова.

— Хм. Если это с чем-то сравнивать, не кажется ли тебе, будто ты посмотрел пятиминутное аниме с открытой концовкой, Арараги-сан? При этом само содержание эпизода было не более минуты.

— Пожалуйста, оставь свои шутки при себе, Хачикудзи-сан.

Эта была простая и понятная метафора, но сейчас не время валять дурака.

Скорее всего причина, по которой эта идея не укладывается у меня в голове, в том, что независимо от того, кем она является на самом деле, я не могу себе представить Оги-тян в роли боевой ученицы первого класса старшей школы.

Какой бы загадочной она не была, я считаю настоящим преступлением — нарезать такую миловидную школьницу самурайским мечом.

— Боже, я же уже сказала, что мы не будем использовать этот метод. Тот план отправлен в утиль. Благодаря тебе, нам не придётся его использовать. Даже мне не нравится идея, разрезать кого-то в школьной форме, или лучше сказать, в человеческой форме.

— ...

Но ты уже это сделала.

Когда я, будучи в человеческой форме, пришёл на территорию храма, фактически святую землю, ты хладнокровно нашинковала меня на такие мелкие кусочки, что от моей человечности ничего не осталось.

Не могу однозначно определить, лукавила она или говорила серьёзно, в любом случае, уже нет смысла спорить о том, что прошло. Хотелось бы узнать, почему «благодаря мне» нам не придётся

использовать тот старый план, поэтому мне стоило бы спросить, в чём же заключается наш новый план, раз уж я пропустил объяснение.

А если мне предстоит исполнить его в одиночку, то тем более нужно с ним ознакомиться. В конце концов, есть вещи, которые я могу сделать, а есть те, которые сделать не в состоянии.

Я буду фактически бессилён, если меня попросят сделать что-то настолько трудное, как, к примеру, разрубить Оги-тян пополам при помощи меча. Что бы Гаэн-сан не предложила Шинобу и Хачикудзи в обмен, я буду вынужден отказаться.

— Я не собираюсь просить тебя сделать что-либо трудное. Это на самом деле очень просто. Это способен сделать любой, просто это не возымеет никакого эффекта, если это сделаешь не ты.

— ...Ты сейчас преувеличиваешь. То, что ты сейчас расписываешь мне, как простое и понятное, на самом деле является невыполнимой задачей, не правда ли?

— Едва ли. Я просто хочу попросить тебя сделать то же самое, что сделала моя сестра десять лет назад.

— Опять же, ты представляешь это простым, но разве не ты говорила, что твоя сестра была необыкновенной личностью? Строга к себе, строга к другим, похожа на демона. Не думаю, что я способен сделать что-то, что сделал такой грозный человек.

— О, нет-нет. В некотором смысле, я уверена, тебе это будет сделать даже легче, чем моей сестре. В конце концов, ты тот человек, который пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти умирающего вампира.

— ...?

Я не улавливаю связи.

Зачем ей было нужно вспоминать то, как я спас Шинобу на весенних каникулах? Не говорите мне, что она хочет, чтобы я повторил то же самое, чтобы спасти странность, которой на этот раз будет Оги-тян. Это же почти как...

«Пожалуйста, спаси меня».

Это похоже на то, что она просит меня о том же самом.

Однако, такого Гаэн-сан никогда не скажет. Она полностью лишена подобной сентиментальности. Она одиночка до мозга костей. Меня не обмануть её доброжелательной внешностью. Я очень хорошо знаю её принципы, как специалиста.

Её принцип в том, чтобы искать максимально оптимальное решение.

Когда Сенгоку Надеко стала богом в храме Кита-Ширахэби, она уже подготовила необходимые контрмеры, потому что Сенгоку была неспособна стать богом.

— В конце концов, настоящая угроза неизвестного масштаба, которой является Ошино Оги, как раз в том... что она неизвестна.

И затем Гаэн-сан сказала это.

Она сказала, что я должен сделать.

— Поэтому, если ты разоблачишь её истинную сущность, то она падёт.

— Падёт...?

— Ну, или можно просто сказать, что она будет уничтожена, я полагаю. Важно то, что она является подделкой, лгущей о своей истинной личности. Как бы то ни было, она большая лгунья. А что касается того, что с ней произойдёт, когда её ложь раскроется... Ну, Шинобу и Хачикудзи уже испытали это на себе.

Знаю.

Я тоже это прекрасно знаю.

— Тьма.

— ...Тьма...

— ...Тьма.

Мы втроём сказали это в унисон.

— Верно. Странности, выдающие себя за других, будут поглощены Тьмой. А она, в частности, и выдаёт себя за саму Тьму. Я уверена, что её наказание за это будет суровым. Что посеешь, то и пожнёшь. Всё, что она сделала за последние шесть месяцев, весь тот хаос, что она создала вокруг тебя, всё это ей вернётся.

Гаэн-сан ухмыльнулась.

Такое выражение лица совершенно не подходит добродушной молодой девушке. Однако, это скорее не пожинание плодов, а кульминация затянувшейся шутки.

Это похоже на конец сказки.

Её истинная личность будет раскрыта.

И это всё, что нужно, чтобы положить конец её существованию. Конечно, для Ошино Оги, ставящей тайну своей личности превыше всего, это неизбежно является слабым местом.

— Ну, это в значительной степени относится ко всем странностям, поэтому я и назвала Ошино Оги «обычным монстром». Учитывая, что первой странностью, с которой ты столкнулся, была вампир, Киссшот Ацуролаорион Хартандерблейд, а после чего тебе не единожды приходилось сражаться за свою жизнь, не говоря уже о том, что ты познакомился с невероятно любящей грубую силу оммёдзи, Кагенуй Ёдзуру, у тебя, вероятно, могла появиться опасная мысль, что со странностями лучше всего бороться в реальном бою, однако японское слово «монстр» буквально означает «то, что притворяется»,²⁴ так что это лежит в их основе. Они похожи на кицунэ или тануки.²⁵ Если ты раскроешь их истинную природу, то они перестанут существовать. Это всё, что нужно сделать.

— ...

— Как только ты объясняешь сверхъестественное явление при помощи науки, оно становится всего лишь суеверием, не так ли? Здесь то же самое. Может это и покажется немного старомодным такому современному парню, как ты, но наша работа, как специалистов, по сути, заключается в том, что мы берём городские легенды, тщательно их изучаем, а затем досконально разбираем на мелкие детали, в результате чего они утрачивают свою силу. В мире есть вещи, которые наука объяснить не в силах — мы в это не верим. Неуклонное сокращение количества необъяснимых вещей — вот наше ремесло. Объяснять необъяснимые вещи, чтобы их понял любой, этим мы себе на жизнь и зарабатываем. В этом смысле работы для нас со временем становится всё меньше. Мы похожи на осьминогов, поедающих собственные щупальца. — Сказала Гаэн-сан, намекая на самоуничтожение. Я вспомнил, как Ошино сказал мне давно, что попытка решать все вопросы при помощи боевых действий — это слишком жестокий способ, чтобы сделать что-либо.

«У тебя ужасно жестокий образ мысли, Арараги-кун. Случилось что-то хорошее?»

Вот, что он говорил мне.

Теперь я понял.

Если я приму логику Гаэн-сан, то не буду сражаться с Оги-тян один на один. Это будет одностороннее истребление.

Это оставит ужасное послевкусие.

Я почти уверен, что этот вариант не сильно отличается по сравнению с разрубанием мечом, но кажется, что это всё-таки самое оптимальное решение и наилучший план по разрешению сложившийся в городе ситуации.

— Твоя сестра изгнала такую же, как Оги-тян, странность, не Тьму, но псевдо-Тьму, таким же образом?

— Да, точно так же. Моя сестра не была специалистом и не была намного старше, чем ты в настоящее время, но она проводила собственные исследования и самостоятельно справилась с

²⁴ «Bakemono» (化け物 или 化物) от яп. «bakeru» (化ける) — «принимать чей-то облик».

²⁵ Кицунэ (лиса) и тануки (енот) — известные персонажи японского фольклора, известные в том числе умением превращаться в людей.

кризисом. Она действительно... сильный человек. Она была сильной личностью. — Говорит Гаэн, поправляя прошедшее время. — Я думаю, что это показывает, что даже самый сильный человек не может ничего сделать в случае автокатастрофы. Ох, это, наверное, очень болезненная тема для Хачикудзи-тян.

— Хмм... Но тем не менее, автомобиль — очень удобный способ передвижения. Без них люди бы не смогли полноценно существовать в современном обществе.

Хачикудзи Маёй, девочка, переходившая дорогу на зелёный свет и сбита автомобилем 11 лет назад, отвечает, делая вид, что не понимает, о чём речь.

Она даже слишком переигрывает... потому что не забыла ту травму.

— Коёмин. Может ты и использовал термин «псевдо-Тьма» совершенно случайно, но ты попал точно в цель. Это отлично передаёт саму идею. Однако, стоит отметить, что ты совершишь большую ошибку, если считаешь, что приставка «псевдо-» означает лишь ухудшенную копию оригинала. На самом деле именно потому, что она подделка, она создаёт куда больше неприятностей, чем оригинал. Мой недостойный кохай, мошенник Дейшу Кайки, сказал бы, что в отчаянной попытке стать реальной подделка стала реальнее оригинала.

— ...После того, как мы обожествим Хачикудзи в храме Кита-Ширахэби, настоящая Тьма не придёт за ней, но псевдо-Тьма может... Ты это имеешь в виду?

— Именно. С моей точки зрения псевдо-Тьма более опасна настоящей Тьмы. Она не допустит отступнического решения. Она примет позицию, что решение, при котором все останутся счастливы — это просто обман.

— ...

— И поэтому я бы хотела сегодня положить всему конец. Чтобы выполнить и мою работу, и твои желания, необходимо второе требование — уничтожение Ошино Оги. Если его не выполнить, то выполнять первое требование бессмысленно. Вот, что я имею в виду.

«Пожалуйста, спаси меня».

«Ты встанешь на мою сторону?»

«Пожалуйста, спаси меня».

Нравится мне это или нет, но я всё ещё пытаюсь осмыслить эти слова Оги-тян. Я всё ещё не понимаю, чего она добивалась, произнесла это.

Были ли это её истинные чувства?

Или это была часть её роли «неопознанной» псевдо-Тьмы? Тем не менее, чем бы это не являлось, может даже её цель была совсем иная, но не похоже, что я смогу прислушаться к её словам.

Возможно, я просто позволил Гаэн-сан заболтать меня. Возможно, я просто попался на уловку взрослого человека.

Но позволить Хачикудзи быть поглощённой Тьмой...

Позволить ещё одной трагедии случиться с близкими мне людьми...

Бросить их... я не могу.

За последние полгода произошло слишком много всего.

Правильного и неправильного.

Нравилось оно мне или нет.

Я должен уничтожить Ошино Оги.

Не зависимо от того, какая улыбка будет на её лице.

Я оглядываюсь на Шинобу через плечо. Она спокойно смотрит на меня золотыми глазами.

Я однажды уже отказал Хартандерблейд в её просьбе.

«Спаси меня».

Она умоляла меня об этом, но я ответил:

«Я не спасу тебя».

Да, я не послушал её.

Теперь пришло время дать Оги-тян тот же ответ.

— Хорошо, я не буду спасать Ошино Оги.

Укрепляя свою решимость, я спрашиваю:

— Поэтому, пожалуйста, расскажи мне, Гаэн-сан. Расскажи мне об истинной форме таинственной переведённой ученицы, Ошино Оги.

— Её истинная форма...

Она даёт мне немедленный ответ, решительно и неотступно.

Гаэн-сан знает всё.

Я же, в конце концов, не знаю ничего.

009

Арараги Цукихи — странность.

Она — младшая дочь в семье Арараги, ученица средней школы, которая в следующем учебном году пойдёт уже в 9 класс,²⁶ стратег «Огненных сестёр», девушка, часто меняющая свою причёску, и... феникс.

Если бы мы попытались её классифицировать, если бы мы использовали классификацию не из биологии, а из монстрологии, то она была бы кем-то вроде кукушки, «птицы смерти».²⁷

Кукушка — птица, перемещающаяся между миром живых и миром мёртвых. Символ бессмертия, в некотором смысле. Как бы то ни было, совершенство Арараги Цукихи в роли бессмертной странности превосходит даже вампирское бессмертие.

Она более неуязвима, чем вампир, более искусна в воскрешении, чем зомби, и более вынослива, чем призрак. Она никогда не умрёт ни от болезни, ни от яда, ни от несчастного случая.

У неё нет никаких особых способностей, присущих странностям. Она просто живёт своей жизнью, как обычный человек, затем её жизнь закончится, и она, не осознавая этого, переродится и продолжит жить новой жизнью, будто ничего не произошло.

Она перевоплотится.

Говорят, что феникс возрождается из пламени, но, по правде говоря, он представляет собой обычную странность, и этот процесс лишён подобной пышности. И всё же, нет никакой ошибки в том, что она странность. В результате несколько специалистов даже нанесли визит в наш город только лишь с целью уничтожить её.

Кагенуй Ёдзуру.

Ононоки Ёцуги.

Совершенно неясно, как дуэт этих специалистов, специализирующийся на уничтожении бессмертных существ, собирался «уничтожить» Арараги Цукихи, которую невозможно убить никоим образом. В конце концов, можно констатировать, что они согласились не обращать на неё внимания.

Конечно, девушка, о которой идёт речь, совершенно не осознавала, что произошло.

Однако ей позволили продолжить жить, как странности.

Ей позволили продолжить жить, как человеку.

Ей позволили жить, как члену семьи Арараги. Ей позволили жить, как младшей сестре Арараги Коёми.

Её признали.

Получить признание — это была её задача, как странности.

Таким образом, она та, кем является. Она та, кем является сегодня.

Арараги Цукихи существует здесь и сейчас. В среду, 14 марта.

²⁶ «3 класс средней школы», если следовать японской терминологии.

²⁷ У кукушки в Японии существует несколько имён, связанных со смертью: «Shide no tori» (死出の鳥), «shide no tawosa» (死出の田長).

— Я пошла! — Первым делом сказала Арараги Цукихи, выходя из дома после полудня.

Впрочем, выражение «первым делом» не совсем подходит, потому что из дома она выходила последней. Родители давно ушли на работу. Её брат, только что сдавший экзамены, был на своём последнем школьном свидании. И её сестра, которая в наступающем учебном году должна стать ученицей старшей школы, сразу же после завтрака уехала, направляясь на свой хякунин-кумитэ в приподнятом настроении. Однако, с точки зрения Арараги Цукихи, эти двое ускользнули от неё, пока она отвлеклась. На самом деле, у неё всегда был довольно распушенный характер, и она никогда не была особо внимательна к тому, чем заняты её братья и сёстры.

Более того, среди всех трёх братьев и сестёр, тот, чьи действия являются настоящей загадкой, и тот, кто представляет наибольший повод для беспокойства — это никто иная, как самая младшая сестра, о которой и идёт речь. Если её оставить одну что-либо делать, то она будет делать что-нибудь опасное, гарантировано.

Сегодня не стало исключением, поскольку она сказала своей семье, что пойдёт «навестить подругу, поправляющуюся после болезни», раз уж у неё начались весенние каникулы, но, естественно, планы у неё были другие.

Она соврала.

Она обманула свою семью без малейшего чувства вины.

Несмотря на это, в широком смысле сказанное ею не противоречило истине, так как она действительно отправилась в дом Сенгоку, как она и сказала. Она посетила дом своей школьной подруги Сенгоку Надеко.

С начала средней школы они разругались и перестали общаться, но когда-то они были столь близки, что даже называли друг друга по прозвищам. Недавно они снова нашли контакт друг с другом при помощи старшего брата Арараги Цукихи и возродили свою дружбу.

Забываясь о своей подруге, которая в конце прошлого года была похищена на несколько месяцев, она регулярно навещала её после выписки из больницы. Ну, это официальная версия (конечно, Арараги Цукихи не подозревает, что её подруга не была похищена, она в это время была богом), но, по правде говоря, Сенгоку Надеко давно уже выздоровела. Во всяком случае она достаточно здорова, чтобы не было необходимости навещать её три раза в неделю.

Правда в том, что она ходила туда, чтобы встретиться с Сенгоку Надеко, но не для того, чтобы ухаживать за ней. Арараги Цукихи навещала Сенгоку Надеко, чтобы помочь ей с проектом, и сегодняшний Белый день не стал исключением.

Что за проект, спросите вы?

— Спасибо, Цукихи-тян. Я может и уложусь в срок, спасибо за помощь.

Услышав, что Надеко Сенгоку в своей комнате на втором этаже, Арараги Цукихи ответила: «Что ты, пустяки».

Она сидела за письменным столом и занималась написанием манускрипта манги.²⁸ В зависимости от настроения, всегда изменчивая Арааги Цукихи порой может и слететь с катушек, если её прервать в середине чего-либо, но в данном случае она сохранила спокойствие.

Скорее это было связано не с хорошим расположением духа, а с радостью видеть, как изменилась её подруга. Ещё недавно Сенгоку Надеко сказала бы «прости», а не «спасибо».

Она всегда находила такое отношение раздражающим.

Если бы они не были друзьями, то, наверное, она бы ударила её за это. И она часто чувствовала соблазн ударить её, потому что они были друзьями. Но похоже, что её подруга детства сильно изменилась с тех пор, как вернулась после своего таинственного исчезновения.

Что же могло случиться?

Арааги Цукихи подобные вещи не интересовали.

Она не хотела докучать такими заурядными вопросами.

Вместо этого она просто сосредоточилась на работе, которая у неё была. Она помогает Сенгоку Надеко вовремя закончить рукопись, чтобы принять участие в конкурсе «Новичок года», или, другими словами, выполняет роль её ассистента.

Во время одного из настоящих посещений после возвращения из больницы Сенгоку Надеко призналась Арааги Цукихи, что рисование манги является её хобби.

Арааги Цукихи была рассержена тем, что она так долго держала это в секрете. Она была в ярости, правда. Но когда Сенгоку Надеко попросила её помощи в приобретении всего необходимого для рисования, а также помощи в работе над настоящим проектом, она не могла и дальше предаваться безумию.

Таким образом, они медленно, но верно пришли к тому, что мы сегодня имеем.

Сама Сенгоку Надеко никогда не думала, что стратег Огненных сестёр, невероятно занятая Арааги Цукихи, будет продолжать помогать ей в работе над мангой в течение столь долгого периода времени. Это в некоторой степени заставило её чувствовать себя навязчивой и требовательной.

Однако, если взглянуть на ситуацию глазами Арааги Цукихи, было очень свежо и интригующе видеть Сенгоку Надеко, которая некогда не могла ничего больше, чем формировать с людьми поверхностные и безэмоциональные отношения, проявляет инициативу и начинает творческую деятельность.

Она была счастлива с головой погрузиться в роль ассистента.

Конечно, учитывая, что Сенгоку Надеко поправилась ещё недостаточно для того, чтобы посещать школу, Арааги Цукихи не была полностью лишена заботы о ней и желания её проводить (и, естественно, как фактический лидер всех младшеклассников района, она была хорошо осведомлена обо всех проблемах, которые преследовали её в школе 701). Однако, глядя на содержание черновика, над которым она работала, казалось, что беспокойство было лишним.

Несомненно, она избавилась от всего, что её преследовало.

²⁸ «Манускриптом» или «рукописью» называют оригинал манги, который в дальнейшем сканируют и тиражируют.

Так считала Арараги Цукихи.

Одним из свидетельств этого была новая причёска Сенгоку Надеко. Раньше, а точнее, с момента поступления в среднюю школу она прятала лицо за длинной чёлкой. Она была не просто застенчивой, неуклюжей и сильно встревоженной в окружении незнакомцев, она страдала настоящей антропофобией,²⁹ но сейчас она носила короткую причёску.

Она ходила к парикмахеру сразу после выписки из больницы. Её старой личности к тому времени, скорее всего, уже не было. Так что, когда Сенгоку Надеко, которую всегда, за единственным исключением, стригли её родители, вдруг попросила познакомить её с хорошим парикмахером, Арараги Цукихи не могла остаться в стороне.

Она видела, что ей дан большой кредит доверия, поэтому причин отказываться у неё не было, но, когда она услышала (с соседнего кресла), что Сенгоку Надеко хочет очень короткую стрижку, она уж было забеспокоилась о здравомыслии подруги. Тем не менее, благодаря природной красоте Сенгоку Надеко, это полное изменение внешности не выглядело странным.

По крайней мере, это выглядело значительно красивее, чем когда Арараги Цукихи насильно отрезала ей чёлку (это и есть то самое исключение). Но, очевидно, она изменила свой стиль не из желания выглядеть симпатично, а по крайне прагматичной причине: длинные волосы мешали рисованию манги.

То, что она была одета в одежду, которую не жалко запачкать, а именно, в свою школьную форму, похоже на правду, но что насчёт причёски, то у Арараги Цукихи к ней было более тщательное отношение, и она посчитала, что выбор короткой стрижки мотивирован горем.

Она так предположила, но не стала ничего говорить вслух.

Хоть Арараги Цукихи и привыкла говорить прямо всё, что на уме, но в то же время она не была совсем бесчувственной.

— Ты знаешь, я не очень разбираюсь в манге.

В этой реплике чувствовалось безразличие.

— Надеко-тян, ты уверена в своих силах? Если ты победишь, ты же получишь денежный приз?

— Хм... не знаю. — Ответила Сенгоку Надеко, оглянувшись через плечо с обеспокоенной улыбкой. Не так давно это выражение лица скрывалось за длинной чёлкой. — Я решила, что не буду беспокоиться о таких вещах.

— Правда?

— Один человек сказал мне, что у меня есть талант. Но не всё и не всегда получается даже у самых талантливых людей.

— Если ты не веришь в свои способности, то тебе никогда не добиться хороших результатов. Однажды ты будешь не в состоянии продолжать прикладывать усилия, и тогда тебе будет не на что

²⁹ Антропофобия — боязнь людей.

опереться. Люди, которые полагаются только на усердный труд, разочаровываются в себе, когда оказываются не в состоянии работать. — Прокомментировала Арараги Цукихи, не фильтруя свои мысли.

Раньше Сенгоку Надеко наверняка отказалась бы продолжать разговор прямо здесь и сейчас, но вместо этого она ответила: «Здесь дело не столько в вере, сколько в самообмане», отбивая обратно мяч, прилетевший на её сторону.

— Ты сама мне однажды сказала, что попытка стать мангакой похожа на покупку лотерейного билета.

— Что? Я говорила такое? ...Ну, так какие проблемы? Если никто не будет покупать билеты, то тогда победителю не достанется никакого джек-пота.

Кто знает, дал ли этот ответ какое-либо успокоение, похоже, что это не так, но Сенгоку Надеко всё равно улыбнулась Арараги Цукихи.

— Я просто занимаюсь тем, чем хочу. Ну и пускай, что получается неуклюже. Разве ты поступаешь не так же, Цукихи-тян?

Получив такой вопрос, Арараги Цукихи не знала, что ответить. Возможно, она сама не осознавала, что «занимается тем, чем хочет», настолько хорошо, насколько это понимали окружающие её люди.

И она выразила свои чувства словами.

— У меня нет никаких больших целей или чего-то, чем я бы хотела заниматься. Может потому я и люблю поддерживать других людей в их стремлениях, как сейчас, к примеру? Даже Огненные сёстры поначалу напоминали общество взаимопомощи школьников, а не группу супергероев.

— Правда...?

Сенгоку Надеко с интересом посмотрела на неё. Узнав свою подругу с новой стороны, она даже положила перо, которое держала в руке.

— Честно говоря, я не могу представить никого с более ясным взглядом на жизнь, чем у тебя.

— Ха-ха-ха! Ты мне льстишь. Слишком уж большая заслуга для меня. Можешь звать меня Зацукихи... подожди, нет, я не хочу затухать.³⁰

Попытавшись пошутить в ответ, она вспомнила, что раньше её подруга говорила о себе в третьем лице. Она с трудом помнила это, но действительно, когда она успела перейти на использование «ватаси»?³¹

— Тем не менее, я всё-таки более нигилистична,³² или же, не знаю, разрушительна, наверное. Меня всегда тянуло к людям, у которых есть то, чем они хотели бы заниматься, понимаешь?

— Ты имеешь в виду Карен-сан и... Коёми-сан?

То, как она произнесла «Коёми-сан», звучало странно.

Странно и немного неестественно.

Однако, Арараги Цукихи не указала на это. Она понимала, что это всё ещё слишком большая тема, чтобы подшучивать.

— Да, похоже. Кроме того, я помогаю тебе в твоей работе потому, что меня увлекла твоя решимость.

— В работе...

Сенгоку Надеко покраснела.

Конечно, она не машина, и, несмотря на то, что она решила начать «с чистого листа», судя по всему, она ещё не до конца избавилась от своей застенчивой натуры.

— Это не работа. Пока что.

— И чем же собирается заниматься в будущем человек, похожий на меня?

³⁰ В оригинале Цукихи говорит «myouri ni tsukiru yo» (это больше, чем я заслуживаю), после чего берёт иероглиф из слова «tsukiru» (иссякать) и заменяет им первый иероглиф своего имени. Таким образом получается каламбур с иероглифами «иссякать» и «огонь», что значит «затухать».

³¹ В японском языке существует множество личных местоимений первого лица, но Надеко раньше говорила о себе в третьем лице, что характерно для детей. Теперь же она использует «ватаси», являющееся стандартным для женской речи.

В неэкранизированном моменте Otorimonogatari Надеко после некоторого самоанализа приходит к выводу, что говорит о себе в третьем лице потому, что является зрителем в своей собственной жизни.

³² Нигилизм — мировоззрение, ставящее под сомнение существующие идеалы, нормы, порядки. Т.н. «отрицание всего».

В зависимости от интонации этот вопрос мог бы показаться довольно мрачным, но вполне характерным для Арараги Цукихи.

— Я бы могла справиться со множеством вещей, но на самом деле у меня мало мотивации делать то, с чем я заведомо хорошо справлюсь. Мне не интересно делать то, что получается само собой. Именно по этой причине я и позволяю другим людям решать, чем мне заняться...

— Но это же не значит, что ты не хочешь ничем заниматься, верно? — Спросила Сенгоку Надеко, как бы проводя параллель со своим прежним «я». При этом раньше она бы ни за что не осмелилась бы задать этот вопрос.

— Верно. Я хочу чем-нибудь заниматься. Я хочу быть активной. Я хочу буквально набрасываться на различные вещи. Поэтому, если я вижу что-нибудь, что меня интересует, я непременно это попробую. Но независимо от того, чем я занята, я всегда быстро теряю интерес. Мне всё сразу надоедает. Я плохо представляю, что я за человек. Не знаю... Сейчас всё хорошо, пока во мне есть энергия юности, но, когда я повзрослею, есть вероятность, что я стану неудачницей, которая только и будет, что болтать о глупых мечтах.

— Пугающе трезвая мысль...

— Мне пора начать думать о планах на будущее, чтобы убедиться, что такого не произойдёт... Кроме того, Карен-тян формально уже поступила в старшую школу, Онии-тян поступил в университет. Впервые с шестого класса я настолько от них отстаю, поэтому мне сейчас самое время решить, кем же я хочу стать. И тебе тоже, Надеко-тян. — Сказала она.

«Одних этих слов Цукихи-тян уже достаточно для меня, чтобы почувствовать, что мои труды того стоят» — подумала Сенгоку Надеко, широко улыбнувшись, и вернулась к созданию эскиза.

— Знаешь, даже если люди не могут стать счастливыми, с ними всё равно будут происходить хорошие вещи, пока они живы.

— Хм. Да, наверное.

«Она пытается меня утешать?» — подумала Сенгоку Надеко.

Они продолжали болтать друг с другом, работая над страницами манги, и в конце концов вместе поужинали, и только когда на улице стало совсем уж темно, они решили оговорить время следующей встречи (она обещала продолжать помогать до тех пор, пока рукопись не будет закончена), после чего, наконец, Арараги Цукихи покинула дом Сенгоку.

— Ха, это же младшая сестра Арараги-сэмпая, не так ли?

Как только она вышла из дома Сенгоку, словно воспользовавшись её нерешительностью, когда она выбирала, пойти домой напрямик или сделать крюк, она услышала голос. Голос, который, казалось, сливается с темнотой, который, казалось, пробирается ей прямо в сердце.

Чей-то голос.

Когда она обернулась, то увидела старшеклассницу, которая была одета в форму школы своего брата, сидящую на велосипеде. Её чёрные глаза так сверкали, что на момент ей показалось, что на улице погасли все фонари и стало темно.

Улыбка на её лице выглядела максимально подозрительно.

Она была слишком молода, чтобы её можно было назвать заволаживающей, но внешность её вряд ли можно считать невинной. Она была старшеклассницей со странной аурой, вызывающей тревогу.

Несмотря на то, что она ехала на стильном велосипеде, она не создавала особого впечатления спортсменки.

— Мы вчера уже сталкивались с тобой. Здравствуй.

— ...Здравствуй.

«Правда виделась?» — подумала она, опустив голову. Предположив, что она — одна из друзей её брата, она не хотела показаться грубой.

— Меня зовут Ошино Оги. — Сказала девушка в ответ. — Я много слышала о тебе от твоего брата. Он сказал, что действительно гордится тобой. Боже, я так завидую, что у тебя есть такой брат, как Арааги-сэмпай.

— Э...

Она не знала, что на это ответить.

Более того, она сомневалась, что её брат действительно заявлял, что гордится ею. Арааги Цукихи была убеждена, что её брат не скажет этого, даже если к его виску приставить пистолет.

— Уже довольно поздно, поэтому давай я тебя подвезу. Просто садись назад. — Сказала Ошино Оги, указывая на заднюю часть велосипеда. Она была довольно дружелюбным человеком, раз готова подвезти кого-то, с кем впервые встретилась (или они уже встречались вчера?), поэтому Арааги Цукихи немного удивилась, что у её брата есть такой общительный друг.

Дома Сенгоку и Арааги были не так уж и далеки друг от друга, чтобы была необходимость ехать, но и реальной причины отказываться от предложения не было. Поразмыслив, Арааги Цукихи

с радостью приняла предложение, но когда присмотрелась, то заметила, что у велосипеда не было багажника, чтобы на него можно было сесть.

Это был одноместный BMX.

— Всё в порядке, не переживай. У меня есть штифт, который превратит велосипед в двухместный.³³

Сказав это, Ошино Оги слезла с велосипеда и быстро начала подготавливать его для второго человека. Причём не только быстро, но и умело.

— Отлично, готово. Запрыгивай! Можешь держаться за мои плечи, если боишься потерять равновесие.

— Знаешь, я могу сохранять равновесие и без этого.

— Ха-ха. Это вряд ли.

Она могла.

Она действительно так и поступила.

Она жила в тени Арараги Карен, её сестры, старшей на год и имеющей строение тела мирового класса, поэтому это не всегда так заметно, но у неё непревзойдённая физическая подготовка. Стоя на балке, приделанной к заднему колесу, она вытянула руки в стороны (обернув при этом свои чрезмерно длинные волосы вокруг рук, чтобы они не попали в колесо). Арараги Цукихи служила арьергардом Ошино Оги.³⁴

Хотя, конечно, она ничего не делала, кроме как ехала за её спиной.

Она фактически увеличила риск этой поездки вдвое, которая и сама по себе была бы довольно опасна, без какой-либо на то причины. Управлять транспортным средством, когда за тобой кто-то исполняет акробатические трюки, наверное, довольно волнительно, но Ошино Оги, похоже, не возражала.

Конечно, Арараги Цукихи наслаждалась возможностью исполнить этот трюк. Это была её философия — в полной мере наслаждаться вещами.

— Держу пари, брату бы понравился такой велосипед.

— Ох, раз уж ты упомянула это, Арараги-сэмпай очень любит велосипеды, хоть и потерял в результате несчастных случаев оба, которыми когда-то владел. Ммм, да, это одна из причин, по которой я сейчас еду на нём.

³³ Эти штифты называются «пегги» и представляют собой металлические трубки, крепящиеся к колёсной оси. Используются для различных трюков.

³⁴ Арьергард — войско, прикрывающее тылы. Противоположность авангарду.

— Хм? Что ты имеешь в виду?

— Я ничего особенного не имею в виду. Это была своего рода метафора. Если ты вспомнишь это, она может пригодится позже.

— Да...?

— Как поживает Сенгоку-тян?

Судя по этому вопросу, Ошино Оги была знакома не только с её братом, но и с Надеко Сенгоку. «Может быть, она слонялась вокруг дома в надежде увидеть Надеко-тян, но затем я пересеклась с ней» — подумала Арараги Цукихи про себя.

Эта мысль не особенно её беспокоила, что тоже было очень на неё похоже.

Хотя частью её морального кодекса и было не занимать чужое место, но она не была настолько самокритична, чтобы чувствовать себя виноватой, если это произошло в результате её непреднамеренных действий.

— Возможно, именно в этом ты и отличаешься от своего старшего брата.

— А? То есть?

— Ничего, ничего. Что более важно, расскажи мне о состоянии Сенгоку-тян. Как результаты её электрокардиограммы? Она не наэлектризовалась? Жить будет?³⁵

— ...Она в порядке.

«Да она прекрасно себя чувствует!»

Примерно так она хотела сказать, но учитывая, что её подруга в настоящее время прогуливает школу, она подумала, что это плохая идея. Вместо этого она помогла обеспечить ей алиби. В таких делах она всегда была внимательной девушкой.

У неё в избытке не только ума, но и хитрости.

— Она не умирает. Я думаю, можно сказать, что тот, кто умер, это тот человек, которым она была.

— Может и так. Ммм, это к разговору о том, что не бывает людей, у которых нет ничего, кроме миловидной внешности. Я считаю, что такие девушки выглядят мило как раз тогда, когда не пытаются мило себя вести.

Она сказала что-то непонятное.

³⁵ Здесь Оги использует игру слов «shinden zu» (электрокардиограмма) и «shinde n zu?» (не умирает?).

Однако, Ошино Оги, по-видимому, посчитала, что её логика вполне понятна, поскольку она воздержалась от дальнейших объяснений, а вместо этого сказала: «Приятно слышать», кажется, удовлетворившись докладом.

— Привлекательная внешность Сенгоку-тян в конце концов не более, чем лезвие, которым она сама себя ранит. Меня это печалит.

— Печалит? Разве ей не повезло быть такой милой?

В ответ на наивный, или, может быть, равнодушный вопрос Арараги Цукихи, Ошино Оги объяснила:

— Возьмём, к примеру, тот факт, что люди не выбирают, в какой им семье родиться. Люди с лёгкостью завидуют тем, кто родился в знатной или богатой семье, но с точки зрения тех, кто родился в этом доме, они вынуждены нести тяжёлое бремя с самого момента, когда они пришли в этот мир. Даже если они хотят стать, скажем, мангакой, им, возможно, никогда этого не позволят. Их вполне можно назвать несчастными.

К сожалению, это объяснение было слишком сложным, чтобы Арараги Цукихи смогла его легко переварить. Хотя, вероятно, это справедливо для любой 14-летней девочки.

Приняв это как должное, она продолжила отклоняться от темы:

— Согласно этой же самой логике, будущее людей определяется не тем, что они могут делать, а тем, чего они не могут. Если у человека есть возможность заниматься слишком многими вещами, то, в конце концов, он распылит своё внимание. Однако, познав величайший стыд в своей жизни, она потеряла все альтернативы. Сенгоку-тян, наконец-то, может посвятить себя своей мечте. Всё сводится именно к этому.

— ...?

— Привлекательность Сенгоку-тян была для неё словно оковы, но при этом оставалась слишком ценным качеством, чтобы отказываться от неё. Ситуация требовала решительных мер.

— Решительных мер? Ты о чём?

— Кто знает...

Ошино Оги развела руками.

Другими словами, она отпустила руль.

Двое человек ехали на одном велосипеде, и никто не держал руль. Можно сказать, что у них были все шансы попасть в аварию.

— Я ничего не знаю. Арараги-сэмпай — тот, кто знает.

— ...?

— Может скорее не более решительные меры, а урок о том, чего не надо делать. Впрочем, я ужасно поступила с тем мошенником... Я не хотела, чтобы всё зашло так далеко. Но, как бы я не сожалела о содеянном, не думаю, что Арараги-сэмпай сможет меня простить...

Сказав это, она снова взялась за руль и продолжила:

— Таким образом, мне кажется, что Сенгоку-тян в будущем хочет стать мангакой.

Ошино Оги стала быстрее крутить педали.

— Арараги Цукихи-тян, кем ты хочешь стать?

— Я...? — Подумав о том, о чём она недавно разговаривала с подругой, она ответила. — Особенно никем.

Внезапно ей пришло в голову, что её подруга скрывала от всех, что рисует мангу. Она говорила об этом с этой девушкой?

— Я просто хочу весело проводить время. Я уверена, что, накопив некоторое количество острых ощущений, я когда-нибудь приду к своему будущему.

— Ты не из тех, кто всё знает, но из тех, кто всё может. Ты не всеведуща, но всемогуща. Благодаря этому у тебя слишком много вариантов, и потому твои цели такие неясные. Вот почему ты всегда довольствуешься ролью второй скрипки. Свою жизнь прожить проще, когда её тянет кто-то другой. Ты говорила о своём будущем... — Ошино Оги читала нотацию, причём весьма искусно. Но как много брат рассказал этой девушке о ней? Ошино Оги продолжила. — Но твоё будущее слишком масштабно. — Закончила она с горькой усмешкой на лице.

— ...? Ты имеешь в виду, что я слишком зависима от других людей?

Она не понимала, что девушка имела ввиду под «твое будущее слишком масштабно», поэтому эту часть проигнорировала, однако роль второй скрипки её беспокоила, поэтому она была вынуждена немного углубиться в эту тему.

Хотя, возможно, это просто продолжение разговора, который состоялся в комнате Сенгоку Надеко.

— Ну вот, не знаю. Если рассматривать кукушку, как птицу, паразитирующую на чужих семьях, то, возможно, это было бы лучше назвать не «зависимостью», а «паразитированием»... Однако, несмотря на свою природу, у тебя получилось создать уникальную личность. Возможно, это всё благодаря влиянию твоего брата?

— Кукушка?

— Цукихи-тян. Без сомнений, ты живёшь исключительно благодаря поддержке окружающих. Только поэтому ты и продолжаешь жить. Если бы не забота твоих брата и сестры, то ты бы с большой долей вероятности не пережила бы летние каникулы.

— ...? Летние каникулы?

Что это значит?

Это очередная метафора?

По-своему поняв это, она попыталась ответить старой фразой:

— Это как в том выражении «Человек не может жить один», да?

— Люди могут жить одни.

Ошино Оги возразила ей без тени сомнения.

— Те, кто не могут жить одни... являются монстрами. Такими же, как ты и я. — Сказала Ошино Оги. Смысл её слов был неясен.

Поначалу Арараги Цукихи сочла её не очень похожей на человека, с которым мог бы подружиться брат, но после разговора с ней, она оказалась в точности такой, как и следовало ожидать. В ней была как раз подходящая таинственность, чтобы сочетаться с братом.

— ...Подожди, что? Эй, Ошино-сан...

— Можешь звать меня Оги-сан.

— Оги-сан, мы едем в совершенно неправильном направлении!

Из-за её необычного расположения в качестве второго пассажира окружающая местность смотрелась совершенно по-иному. Или она просто не обращала на это внимания. Но, несмотря на это, в какой-то момент они сбились с дороги к дому Арараги.

Начнём с того, что дома находились не так далеко друг от друга, чтобы разговор получился таким длинным. Где они?

— О-оу. Прости, похоже, что я немного заблудилась. Давай остановимся здесь на минутку, я сверюсь с картой на смартфоне.

Оставаясь невозмутимой, Ошино Оги начала искать хорошее место, чтобы припарковать свой велосипед. После долгих поисков, она решила остановиться перед определённым зданием и затормозила ногой.

Однако, Арааги Цукихи не считала, что это место идеально для парковки. Это был заброшенный, или, может быть, просто очень захудалый район. Да и само здание выглядело заброшенным. Не было никаких признаков того, что оно в настоящее время кем-то используется.

Если бы Ошино Оги не была девушкой, то она бы заподозрила, что её похитил негодяй, заявляющий, что он друг её брата (в таком случае негодяй был бы в большой беде), но она не чувствовала такого рода опасности, наблюдая, как девушка возится со своим смартфоном, поэтому Арааги Цукихи с любопытством осматривала заброшенное здание.

В конце концов, она такое видит не часто.

Это такое место, в которое она бы, наверное, не пошла никогда в жизни, если бы не заблудилась. Эта мысль мгновенно разожгла в ней интерес, что ещё раз показывает нам, что она всегда живёт моментом.

— ...Мм. Что?

Однако, вскоре она вспомнила.

Как ни странно, но она узнала это здание, несмотря на то, что она здесь впервые и должна была видеть это здание впервые.

— Ох... точно. Разве это не то здание, что сгорело в августе...?

Она видела его по новостям.

Будучи одной из Огненных сестёр, которые поддерживали в городе мир и порядок, она естественно интересовалась такими вещами. В то время в городе было несколько пожаров, но это здание было достаточно огромным, чтобы оставить сильное впечатление.

Как до пожара, так и после.

Она видела обе фотографии этого здания.

Теперь, когда расследование завершилось, выяснилось, что это не результат поджога или чего-то опасного, а простой несчастный случай. Но в то же время ущерб собственности был настолько велик, что ни осталось ни одной целой опоры.

В таком случае, как может здание, предположительно уничтоженное пожаром, стоять сейчас здесь? Оно было реконструировано? Нет, конечно нет. Зачем восстанавливать здание в прежнее заброшенное состояние?

— Цукихи-тян, я поняла, куда нам нужно ехать. В этот раз я не ошибусь, не волнуйся. Пока мы едем, не хотела бы попробовать сесть за руль? На этом велосипеде даже можно ехать задним ходом, это действительно захватывающе. Ой... Что такое? Что случилось? Почему ты так заворожённо смотришь на это здание?

— Нет... понимаешь...

Арараги Цукихи объяснила ситуацию. Конечно, даже если она спросит об этом у Ошино Оги, девушки, которая тоже впервые забрела в это место, то она не сможет ответить, почему сгоревшее здание сейчас стоит здесь, но она хотела по крайней мере поделиться своим замешательством.

— Хм... Очень странно. Интересно, можно ли считать это здание призраком? Не хочешь заглянуть туда?

Как только она это предложила, Ошино Оги сразу привязала свой велосипед цепью к дереву (подножки у велосипеда не было, поэтому не было другого варианта, кроме как опереть его на дерево), после чего решительно направилась в сторону здания. Она в самом деле действовала очень быстро.

В отличие от брата Арараги Цукихи, который имел привычку всё хорошо обдумывать, эта девушка оказалась очень смелой. В таких ситуациях Арараги Цукихи привыкла не колебаться, поэтому, даже не взглянув на девушку, сразу же последовала её примеру.

— Оги-сан, тебе нравится исследовать руины? — Спросила Арараги Цукихи, сделав вывод из лёгкой походки девушки.

— Оу, нет, меня не особо привлекают руины. Я здесь дрожу от страха, как и любая нормальная девушка. Однако, рассматривать и изучать различные тайны, наверное, можно назвать моей работой.

— Твоей... работой?

Вспоминая то, как это смутило Сенгоку Надеко, Арараги Цукихи вспомнила это слово.

— Да.

И затем они шагнули внутрь здания.

Технически, они совершили незаконное проникновение, но изнутри здание было настолько ветхим, что трудно было представить, что у него есть владелец или съёмщик.

Поверхность под ногами была очень неровной, и в то же время в такое время суток дневного света не стоит ждать, поэтому приходилось быть очень осторожными, чтобы не упасть и не получить серьёзную травму.

— Похоже, что это была школа... Или, может быть, частная школа.

Напрягая своё зрение в темноте и рассматривая окружение, Арараги Цукихи пришла к такому выводу, когда они поднимались по лестнице (лифт, само собой, был сломан).

— Хм, похоже на то. Ха-ха, я уж было начала волноваться, а всё оказалось так просто. Ну вот, теперь, когда мы выяснили, что это за здание, уже не так страшно.

На первый взгляд, Ошино Оги не особо боится. И так как она поднималась по лестнице, начать расследование она планировала с верхнего этажа. Некоторые считают, что начинать поиски сокровища лучше снизу-вверх, но она, похоже, руководствуется иной логикой.

— Так можно сказать про любые вещи. Что-угодно пугает, когда не знаешь его истинную природу. Когда кто-то боится будущего, это значит, что он не может себе его представить. Люди с ясным взглядом на мир не боятся взрослеть.

— ...

— Если открыть коробку с котом Шрёдингера, то она станет обычной коробкой. И естественно, что ты никогда не узнаешь, жив кот или нет, пока коробка закрыта. Детективные романы следуют тому же принципу. Причина, по которой их читают с таким трепетом в том, что личность преступника остаётся неизвестной. Если тайна перестанет быть тайной, если список подозреваемых сократить до одного человека... по правде говоря, это испортит всё удовольствие. С таким же успехом все ответы можно раскрыть в одной строке. Как только ты узнаешь истинную форму чего-либо, у тебя сразу пропадает как страх перед ним, так и интерес к нему.

Говоря это, Ошино Оги продолжала подниматься по лестнице. Она всё поднималась и поднималась.

В её словах был глубокий смысл, что является редким случаем. Арараги Цукихи была искренне впечатлена тем, что у её брата так много умных друзей, но она чувствовала, что для неё особенно важно придирается ко всему, что её впечатляет.

— Ты так считаешь?

— Мм... Это что, контраргумент? Если он у тебя есть, я бы хотела его услышать. Это и в моих, и в твоих интересах.

— Ну, это не совсем контраргумент... Я имею в виду, что то, что ты сказала, подходит для детективных романов, но в реальной жизни, разве не становится страшно, когда ловят настоящего преступника? Это значит, что всё то, чего ты боялась всё это время, подтвердилось, что всё это существует.

— ...О-хо.

— Это как, всё только начинается, как только ты узнаёшь настоящую личность преступника, я думаю... Разве на все процедуры, которые проходят после задержания преступника, не уходит больше времени? К примеру суд, тюрьма...

Аргумент немного отклонился от изначальной мысли, но очевидно, что это была новая точка зрения для Ошино Оги, и болтливая девушка на мгновение замолчала.

После чего Арараги Цукихи продолжила:

— Кроме того, даже если ты узнаешь «истинную форму» чего-либо, нет никакого способа проверить, правда ли это. Всегда может быть приготовлено несколько сюжетных поворотов. Прямо как в детективном романе.

— Возможно. Да, понимаю. В конце концов, форма — это просто форма. Здесь ты меня уделала. Вот уж, в самом деле, младшая сестра Арараги-сэмпая. Но при этом, я не думаю, что твоя точка зрения принесёт пользу тебе или мне. — Сказала Ошино Оги, поднявшись на последний этаж.

Учитывая, что она ни разу не отдохнула за все четыре лестничных пролёта, она, должно быть, прекрасный ходок. Но, конечно, то же самое относится и к Арараги Цукихи, которая от неё ничуть не отстала.

У неё было достаточно сил для ходьбы.

И жизненных сил в том числе.

Это Арараги Цукихи в двух словах.

— Цукихи-тян, ты, должно быть, можешь принять свою истинную форму, и может даже сочтёшь её занятой, но я боюсь, что не смогу сделать то же самое. Моя истинная форма... уродлива.

— ...?

— Как демон, который топит свои печали и заботы в саке. Хотя демоны действительно любят саке, как и боги.

— Ты имеешь ввиду, что иероглиф «уродливый» пишется, как иероглиф «демон» справа и «саке» слева? Только у «саке» слева отсутствует радикал «вода».³⁶

— Верно. Этот радикал подразумевает воду... озеро. Или водяную змею.

После этого объяснения Арараги Цукихи поняла ещё меньше. Она могла лишь предположить, что у девушки не было реального намерения вообще объяснять ей что-либо.

— Цукихи-тян.

Когда она направилась к самой дальней двери слева из тех трёх, что были на этаже, она обратилась к девушке.

— Мне жаль это говорить, но у тебя нет ничего, что можно было бы назвать будущим. И дело не в том, что твоё будущее неизвестно, его просто нет. Сколько бы вещей не собрала, это не приведёт тебя ни к каким перспективам в жизни. Всё, что у тебя сейчас есть, это вечность. Теперь, зная это... сможешь ли ты просто жить, не думая о будущем, не обращая внимания на грядущие времена?

— Да, наверное.

Не понимая смысла вопроса, Арараги Цукихи ответила невозмутимым тоном.

— Я весьма хороша в умении просто жить.

— ...Поразительно, что ты можешь так просто это сказать. Я даже завидую.

«Я даже завидую».

Арараги Цукихи снова не знала, что ответить на это, но, сказав это, Ошино Оги положила руку на дверную ручку.

Она изящно её повернула.

И открыла дверь с улыбкой на лице.

— Ты опаздываешь, Оги-тян.

И затем... я позвал её.

³⁶ «Уродливый» — 醜, «демон» — 鬼, «саке» — 酒. Как видите, иероглиф «уродливый» состоит из двух частей, правая из которых идентична иероглифу «демон», а левая представляет собой «саке» без радикала «вода» (𠂇).

Как только она открыла дверь, я встаю со стула в центре класса, на котором сидел всё это время, и, подражая тому мужчине, которого она когда-то называла своим дядей, произношу эти слова:

— Ты заставила меня ждать.

010

— Цукихи-тян, ты можешь вернуться и взять мой велосипед. Прости, но не могла бы ты добраться домой самостоятельно? Мне нужно обсудить с твоим братом кое-что важное. Пароль на замке: «1234».

Таким образом, Оги-тян выпроводила Цукихи со сцены. И комбинация цифр вполне в её духе. В классе осталось два человека.

Я стоял лицом к лицу с Ошино в этом заброшенном здании бесчисленное количество раз, но никогда не думал, что когда-нибудь окажусь на его месте и кого-либо буду здесь встречать.

Более того, я никогда не думал, что снова окажусь на развалинах здания, которое сгорело дотла. Всё заканчивается там же, где и когда-то началось, хотя это и немного притянута за уши.

Всё слишком постановочно.

— Оги-тян, как ты воссоздала это здание? Это та же самая техника, при помощи которой ты воссоздала класс 1-3, когда мы впервые встретились?

— О, нет, правила игры в этот раз другие. Эта классная комната была отстроена по-настоящему. Это разрушенное здание было восстановлено при помощи моего умения создания материи. Это та же самая способность, которой часто пользуется Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд.

Говоря это, Оги осматривает столы и стулья, разбросанные по комнате, и, найдя стул, удовлетворяющий её стандартам чистоты, она пододвигает его поближе ко мне.

— Я бы сказала, что мне немного не хватает мастерства в деталях, края, возможно, получились грубоватыми, но дело было срочное, поэтому я попрошу тебя закрыть глаза на эти недостатки. Просто оцени тепло ручной работы этого папье-маше... Ах-да, точно, Шинобу-тян, чем она сейчас занята? Я так понимаю, что она полностью восстановила свои силы, но не пошла с тобой? Может, она прячется в твоей тени?

— Пока нет. Мы решили восстановить нашу связь. Мы снова станем хозяином и слугой, но только после того, как всё закончится.

— Вот как? — Мурлычет себе под нос Оги и садится на стул напротив меня, развернув стопы внутрь. — Понимаю, понимаю. Мне просто было интересно здесь она или нет. Что ж, я так понимаю, Шинобу-тян решила вернуться к самому началу. И ты, Арараги-сэмпай, пройдя весь этот путь через

ад с целью избавиться от своего вампиризма и вернуться к обычной человеческой жизни, собираешься снова вернуться к тому, чтобы стать почти-вампиром? И ты снова собираешься создать связь с Шинобу-сан? Ну ты и мазохист.

— Просто я люблю маленьких девочек. — Отвечаю я.

Про себя я думаю, что это совершенно бессмысленная беседа.

— Значит, ты бы пожертвовал жизнью ради маленькой девочки? Получается, что избавление от твоего вампиризма было лишними хлопотами? И как вы планируете поступить с той девочкой?

— Мы собираемся обожествить её в храме Кита-Ширахэби. Но это мы тоже сделаем только после того, как всё закончится.

— Хм. Понимаю, всё так, как надо. Решить, что же делать с зияющей дырой в этом храме, в этом городе — задача не из простых, но я вижу, что вы с этим справились.

— Задача... Это часть твоей работы, не так ли?

— Да, более или менее. Я же уже говорила об этом, разве нет? Впрочем, тебе не стоит так серьёзно воспринимать каждую упоминаемую мной мелочь.

Ха-ха. Она весело смеётся.

Даже в такой ситуации, её настрой, похоже, ничуть не поменялся. Ошино Оги такая же, как и всегда. С того момента, как я впервые встретит её в октябре, она всегда оставалась последовательной и непоколебимой в своём жизненном подходе.

— Кстати говоря о твоей работе. Давай поговорим о моей сестре.

Не зная, как продолжить беседу, я вспоминаю девочку, которая недавно отправилась домой, Арараги Цукихи, в надежде получить представление о сложившейся ситуации.

— О чём вы с ней болтали?

— Ты застал нас прямо в середине нашего разговора. Я зашла недостаточно далеко, чтобы попробовать одну вещь, можешь не волноваться. К моему большому сожалению, моя работа осталась незавершённой.

— Я сделал что-то плохое?

— Нет, ты всё правильно сделал. Разумеется, я тоже хотела поступить правильно, но, похоже, что этого уже не увижу. В любом случае это была пустая трата времени. Мы с ней обменялись парой фраз по пути сюда, но она слишком крепкий орешек, чтобы так просто треснуть. Она — феникс. Она слишком сильна, чтобы я могла с ней справиться. Мне действительно любопытно, каким образом Кагенуй Ёдзуру собиралась уничтожить столь неуязвимое существо.

— Монстры... их можно уничтожить, раскрыв их истинную природу, не так ли?

— Достаточно даже поставить под сомнение её истинную природу, чтобы её уничтожить. Но у неё, в конце концов, есть старший брат, который упрямо продолжает любить её, даже не зная, кем она является на самом деле.

— ...

— Ммм. Может быть, поэтому Кагенуй Ёдзуру и отказалась от идеи убивать её. Но, конечно, я сомневаюсь, что мне так же повезёт.

— Разве я не права? Ты же здесь для того, чтобы раскрыть мою истинную форму и уничтожить меня. Так всё должно произойти, верно?

Говоря это, Оги смотрит прямо на меня, словно, в противоположность проявленному смирению, она оценивает меня своими чёрными-чёрными глазами.

— Что ж, хорошо, по крайней мере я устроила хорошее представление. Нет, видишь ли, я и так предполагала, что потерплю неудачу в отношении Цукихи-тян, так что пусть у меня и не всё получилось, но я не оставила незаконченных дел. Кто знает, может в моём появлении на свет и был какой-то смысл... Приношу извинения за то, что надоедаю с этим, но Шинобу Ошино сейчас точно здесь нет?

— Её здесь нет.

— Онооки Ёцуги уже бессильна, а Хачикудзи Маёй, пока она не стала богом, безопаснее держать подальше, тогда... Важнейшая персона, Гаэн Идзуко, её здесь тоже нет?

— Конечно...

Это, наверное, был странный ответ, но, несмотря ни на что, я пришёл сюда один. Оги пытается убедиться в этом, но...

— У нас поединок один на один.

Я сказал то, о чём на самом деле не думал.

Услышав это, Оги отвечает: «Ох, это заставляет моё сердце биться чаще», и широко улыбается. Впрочем, улыбка — это её стандартное выражение лица.

Я всегда считал, что её улыбка означает, что она всем довольна, но сейчас я начинаю думать, что, возможно, под этой улыбкой с самого начала скрывалось смирение.

Пессимистичная улыбка, отражающая мимолётность жизни.

Улыбка, наполненная болью.

— Участвовать в дуэли с таким ветераном, как Арараги Коёми, это слишком большая честь для меня... Боже милостивый. А ведь были хорошие шансы, что передо мной будет стоять Гаэн Идзуко с Кокороватари в руке, и в таком случае я бы победила. Но, полагаю, навязывание самых ответственных задач своим друзьям — это как раз та причина, по которой она так преуспела в жизни.

— Да, я знаю, что это так. Но в этом случае я действительно верю, что это то, что мне необходимо сделать. Это единственное, что я могу сделать. Это то, что я хочу сделать сам.

— Ты хочешь сделать... это? Ты уверен, что ты так думаешь не потому, что тебе так сказал взрослый человек? Может ты и готов из кожи вон вылезти ради Хачикудзи и Шинобу, но чем это отличается от простой силы привычки? Какой же ты глупый. — Говорит Оги. — Люди склонны несоразмерно оценивать вещи, которые рискуют потерять, но если мы будем позволять подобной ностальгии сковывать нас, то мы никогда ничего не достигнем. И да, чтобы уточнить, я сейчас молю о пощаде.

— ...Молишь о пощаде?

— Я уже спрашивала тебя об этом, не так ли? «Ты встанешь на мою сторону?», «Пожалуйста, спаси меня». Судя по всему, моя просьба не была услышана. Может быть, мне не хватило очарования. — Размышляет она.

Похоже, что ей это даже нравится.

Но зная, как обстоят дела, мне больно на неё смотреть.

— Ну что ж. Всё верно, Арараги-сэмпай. Ты сделал правильный выбор. Видишь? Ты можешь поступать правильно, если решишься на это. Но, к твоему сожалению, я и хотела, чтобы ты мне отказал. Хмм, давай посмотрим... Арараги-сэмпай, ты уже решил, что будешь делать дальше?

— Я же уже говорил. Я собираюсь вернуть Шинобу в свою тень, после чего наблюдать за процессом обожествления Хачикудзи. И ещё много вещей, о который придётся позаботиться после всего этого, поэтому мне нужно будет ещё раз всё обсудить с Гаэн-сан.

— Ясно. Если бы ты был свободен, то я собиралась пригласить тебя на ужин, но похоже, что у тебя на тарелке и так много всего, так что извини, что вмешиваюсь в твоё не-совсем-торжество, так что не мог бы ты побыстрее закончить?

— ...Да, пожалуй.

Я не хочу тянуть время.

Это было бы жестоко.

Я покончу с ней одним ударом, одной фразой.

Я не могу принять её сторону, и не могу спасти её. Это всё, что я могу для неё сделать.

— Ах да, Арараги-сэмпай. Я должна её кое-что сказать тебе. Это касается твоего поступления в университет... Возможно, у тебя сложилось впечатление, что ты показал довольно неплохие

результаты, но твой любимый предмет — математика, верно? Примерно на середине того теста твои ответы сместились на одну строчку.

— Что?!

— Возможно, ты переволновался из-за всего происходящего. Мои соболезнования. После такой неудачи в твоём любимом предмете, конечно, перспективы успешно сдать экзамен довольно печальны. Ничего, попробуешь ещё раз в следующем году. — Подло дразнится Оги.

Похоже на то, что она нанесла свой последний удар, но в то же время, эти слова ободрения можно было принять за чистую монету.

В следующем году.

У меня будет следующий год.

— Оги-тян, твоя настоящая форма...

И тогда я сказал это.

Перед моими глазами пролетели все воспоминания с того момента, как я познакомился с Ошино Оги.

— Твоя настоящая форма — это я.

011

— Настоящая форма Ошино Оги — это Арааги Коёми.

Если я просто возьму, и скажу тебе это, то я уверена, что для тебя это будет слишком неожиданно, чтобы понять, поэтому, само собой, я дам более подробное объяснение. Ох, не волнуйся, оно не будет слишком сложным, к тому же, я не думаю, что могу себе позволить небрежно подойти к этому вопросу.

Всё стало слишком запутанно, все вещи перемешались.

Поэтому я должна объяснить всё по порядку, чтобы это распутать.

Давай попробуем разобраться с настоящей формой Ошино Оги, хотя она весьма сложна и запутанна. Она как запутанный секретный код, как сплошной беспорядок. Подобно тому, как ты сформировался под влиянием множества людей, было бы грубо заявить, что Ошино Оги равна Арааги Коёми.

Тем не менее, если объяснять как можно проще, то быстрее было бы просто сказать следующее: «Ошино Оги — странность, созданная Арааги Коёми».

Так же, как и моя сестра, Гаэн Тооэ, создала странность, именуемую Демоном Рэйни. И когда я говорю «создала», я не имею ввиду то, как мы когда-то впятером «создали» Ононоки Ёцуги в наши

студенческие годы. Это ближе к тому, как Ханекава Цубаса «создала» Чёрную Ханекаву и Како³⁷, поэтому я уже в августе опасалась этого. Учитывая то, что она для тебя как путеводный свет, такое развитие событий было очень вероятным.

Во всяком случае, позволь мне сначала рассказать про тот случай.

Я ненавижу показывать скелеты в моём семейном шкафу, но это история о моей сестре.

Я упомянула Демона Рэйни без каких-либо пояснений, но ты же помнишь всё это, не так ли, Коёмин? Это странность. Камбару Суруга, дочь моей сестры, моя племянница, загадала желание у... того, что принято называть «Обезьяньей лапой».

Но изначально это была не Обезьянья лапа и не Демон Рэйни. Дав своему мистическому творению «личность», назвав Демоном Рэйни, она смогла превратить его в мумию.

Поначалу это было неизвестное сверхъестественное явление.

Это было настоящее скопление таинственных явлений.

Короче говоря, моя сестра часто что-то теряла. Однажды она стала замечать, что вокруг неё пропадают разные вещи. Такое часто случалось, когда я была в начальной школе, и я думала, что она строга к другим людям, но сама очень невнимательна.

Но, в конце концов, она нашла определённую закономерность.

Предметы, потерянные моей сестрой, казались случайными и несвязанными, но у них было кое-что общее — все эти вещи служили для развлечения или являлись предметами роскоши.

Игры, книги, сладости. Её пейджер. Стильная одежда, дорогие сумки, модные туфли, которые вряд ли можно назвать «строгими».

Проще говоря, я думаю, что это были «вещи, в которых она не нуждалась, но которыми хотела обладать», или даже «вещи, которые мешали ей делать то, что она должна делать».

Это были вещи, которые строгий родитель мог бы отнять у своего ребёнка, и моя сестра поняла это спустя некоторое время. В то же время обнаружила, каким образом пропадают её вещи, будто бы попадая в чёрную дыру.

Она не теряла их, она их выбрасывала.

Преступником оказалась моя сестра.

Она всегда старалась быть строгой к себе, и её сердце породило Тьму, которая не терпела ничего неправильного, или лучше сказать, это была псевдо-Тьма.

Это была странность, порождённая ею на почве желания заставить себя не бездельничать, что характерно для любого подростка, любой молодой девушки.

Когда я училась в начальной школе, я не могла этого понять, мне всё это казалось какой-то игрой, но сейчас я понимаю, что она просто была очень самокритична.

Подводя итог, это сверхъестественное явление неизвестного происхождения...

Эта таинственная странность, созданная Гаэн Тооэ, была воплощением её самодисциплины.

³⁷ Како — это имя духа тигра, созданного Ханекавой в эпизоде «Тигр Цубаса», если кто забыл или не знал.

Если бы история закончилась на этом, то конец был бы печальным, поэтому давай поговорим о том, что же произошло после этого. Она была обеспокоена ситуацией, но когда она смогла понять истинную природу этого явления, то взяла всё под свой контроль. Она по собственной воле отринула свою самодисциплину, она отказалась проявить милосердие даже в отношении своей строгости, уничтожив таким образом псевдо-Тьму.

Она отбросила свою безудержную строгость.

Она положила всему конец, определив явление, как странность с запада, «Демон Рэйни». Таким образом, история закончилась тем, что она нарекла свою тёмную сторону плачущим демоном.

И все жили долго и счастливо.

Я описала всё в общих чертах, но стоит сказать, что эта чёрная дыра пыталась поглотить и друзей моей сестры, и её парня, поэтому, если бы она не решила этот вопрос, то история была бы более мрачной. Если тебе интересно, я могу рассказать об этом как-нибудь в другой раз.

В конце концов, она взяла оставшуюся часть мумии и завещала её своей дочери, как если бы это была своего рода семейная реликвия, передающаяся из поколения в поколение. Вот почему я сказала, что она была сложной личностью.

Просто задумайся о том, что Ошино Оги для тебя то же самое, что и Демон Рэйни для моей сестры.

Проще говоря, Ошино Оги... это самокритика Арараги Коёми.

...Ой, и не надо так на меня смотреть, я просто констатирую факт. Скажи спасибо, что у меня хватило такта не назвать её твоей ненавистью к самому себе.

В общем, теперь если ты взглянешь на ситуацию с учётом всего сказанного, разве всё не начинает приобретать смысл? Ошино Оги знала подробности всех твоих проблем, всех твоих взаимоотношений, каждого твоего шага. Вещи, что ты забыл, вещи, что ты скрывал, вещи, что ты никогда не хотел вспоминать — она знала их все.

Она утверждала, что ничего не знает...

Но она знала всё, что только можно знать про Арараги Коёми.

«Ты тот, кто знает, Арараги-сэмпай», — эти её глубокие слова следовало понимать буквально.

Но она не только всё знала, она ещё и осуждала. Твою ложь, твои уловки, твою уклончивость, твою бесхарактерность, твою скромность, твою безответственность. Она всегда была готова спросить тебя, действительно ли тебя устраивает всё это, была готова сделать тебе выговор.

Когда я сказала, что настоящую Тьму, вероятно, устроит ситуация, в которой Хачикудзи-тян станет богом, в то время, как псевдо-Тьма такого не позволит, я это и имела в виду. После того, как ты эгоистично вытащил Хачикудзи-тян из ада, ты не можешь с такой же лёгкостью придумать подходящее решение, поэтому Ошино Оги будет руководствоваться твоими эмоциями — твоей жестокостью к себе.

Конечно же, она, как я уже говорила, состоит не только из твоей самокритики. Этого было бы недостаточно, чтобы создать такого милого кохая.

Я же говорила, да? Она представляет собой настоящую смесь разных вещей.

И среди них есть весьма неприятные.

И я тоже несу часть ответственности за это, поэтому хотела бы отнестись к этой теме с предельной серьёзностью.

Но это, само собой разумеется.

Если забыть на секунду Хунекаву Цубасу и мою сестру... Странности — это не то, что способен создать один простой школьник.

Точно так же, как Сенгоку-тян не сумела воплотить в жизнь Кучинаву, понимаешь?

На самом деле, появление Ошино Оги базируется на нескольких роковых факторах. Должны были появиться несколько персонажей и произойти несколько обязательных инцидентов. Если бы хотя бы один из этих факторов отсутствовал, я уверена, второе полугодие твоего последнего школьного года выдалось бы куда менее ярким.

Тем не менее, ты, по сути, сам же и посеял нужные семена. Эти семена были посеяны в августе прошлого года.

Это случилось, когда мы впервые объединили наши силы, а точнее, сразу после этого.

Это случилось, когда Хачикудзи-тян была атакована Тьмой.

Первым этапом стало то, что ты узнал о существовании Тьмы, о явлении, «исправляющим ошибки».

Что запрещено, то запрещено.

Что неправильно, то неправильно.

Ты узнал о существовании того, что принимает такие решения.

Естественно, что ты возненавидел явление, которое пыталось поглотить твою любимую Хачикудзи, но в то же время, следуя своим мазохистским тенденциям, ты был в восторге от явления, способного наказать тебя за самообман, за всё, что ты сделал, начиная с того, когда ты отнял силы у Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд.

Есть ещё одна мысль, которая, может быть, когда-то приходила к тебе в голову.

«Если оно не отпустит Хачикудзи Маёй, то и меня оно тоже не отпустит».

Ты хотел быть наказан так же, как и Хачикудзи.

Если что-то идёт не так, то лучше бы этого не существовало. Ты пытаешься защитить всё, что видишь, и если хоть одна вещь в твоём поле зрения идёт не так, то ты отрицаешь всё, что вокруг тебя.

Это чувство... оно было заложено в тебя.

Но, тем не менее, это всё было проблемой только в твоей голове.

Люди в глубине души могут думать что угодно, но это не значит, что таким образом они могут создать странность. Однако, назвать тебя «простым школьником» несколько неправильно. Ведь ты — получеловек, в тени которого скрывается некогда легендарный вампир.

Теперь. Вторая фаза наступила, конечно, вследствие твоей схватки с первым слугой легендарного вампира, настоящим Убийцей Странностей. И это то место, где есть часть моей вины... по отношению к Суруге.

Здесь оказалась впутана моя племянница.

Во время вашего первого столкновения, Первый слуга использовал свою энергию, чтобы извлечь из руки Суруги Демона Рэйни, не так ли?

Когда он сделал это, то поглотит эффект Обезьяньей лапы. Начнём с того, что Первый слуга был синтезом всех странностей этого города, так что у него, должно быть, была бы отличная совместимость с демоном.

Тем не менее, с Первым слугой смешался не Демон Рэйни, а неидентифицируемая смесь, созданная моей сестрой, и результат ты видел. И нет, я не отклонилась от темы.

Я понимаю, что ты видишь Первого как соперника, но вы двое связаны через Хартандерблейд, через Ошино Шинобу.

Не говоря уже о том, что Шинобу-тян съела остатки Первого, и, таким образом, часть наследия моей сестры добралась до тебя по пищевой цепочке.

Прецедент.

Так я его назвала, да?

Более того, если я являюсь главой специалистов, то в таком случае Первого можно назвать главой всего сверхъестественного, во всяком случае в этом конкретном городе. Таким образом, в городе родилось «нечто неизвестное», владеющее всеми странностями города и легендами о них.

Учитывая её происхождение и природу, как ты и утверждал, к «боевому» типу отнести её нельзя, однако она должна обладать по крайней мере навыком создания материи, как и Хартандерблейд.

Она — гибрид различных монстров, способная вызывать практически любые сверхъестественные явления, так что нет ничего постыдного в том, чтобы проиграть ей.

Родившись из Первого, которого вполне можно было считать проявлением всех странностей города, даже её богатство знаний находится на сверхъестественном уровне. Но при всём этом, её способности оказались столь велики, что ей потребовалось определённое количество времени, прежде чем она ими всеми овладеет.

Кстати, Хачикудзи-тян уже сказала, что имя «Оги» является бесхитростным псевдонимом, возникшим из её описания, как фанатки Камбару Суруги, но затем мы опустили объяснение её фамилии, «Ошино», не так ли? Сейчас пришло время мне пролить свет и на это.

Суть в том, что фамилия «Ошино» происходит не от Ошино Меме, а от Ошино Шинобу. Если учесть, что вы с Ошино Шинобу по сути едины душой и телом, то ты можешь рассматривать Ошино Оги, как ваше совместное произведение.

Конечно, было бы разумнее, если бы она назвала себя «Арараги Оги», но, полагаю, это было бы слишком уж очевидно. Идея же назваться племянницей Ошино Меме, вероятно, исходила от меня, посыпая голову пеплом. Я подала плохой пример, когда в августе назвала себя его сестрой.

Прости.

Знаешь, просто хотела извиниться.

Кстати, это мелочь, но именно поэтому она назвалась фанаткой Камбару Суруги, именно поэтому она представилась кохаем Суруги. Если проследить всю цепь событий, то становится понятно, что причина в её левой руке.

Это была необходимая деталь уравнения.

Конечно, сама Суруга ничего об этом не знала.

У неё не было никакого способа узнать это. Она едва знала свою мать. И ей, вероятно, лучше не знать об этом. Во всяком случае, так хотела бы моя сестра.

Именно поэтому я не раскрыла своё имя, когда представилась сестрой Ошино Меме. Не то, чтобы мне не хотелось связываться с вами или что-то вроде того, понимаешь? ...В любом случае, этот поступок мне очень неприятно аукнулся.

Ну да ладно, что сделано, то сделано. ...Это было даже интересно, столкнуться с такой внезапной атакой, но знаешь, Коёмин, пока что ничего особенного всё ещё не произошло.

С таким упорством, с каким Шинобу-сан практиковала своё искусство создания материи, она бы вполне справилась с задачей создать странность, или школьницу, или что-либо ещё.

В сравнении с тем примером, что я ранее привела, про создание Ханекавой Цубасой таких странностей, как Чёрная Ханекава и Како, тебе было бы легче понять правила игры, если ты примешь в качестве отправной точки странность, созданную моей сестрой. Кроме того, была ещё и Камбару Суруга, которая подсознательно использовала левую руку Демона Рэйни, и Сенгоку Надеко, которая хоть и не породила настоящую странность, но мысленно создала иллюзию, именуемую Кучиной.

Ты не сделал ничего особенного или из ряда вон выходящего. Однако, по сравнению с этими девушками, в твоём случае уникально то, что было уникально и в случае с моей сестрой — ты создал странность с целью атаковать самого себя.

Не из-за собственного эгоизма.

Из-за самокритики. Причём эта самокритику, с определённой точки зрения, можно вполне считать самоотравлением.

В случае с Ойкурой Содачи...

В случае с Хачикудзи Маёй...

В случае с Сенгоку Надеко...

В случае с Сендзёгахарой Хитаги...

В случае с Ошино Шинобу...

В случае с Ононоки Ёцуги...

Не столько «чёрная», сколько «тёмная» твоя сторона, Ошино Оги, постоянно держала тебя под своим контролем. Она вынуждала тебя бросаться из одного затруднительного положения в другое. Всё ли будет в порядке? Сможешь ли ты простить себя за это? Действительно ли проблема решена? Не схалтурил ли ты? Неужели так будет продолжаться до конца жизни? Она всегда нащёптывала тебе эти вопросы.

Не как монолог, а как диалог... она всегда была рядом с тобой.

...Можно сказать, что ты просто хотел обрести самодисциплину, и это не может не впечатлять, конечно. Я думаю, что то же самое можно сказать и про мою сестру, но знаешь, это по сути то же самое, что жить, вечно ища самому себе оправдание. Ты всегда протягивал руку помощи незнакомцам, кем бы они ни были, ты делал всё ради них, помогать другим стало смыслом твоего существования. И этот эмоциональный дефект родился из того, что ты достиг одного из своих пределов.

Едва ли это заслуживает похвалы.

Честно говоря, это просто самопожертвование в другой обложке.

Но, во всяком случае, ты хотел в этом покаяться, ты хотел быть осуждённым. С самых весенних каникул, глубоко внутри себя, глубоко в душе, ты чувствовал, что обманываешь сам себя.

Ты спас Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд из чувства сострадания и хотел, чтобы тебя настигло возмездие.

Ты подружился с Ханекавой Цубасой, но поскольку не мог ответить на её чувства, ты всегда беспокоился, имеешь ли ты право с ней дружить.

Ты спас Сендзёгахару Хитаги от страданий, которые мучили её несколько лет, поэтому, когда ты стал с ней встречаться после этого, ты не мог не спрашивать себя, не воспользовался ли ты её слабостью.

Ты уважаешь Камбару Суругу, но комплексуешь по поводу того, что не можешь жить такой же открытой жизнью, как она.

Ты спас Сенгоку Надеко, но она была не единственной, кого ты хотел спасти.

Ты постепенно примирился с Ошино Шинобу, но сможешь ли ты получить прощение? Кстати о прощении, Первый был «прощён» Шинобу-тян ещё в августе... Неужели то, что ты до сих пор не простил Шинобу, делает тебя таким ограниченным? Или же ты не хочешь обрести прощение?

Ты был так уверен в себе, когда предпочёл маленькую девочку своей возлюбленной и своему спасителю, но это твоё решение до сих пор жжёт тебя изнутри, не так ли?

Да и вообще, разве не трусливо так легко пользоваться своим бессмертием? Разве не должно быть каких-либо последствий?

Разве ты не... ужасный человек?

...Основываясь на том, что я слышала от Хачикудзи, ты ныл о таких вещах на протяжении всего времени, что был в аду. Ошино Оги, девушка, которую вполне можно назвать «Тёмный Коёмин», целиком и полностью является воплощением твоей самокритики, и, используя инцидент с Ойкурой Содачи в качестве трамплина, она принялась к твоему разрушению, медленно и уверенно, шаг за шагом, в точности, как Тьма.

Стоит добавить, что Ошино Оги в качестве воплощения твоего разума является автономной, а потому ты не единственный, с кем она контактировала. Она не жалела сил, чтобы создать условия, в которых было бы лучше тебя наказать.

Ошино Меме и Кагенуй Ёдзуру.

А после того, как проблема Сенгоку Надеко была урегулирована, вероятно, и Кайки Дейшу тоже.

Она заперла их за пределами этого города. Само собой, что их «работа» в качестве специалистов почти наверняка мешала бы её «работе».

Ох, нет, это не так уж сложно. Это ничем не отличается от того, что я сейчас делаю с этим парком. Достаточно просто создать барьер.

Если же она пойдёт дальше, и позволит им потеряться, то у нас не будет возможности помочь им изнутри. Первый вызвал явление, способное сбивать людей с их пути, помнишь? Её происхождение почти идентично, поэтому, естественно, она тоже на это способна.

Так что можешь успокоиться, Коёмин.

С Меме и Ёдзуру, скорее всего, всё в порядке.

Я не могу дать никаких гарантий насчёт Кайки, да и нет подробностей о том, как всё вышло... Однако, хоть ты и волнуешься за них, единственной причиной, по которой их сейчас здесь нет, является то, что ты сам отказался от их помощи.

Я понятия не имею, где они сейчас находятся, но как только мы уничтожим Ошино Оги, их должно быть легко найти.

Хм? Ах да, я всё ещё здесь потому, что специалист более высокого уровня... нет, конечно.

Всё потому, что, когда дело доходит до противостояния странностям, я нарушаю правила.

Всё потому, что я прорубила барьер при помощи Кокороватары и пробралась внутрь. Я подделала этот меч, чтобы уничтожить псевдо-Тьму, если она появится, но я не ожидала, что он придётся мне так кстати.

Или стоит сказать, что если бы я не закончила делать этот меч вовремя, то не была бы сейчас здесь, чтобы помочь всем вам. Я действительно успела в последний момент.

Всё ли прошло так, как я ожидала? Нет, не совсем.

Я предполагала, что, если ты создашь псевдо-Тьму, то она будет куда меньшего масштаба. Да, в этом смысле я тебя недооценила.

Если бы я знала, что всё обернётся таким образом, как сейчас, я бы начала действовать гораздо раньше и всё изменила.

Вот почему нас обставили.

Нас, специалистов, причём не без твоей помощи. Я не стану тебя обвинять, если ты когда-нибудь этим похвастаешься.

Но давай оставим это на потом, когда избавимся от Ошино Оги, хорошо?

В правильных условиях твоя самокритика могла бы быть превосходной и даже заслуживающей всемирного одобрения, но этот безбожный город не может справиться с подобным.

Как я сказала вчера, я не могу предугадать твои действия после того, как ты сдал экзамены. Другими словами, я не могу предугадать действия Ошино Оги.

Вот почему я должна поставить ловушку.

Если я хочу её уничтожить, я должна всё распланировать, должна окружить её забором.³⁸

Я должна создать засаду именно сейчас, пока я ещё могу предсказать её действия. Эту часть я уже объясняла. Если она сделает шаг, то сделает его именно сегодня.

Сегодня ночью.

Я уверена, что Ошино Оги не хочет, чтобы ты действовал как-то неожиданно. Предположительно, объявление результатов экзамена, или, может быть, выпускная церемония — это крайний срок для завершения её работы.

Ты понимаешь, о чём я?

Если Ошино Оги — это самокритика Арараги Коёми... Если она в ответе за то, что вытащила на поверхность твоё чувство вины перед всем обществом, то у неё есть ещё одно незавершённое дело.

У неё осталась ещё одна задача, которую ей предстоит выполнить.

Верно. Арараги Цукихи, твоя младшая сестра.

Бессмертная странность, птица смерти Феникс.

Кагенуй Ёдзуру и Ононоки Ёцуги хотели избавиться от неё, но благодаря твоему беззаветному и необдуманному вмешательству она жива по сей день. Ты ни на секунду не сомневаешься, что должен позволить прожить ей остаток своей жизни, будучи замаскированной под человека.

Ты не сомневаешься в том, что защищаешь свою сестру.

Но твои идеалы не настолько сильны, чтобы ты не обвинял себя за то, что не колеблешься.

В общем, я собираюсь использовать твою младшую сестру в качестве приманки.

План состоит в том, чтобы поймать Ошино Оги на месте преступления, когда она попытается причинить вред твоей сестре и разоблачить её истинную форму. Выражаясь терминологией детективных романов, которые так любит Ошино Оги, у нас нет прямых доказательств, а потому мы должны поймать её с поличным.

Да.

Верно, у нас нет доказательств. Всё, что я говорила до сих пор — просто размышление. Это объясняет все тайны и заполняет все пробелы в истории. Вот и всё. Так что, если бы ты был против: «Нет, это не может быть правдой, я отказываюсь верить в то, что эта девушка — я», то у меня бы не было никаких средств, чтобы убедить тебя.

Но ты же всё понимаешь, да?

Ты же знаешь, не так ли?

Ты знаешь это лучше, чем кто-либо другой.

Ты знаешь, что из себя представляет истинная форма Ошино Оги, и поэтому именно ты должен быть тем, кто её раскроет.

Я этого не могу.

³⁸ Здесь используется игра слов «обносить забором» и «обдумывать план». Оба словосочетания читаются одинаково «saku wo megurasu», но отличаются в написании (策を巡らす) и (柵を巡らす) соответственно.

Если бы я насильно исполнила бы свой первоначальный план — превращение Шинобу-тян в бога, то, вероятно, не смогла бы обратиться за помощью к тебе, но теперь, когда ты вернул Хачикудзи-тян из ада, я могу расслабиться и доверить тебе решение этой проблемы.

Я могу расслабиться.

Нет, серьёзно. Могу.

Арааги Коёми — достаточно строгий к себе человек, чтобы породить странность, олицетворяющую его самокритику и ненависть к себе. Он точно не станет колебаться в решении уничтожить того, кого так ненавидит.

Иди, сражайся и возвращайся победителем.

Это же должно быть достаточно просто, разве нет?

Вплоть до сегодняшнего дня...

Ради Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд, ради Ханекавы Цубасы, ради Сендзёгахары Хитаги, ради Хачикудзи Маёй, ради Камбару Суруги, ради Сенгоку Надеко, ради Арааги Карен, ради Арааги Цукихи... и, если возвращаться к началу, ради Ойкуры Содачи, ты столько раз находился на грани жизни и смерти.

Ты жертвовал собой.

Ты убивал себя.

Ты убивал себя снова и снова, ты даже прошёл через ад.

Ты был настолько бескорыстным альтруистом, что со стороны казался безумцем. Такому, как ты, уничтожить Ошино Оги, а по существу, Арааги Коёми во плоти, должно быть так же легко, как отнять конфету у ребёнка. Так же легко, как отнять конфету у самого себя.

Чтобы спасти других, ты постоянно выбрасывал собственную жизнь, словно мусор. Ты выбрасывал её в тот же момент, как задумывался о ней. В этот раз ты должен сделать то же самое: убей себя не задумываясь.

Сделай себе больно, отними свою собственную жизнь.

Убей себя ради других.

Сделай то, что делал изо дня в день.

В этом нет ничего сложного.

Возможно, буквально убить себя немного более экстремально, чем то, к чему ты привык, но просто продемонстрируй своё старое доброе чувство самопожертвования. Человек, с которым ты собираешься встретиться лицом к лицу, не школьница, ни твой кохай, ни племянница твоего благодетеля. Она никто иная, как ты сам.

Она — человек, которого ты больше всего презираешь, Арааги Коёми.

И поэтому... ты должен положить этому конец.

Ты должен положить этому конец своими руками.

Это будет... окончание твоей юности.

012

— Твоя настоящая форма — это я.

Ты это я.

Ошино Оги... это Арараги Коёми.

В тот же момент, как я сказал это...

В тот же момент, как я это провозгласил... появилось «оно».

«Это» я уже однажды видел, хотя, по правде говоря, сложно сказать, можно ли это вообще увидеть. Всё это — сплошная чернота, пустота, засасывающая всё вокруг себя, абсолютно полное отсутствие света. Тьма и ничего кроме тьмы.

Тьма.

«Ничто» находится прямо передо мной.

Пустота, абсолютное небытие.

И всё же, этот чёрный цвет настолько интенсивный, что его трудно назвать «пустым пространством».

Чернейшая чернота, достаточная, чтобы переписать и исправить все ошибки этого мира.

Чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота, чернота.

Чернота... пожирающая всё ненормальное.

— Ох, как-то слишком быстро. Главная звезда уже появилась на сцене? Неужели это из-за всей моей лжи, из-за всех моих совершённых грехов?

Вспомнив свой драматичный побег, я теряю дар речи, будучи охваченным воспоминаниями, но в отличие от меня Оги-тян сохраняет спокойствие. Она даже слегка улыбается.

Конечно, я знал, что это произойдёт.

Меня предупреждали.

Всё это является частью плана Гаэн-сан. Если я разоблачу Ошино Оги, а говоря точнее, разоблачу свой собственный обман, то Тьма, судя по всему, поглотит её.

И я думал, что готов к этому, но Тьма, с которой я сталкиваюсь лицом к лицу уже во второй раз, появилась достаточно внезапно, чтобы удивить меня.

— Подумать только, я пыталась играть роль чего-то столь грозного... В самом деле, со мной, наверное, что-то не так. Я думала, что придерживаюсь более строгих правил, чем оригинал... но я вижу, что даже не приблизилась к ним. Я не была даже бледной имитацией. Наверное, с самого

начала было слишком нереально стремиться быть большим авторитетом, чем законы мироздания. И, тем не менее, я надеялась, по крайней мере, достичь уровня тёмной материи...

Я на пределе своих возможностей, не в силах оторвать глаза от Тьмы, настолько подавляющей, что даже искажает ощущение перспективы в классе, однако Оги-тян с лёгкостью отводит от неё свой взгляд, чтобы взглянуть на меня и продолжить разговор.

Без колебаний, сохраняя спокойствие...

Будто бы даже сейчас она критикует мою слабость.

— Тебе не о чем переживать, Арараги-сэмпай. Я не стану ни убегать, ни прятаться; в конце концов, я жутко люблю детективные романы. Я считаю, что нет ничего постыдного в том, чтобы быть истинным преступником. Более того, я весьма старомодна, и считаю, что роман должен заканчиваться самоубийством преступника.

— ...

— Ох, но это не означает, что мне всё равно. Когда преступник остаётся самоуверенным даже после того, как истина была открыта, это само по себе немного портит впечатление и даже раздражает. Зная, что меня вот-вот уничтожат, я вся дрожу изнутри. Ммм, я собираюсь быть уничтоженной при столкновении материи и антиматерии. Взаимная аннигиляция, как она есть. Я стараюсь быть позитивной и выглядеть круто только потому, что ты рядом со мной, Арараги-сэмпай. Ох, боже мой, интересно, каково это — быть уничтоженной? Является ли это чем-то получше ада, по крайней мере?

Ха-ха. Оги-тян рассмеялась.

В отличие от меня, практически вставшего на ноги, Оги даже не пытается встать со стула.

— Самоубийство...

Я задаю Оги вопрос, и мой голос в самом деле дрожит.

— Ты знала, что это случиться, не правда ли? Если ты это в самом деле я... то ты должна была знать, что я буду ждать тебя здесь, и что я всё знаю про твою истинную форму. Так зачем же ты пришла сюда, несмотря ни на что? Разве ты не отказалась «критиковать» меня насчёт Цукихи-тян и не сбежала куда-то?

— Сбежала? А куда мне идти? Даже зная, что мои усилия тщетны, я делаю то, что должна. Я об этом уже говорила, не так ли? Возможно, я оставила кое-какие дела незаконченными, но мне не о чем сожалеть. В этом смысле, это действительно своего рода самоубийство. — Улыбается Оги. — Бывают моменты, когда нужно продолжать сражаться, даже если битва уже проиграна. Конечно, мы с тобой не придём к соглашению в этом вопросе... Но если позволишь мне сказать, по сути, мои

последние слова, то я считаю, что проделала замечательную работу по исправлению твоей жизни. В хорошем смысле. Ох, впрочем, прошло всего шесть месяцев, у меня было в запасе всего шесть месяцев, так что, возможно, я немного преувеличила, что исправила всю твою жизнь. В таком случае позволь мне перефразировать и назвать это твоей «юностью». Даже если я не сделала твою юность лучше, я верю, что сделала её более праведной.

— Если это то, что ты называешь праведным... то мне такая праведность не нужна. Скольким по-твоему людям ты доставила проблемы?

Я решил не ругать её за что-либо. В конце концов, тем, кто побудил её на это, был никто иной, как я.

Тем не менее, эти слова срываются с моего языка.

Я критически критикую себя за свою самокритику.

Несмотря на то, что Тьма, готовая поглотить всё, прямо перед нашими глазами. Несмотря на то, что небытие находится в пределах нашей досягаемости.

Несмотря на то, что на мой последний разговор с Оги-тян остаётся всего несколько десятков секунд.

— Сендзёгахара, Камбару, Сенгоку, Ханекава, Шинобу, Ошино, Кагенуй-сан, Ононоки-тян... даже Кайки — как ты думаешь, сколько неприятностей ты доставила им? Как ты думаешь, сколько страданий ты им принесла, всем, без исключений?

— Если я причинила им какой-нибудь вред, то это исключительно их заслуги. Это не то, что я сделала или не сделала. Ты же сам понимаешь это в глубине души, не так ли? Беды, вред, несчастья — они не всегда чёрно-белые. И чем запутанней они, тем сложнее их различить.

— ...В таком случае, праведность — чёрно-белая? Можешь ли ты чётко различить правильное от неправильного?

— Конечно нет. Это невозможно. Вот почему я объединилась с тобой, чтобы иметь дело со всем, что мы встречали на нашем пути. Даже если мы не сможем отличить правильное от неправильного, то мы как минимум сможем определить, кто из нас прав, не так ли?

— ...

— В случае с Ойкурой Содачи я ошиблась. В случае с Сенгоку Надеко я была права. В случае с Теори Тадацуру, я полагаю, это можно назвать боевой ничьей. Я знала, что Теори Тадацуру и Гаэн Идзуко связаны, но думала, что смогу выиграть если не войну, то хотя бы сражение... Я не создала такой пропасти между тобой и Ононоки Ёцуги, какую рассчитывала.

Сражение.

Оги использовала именно это слово.

Вот как... Значит моё с ней откровенное общение началось с самого момента нашей встречи. Я уверен, что сражения не ограничиваются теми тремя, что она только что упомянула; каждый наш с ней разговор был похож на дуэль.

Не определить, что правильно, а что нет.

Но проверить, кто из нас прав.

Такова её версия «праведности»... И правда, она ближе к истинной праведности, чем праведность, достигаемая путём исправления ошибок.

— Так что же в итоге? Кто прав в конце концов? Я или ты?

— Я собираюсь исчезнуть, так что полагаю, что ты был прав. Поздравляю, Арараги-сэмпай.

И затем.

Наконец, Оги-тян встаёт со своего места.

— Всё, что ты до этого времени сделал, не было ошибкой.

«Ты был прав».

Я слышу эти слова... но мне от них не становится легче.

Скорее, я чувствую, будто на мою рану высыпали целую банку соли.

«Ты словно пытаешься решить проблемы, отказавшись от счастья», — той, кто так резко мне на это указала, была Ононоки-тян. «Ты словно просишь о сострадании, чтобы избежать осуждения», — если это та самая моя позиция, что породила девушку, создавшую такой разрушительный хаос, то я совершил огромную ошибку.

Возможно, что несправедливо говорить, что она создала «разрушительный хаос». Возможно, что это неправильно. Она по-своему пыталась подчинить себе этот город.

В том смысле, что она хотела создать нового бога в храме Кита-Ширахэби, она ничем не отличается от Гаэн-сан. В соответствии с тем, что она предостерегала меня от того, что я вижу только то, что передо мной, Оги-тян смотрела на вещи в куда более широкой перспективе.

Если она всегда была здесь, чтобы исправлять мои ошибки, то я действительно должен поблагодарить её. Однако я не могу этого сделать.

Даже если это прощание.

Даже если мы больше никогда не увидимся.

Мне нельзя её благодарить. Арараги Коёми и Ошино Оги могут существовать только в оппозиции к друг другу, могут существовать только путём критики друг друга.

Только через отрицание друг друга мы можем подтвердить собственное существование.

И это существование... скоро исчезнет.

Оно исчезнет... как искупление.

Псевдо-Тьма... будет поглощена Тьмой.

— Ммм, это конец твоей юности. Или, возможно, конец этой истории. Ну же, не такое уж это и большое дело. Это же не конец твоей жизни и, тем более, не конец света. Всего лишь одна небольшая часть твоей истории подошла к концу, вот и всё. Это же даже не последняя глава. Я рада, что мне удастся исчезнуть до твоего выпускного.

Под конец она говорит что-то, что я не совсем понял, после чего быстро опускает голову.

— Спасибо за всё. Прощай, Арараги-сэмпай.

— Прощай, Оги-тян.

И затем Ошино Оги...

Ошино Оги, та, кто появилась как кохай Камбару Суруги; та, кто изрядно встряхнул моё второе полугодие выпускного класса; та, кто бродила по улицам города и дёргала за ниточки; та, кто раскрыла всё, что было спрятано между строк; та, кто возродила то, что казалось завершённым; та, кто требовала осознания и искупления, самобичевания и молчания; та, что была неустрашима в противостоянии и не боялась конфликтов; та, кто насмехалась над людскими попытками сгладить углы; та, кто никому не позволяла расслабиться.

Ошино Оги, та, кто появлялась где бы я ни был, словно моя тень. Та, кто была повсюду.

Девушка, которую я мог увидеть, когда бы я этого ни захотел, Ошино Оги, по обвинению в том, что её истинная форма была раскрыта, за преступную фальсификацию того, кем она являлась, а также за все формы обмана, в которых она была уличена, словно её и не существовало с самого начала, она будет поглощена тем, что физически не существует, истинной Тьмой, и будет уничтожена, не оставив и следа.

Её праведность и мои ошибки...

Мои ошибки и её праведность... уничтожат друг друга. Взаимная аннигиляция.

Они исчезнут... Перестанут существовать.

Всё, что она сделала, закончится здесь.

Поэтому, позвольте мне сказать ещё раз. Я бы никогда не поблагодарил её ни при каких обстоятельствах, но, раз уж на то пошло, позвольте мне сказать последние слова и попрощаться с «собой».

Прощай, Ошино Оги.

Прощай, моя юность...

— ...Нет, я не могу!

Я прыгаю вперёд.

Несмотря на то, что я не мог пошевелить и пальцем, я мгновенно заставляю своё тело прийти в движение, поднимаюсь со стула на своих человеческих ногах, заставляю вес своего тела работать, как человек, бегу, как человек... Одним словом, как человек, которым я и являюсь...

Я прыгаю на Ошино Оги и валю её на землю.

Пытаясь уклониться от Тьмы, которая находится всего в нескольких сантиметрах от неё, я толкаю школьницу на пол заброшенного здания. Тьма, хотя трудно сказать, движется ли она, проплывает над моей головой.

Я... спас Ошино Оги.

— А... Арараги-сэмпай?! Ч-что ты...?

Впервые...

В первый раз за нашу беседу... голос Оги-тян становится испуганным. Нет, я думаю, что впервые за всё то время, что я её знаю, я слышу её взволнованной.

— О чём ты думаешь...?

Нет.

Возможно, она злится.

Однако я не могу ответить на её гнев, на её критику. Не потому, что не могу выразить свои чувства словами или что-то вроде того.

Боль настолько сильная, что я не могу издать и звука.

...Угх!

Хоть я и попытался аккуратно обойти Тьму, на практике у меня это не вышло. Правую руку чуть-чуть задело.

Всего лишь после одного лёгкого прикосновения она исчезла. Моя рука от самого предплечья просто исчезла, будто её никогда и не было.

Кровь не останавливается.

И само собой она не регенерирует.

Прямо сейчас я человек. Всё по-настоящему.

Боль такого уровня не особо сильнее, чем та, которую я испытывал, ещё будучи вампиром, так что в ней нет ничего, к чему бы я не был привыкшим, однако ощущение утраты не похоже ни на что, что я испытывал раньше.

Я чувствую, словно мою конечность оторвали. Впрочем, это именно то, что и произошло, поэтому я полагаю, что это нельзя назвать метафорой.

— Несмотря на то, что ты не бессмертен, ты осмелился кого-то спасти...

Возмущение Оги не знает границ.

Находясь на полу подо мной, она смотрит на меня своими чёрными глазами.

— В... В конце концов, вот значит каков ты, да? Ради спасения кого-то другого ты готов выбросить свою жизнь, словно она ничего не стоит? Ты готов даже спасти кого-то, вроде меня, кто только и делал, что критиковал и осуждал тебя? Какой смысл помирать здесь? Что будет, если ты здесь погибнешь? Какой смысл меня спасать...? Всё как я и думала. Ты ошибаешься. Ты полностью ошибаешься. Ты просто ужасен...

— Я не...

Моё сознание пропадает из-за потери крови, но я, едва удерживаясь благодаря её суровому выговору, перебиваю её и произношу:

— Я не спасаю кого-то другого. Прямо сейчас я спасаю себя.

Гаэн-сан просчиталась.

Она, та, кто знает всё, совершила большую ошибку.

Быть строгим для других и для себя?

Это не про меня.

Я всегда жертвовал собой, критиковал себя, наказывал себя.

Я всегда бросал свою жизнь ради спасения других людей. Но сейчас, впервые, эгоцентрично...

Эгоистично...

Я спас себя.

Без учёта каких-либо обстоятельств, не заботясь, как это будет выглядеть со стороны, в соответствии со своими собственными желаниями, в соответствии со своими инстинктами, в корыстных целях... я спас себя.

Я нашёл свой истинный цвет.

Если так подумать, я отыграл свою роль.

Вот и всё, ничего больше.

Меня нельзя назвать восхитительным или впечатляющим. Но всё же, именно потому, что я такой слабый парень...

Если я не спасу себя... я умру.

— Хитаги... и, — Бормочу я. — Ханекава... Шинобу... и Ононоки-тян... вы все спасли меня... Так много людей спасали мою жизнь... Если я её не защищу... это будет неправильно...

— ...

Оги-тян замолкает.

Эта болтливая девушка замолкает, затем протягивает свою руку, чтобы осторожно коснуться моей раны, после чего кровотечение останавливается. Я не знаю, какую из сил, унаследованных от Шишируй Сэйширо, или от Гаэн Тооэ, она использовала... но в любом случае, кровь остановилась.

Кроме того, возможно, это было бессмысленно.

Возможно, это было столь же бессмысленно, как и моя попытка спасти её. В конце концов, может мы и избежали первого удара, но теперь, когда я не могу даже пошевелиться, мне ничего не остаётся, как быть поглощённым Тьмой вместе с Оги-тян.

Моё тело было полностью обессилено.

Даже если бы я внезапно передумал, пробудил свой непоколебимый и бескомпромиссный дух и решил бросить Оги-тян и сбежать, то уже слишком поздно... И слава богу.

Если взглянуть на это с другой стороны, то после того, как она упорно трудилась ради меня, я могу, по крайней мере, исчезнуть вместе с ней.

— О боже. Я планировала сделать это в одиночку, а теперь это превратилось в двойное самоубийство... Арааги-сэмпай. Для справки, я не маленькая девочка.

— Мне всё равно... Ты ведь всё ещё... фактически... шестимесячный ребёнок... разве нет?

Гаэн-сан сказала мне, что уничтожить Оги-тян должно быть так же легко, как отнять конфету у ребёнка.

Но нельзя же обижать маленьких детей.

Их нужно защищать, что я сейчас и делаю.

— Если всё, что я делал до этого момента, не было ошибкой... то то, что я делаю сейчас, ошибкой тоже быть не может. — Заявляю я. — Я не ошибаюсь.

Да.

Точно так же, как и ты не ошибаешься.

Она, должно быть, постаралась на славу, обработав мою рану, потому что я могу формулировать мысли с удивительной ясностью, и, услышав мои слова, улыбка, наконец, возвращается на лицо Оги-тян.

Нет, подождите.

Это тоже впервые.

Это какая-то улыбка, которую я ещё ни разу не видел на её лице. Неуклюжая, немного застенчивая.

— В самом деле... Какой же ты дурак.

— Нет, это не так.

Раздаётся голос, который заставляет меня усомниться в собственном слухе.

Этот голос принадлежит ни мне, ни Оги-тян. Когда я поворачиваю голову в сторону голоса, то есть в сторону открытой двери, через которую ранее проходила Оги-тян, я начинаю сомневаться ещё и в своём зрении.

Сначала я подумал, что, возможно, это вернулась Цукихи, но человек, стоящий там, не имеет ни малейшего сходства с моей сестрой, очаровательной ученицей средней школы, во всяком случае внешнего. Он одет в гавайскую рубашку.

Это мужчина средних лет в гавайской рубашке.

— Тебя ни в коем случае нельзя назвать дураком. В конце концов, ты сражаешься за себя. Я снимаю перед тобой шляпу, Арараги-кун. — Остроумно подмечает человек, держа во рту незажжённую сигарету.

Остроумно подмечает Ошино Меме.

— ...!

Я хочу спросить у себя, не галлюцинация ли это. Я должен задаться вопросом, не является ли это иллюзией человека, которую я вижу на грани смерти. Однако, из-под моего тела, Оги-тян смотрит в том же направлении с большим удивлением, тем самым доказывая, что я не заблуждаюсь.

Ох, нет.

Если Оги-тян и я — это один и тот же человек, то мы, возможно, в такой ужасной ситуации видим одну и ту же галлюцинацию. Несомненно, мы можем видеть один и тот же желанный мираж, словно отчаянно ищем оазис в пустыне.

Однако, заглянув за спину этого старого негодяя и заметив второго прибывшего, шатающегося на дрожащих ногах, как новорождённый оленёнок, или скорее, как умирающий оленёнок, я понимаю, что это не иллюзия и не мираж, а заслуженные плоды чьей-то тяжёлой работы.

Плоды чьей-то тяжёлой работы.

Это тяжёлая работа девушки с полосатыми волосами, которая выглядит так, будто вот-вот отправится на небеса. Она выглядит призрачно бледной. У неё под глазами такие огромные мешки, что мне их видно даже отсюда. На ней в полном беспорядке надета зимняя одежда. Она выглядит изнемождённой, побитой и опустошённой во всех смыслах этого смысла. Это всё заслуга девушки, бросившей вызов логике, Ханекавы Цубасы.

— Да уж, десять бессонных ночей — это довольно жёстко...

Сказав это, Ханекава собрала все свои последние силы, чтобы создать на лице победоносную улыбку, указать пальцем на девушку, провокационно лежащую подо мной, и заявить:

— Я победила.

После чего она падает в бессилии.

Она упала так внезапно, что я на секунду задумался, не умерла ли она, но похоже, что она просто провалилась в глубокий сон.

— Я не могу поверить... Ханекава-сэмпай действительно вернула его... из самой Антарктиды. Как она вообще туда попала?

Оги-тян шепчет настолько тихим голосом, что я едва её слышу. Хм? Антарктида?

Антарктида.

Ледяная пустыня, из которой даже самая исключительная из всех странностей, Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд, была вынуждена эвакуироваться из страха исчезнуть. Место, где нет абсолютно никаких странностей.

Другими словами, место, в которое специалист отправится в последнюю очередь.

Она упоминала, что шла в обратном направлении... Она это имела в виду?

Она имела в виду, что мы искали Ошино в тех местах, куда, как мы думали, он может отправиться. Но нам следовало искать его в тех местах, в которые, по нашему мнению, он бы не поехал? Да, действительно, если хочешь спрятать лист, то спрячь его в лесу, однако спрятать лист на дне океана — гениальная идея. Тем не менее, такова человеческая природа — искать листья в первую очередь именно в лесу. Никто бы и не подумал нырять в океан, за исключением Ханекавы.

Потеряв дар речи, я думаю про себя: «Хитаги, она не говорила «дис из а пэн».

Она сказала «dépaysement».³⁹

В таком случае, она, вероятно, сузила круг поиска до двух мест: Антарктиды и её противоположного региона — Северного полюса. Удивительно, что она с шансом 50 на 50 угадала расположение Ошино Меме и вернула его в Японию всего за один день.

— У неё точно не всё в порядке с головой...

Я почему-то сомневаюсь, что Оги-тян сейчас имела ввиду цвет её волос. Этот её комментарий вполне можно считать признанием Ошино Оги своего поражения перед Ханекавой Цубасой.

Если так подумать, Оги-тян всегда остерегалась Ханекавы, что, конечно, естественно, ведь я знаю силу Ханекавы Цубасы как никто другой.

Если Оги-тян является Тёмным Коёмином, как и Чёрная Ханекава в случае с Ханекавой, то их неприязнь друг к другу имеет смысл.

Гаэн-сан и Хачикудзи толковали имя Оги, как производное от слова «фан», но это всего лишь их мнение, в то время, как мне сейчас приходит в голову мысль, что её имя вовсе не каламбур, оно как ложный след в детективных романах. Возможно, что имя Оги является модификацией первого иероглифа имени Ханекавы, написанной с радикалом «дверь».⁴⁰

В конце концов, вся её осторожность, все её хитрые приёмы, которые она придумывала, хоть и оказались неэффективными, но зато выигрывали немного времени, и теперь все её усилия оказались абсолютно тщетными из-за Ханекавы Цубасы.

Как вообще Ханекава Цубаса на такое способна?

— Арараги-кун.

Не обращая внимания на девушку, которая только что упала в обморок рядом с ним, Ошино Меме, человек, которого я вижу впервые за долгое время, продолжает говорить с усмешкой:

— Как ты думаешь, что ты сейчас делаешь? — Говорит он. — Бросил мою симпатичную племянницу на пол в таком заброшенном здании? Боже, да я смотрю, ты полон энергии. Случилось что-то хорошее? У тебя же уже есть девушка, так что тебе не стоит совершать подобные непристойности со своим кохаем.

Хватит прикалываться, ты же знаешь, что сейчас не время и не место. Я как раз собирался ответить ему, как в моей памяти всплыли наши с ним перепалки в этом самом классе в былые дни.

³⁹ «Депейзман» — французское слово, обозначающее ощущение чужбины, тоску по дому.

⁴⁰ Для наглядности: берём иероглиф «крылья» (ханэ, 羽), берём радикал «дверь» (戸) и получаем иероглиф «веер» (оги, 扇).

Но прежде, чем я что-либо успел сказать, всё закончилось.

Исчезла... не Оги. Исчезла Тьма.

Законы самой природы, готовые поглотить нас, бесследно пропали. Эта несуществующая сущность, которую нельзя ни увидеть, ни почувствовать, исчезла.

«Небытие» кануло в небытие.

— Э...

Племянница? Он так её назвал. Оги-тян.

Ошино Меме назвал её именно так.

Другими словами, Ошино Меме признал её, как своего родственника. Что это означает, спросите вы? Это значит, что он подтвердил существование той, кем является Ошино Оги.

Эта девочка здесь и сейчас перестала быть ложью.

А значит... Тьма исчезла.

— ...

Оги-тян полностью ошеломлена и не может произнести ни слова.

Она может и ведёт себя, словно видит всех насквозь, но даже она никогда бы не подумала, что Ошино Меме, человек, которого она оттолкнула при помощи барьера, не позволяя вернуться в город, чтобы скрыть свою личность, в конце концов и придёт ей на помощь в подобной ситуации.

Но Ошино Меме именно такой человек.

Такова его истинная натура.

Он человек, который всех видит насквозь.

— Ты спас нас... Ошино.

Я произношу эти слова вместо безмолвной Оги-тян. Хотя, если я говорю это «вместо» Оги-тян, то по существу я передаю свои собственные чувства.

— Нет, я не спасал тебя. Ты сам себя спас, Арараги-кун. Хорошая работа.

Услышав эти слова...

Я, наконец, достигаю собственного предела, лишившись последних сил, чтобы поддерживать вес собственного тела, и валюсь на землю. Оги-тян, вынужденная принять на себя всю тяжесть моего тела, испускает негромкое «гхе». Возможно, этот непривлекательный, но вполне жизненный стон и является свидетельством её существования... её сущности.

В тот момент, как её истинная форма перестала быть тайной, она обрела сущность.

Ошино Оги стала Ошино Оги.

И таким образом, юность Арараги Коёми подошла к концу. За занавесом исчезают все те дни, когда он приносил себя в жертву ради спасения кого-то другого, те дни, когда он считал, что пренебрежение собой приравнивается к заботе о других, те дни, когда он был слабым и бесхарактерным эгоистом, вся эта эпоха ласковой лжи.

Но, несмотря на это, моя битва с Оги-тян, наша равная, крайне жестокая безотрадная битва только начинается.

Мы никогда не признаем друг друга.

Но и чересчур отрицать друг друга тоже не станем.

Никогда не позволим себе перестать разумно мыслить, никогда не станем бояться действовать методом проб и ошибок столько раз, сколько потребуется, никогда не будем стесняться повторять свои действия столько раз, чтобы устать от этого, сожалеть об этом и раскаяться в самых незначительных мелочах, но помимо всего этого, мы будем продолжать бросать вызов самим себе, будем продолжать играть в азартные игры с судьбой, отыгрывая в тройном размере всё, что проиграли, мы будем продолжать сражаться в бесконечной битве за счастье... которое только что началась прямо здесь и сейчас.

013

А теперь эпилог.

На следующий день, 15 марта.

Утром перед моей выпускной церемонией, после того, как обе мои сестры, Карен и Цукихи, шумно разбудили меня, я в последний раз иду по дороге в школу. Нет, если точнее, я еду на велосипеде. Мои ноги на педалях... Ох, я уже успел позабыть это ощущение. Это BMX, который Оги-тян одолжила Цукихи. Конечно, я должен буду его вернуть, так что сегодня единственный день, когда я могу на нём покататься, однако ощущение езды на велосипеде спустя столько времени, даже не знаю, как щедрый подарок в честь моего выпускного.

Стоит отметить, что Цукихи забыла о «восстановлении сгоревшей школы» к тому времени, когда я видел её сегодня утром. Сначала я хотел задаться вопросом, насколько же у неё плохая память, но, похоже, что она отнеслась к этому просто как к «одному из множества мистических случаев».

Судя по всему, повседневная жизнь моей младшей сестры куда сильнее наполнена проблемами, чем я предполагал ранее. Она будто не может удержаться от того, чтобы снова и снова не ввязываться в различные авантюры. Я, честно говоря, сильно беспокоюсь за то, что может случиться, когда она и Карен пойдут в школу в Апреле.

Я лелею мечту о том, что буду жить вместе с Хитаги в общежитии, но зная свою сестру, я не думаю, что смогу так просто распрощаться с домом.

В конце концов, учитывая, что истинной личностью Цукихи является Птица Смерти...

Ничего нельзя сказать заранее.

Уверен, что и Хитаги тоже не захочет покидать своего отца. Да и вообще лучше отложить эти мысли как минимум до объявления результатов экзамена.

Так как Оги-тян сказала, что я ошибся в заполнении бланка ответов, то, возможно, покинуть родной дом я не смогу. Мне придётся активно искать себе работу.

Впрочем, не исключена возможность, что родители сами вышвырнут меня из дома за заваленные вступительные экзамены...

— Кстати, Цукихи-тян. Ты вроде говорила, что отращаешь волосы, чтобы загадать желание, верно? Какое желание ты хочешь загадать?⁴¹

Не мне, конечно, говорить об этом, но Цукихи уже так давно отращивает волосы, что я решил этим утром спросить её об этом, пока не ушёл.

Это была одна из множества сюжетных нитей, которые её не были сплетены с остальными.

Некоторое время назад она сказала мне, что отращивает волосы, чтобы получить желаемое, но я так тогда и не узнал, что же это. Конечно, так как её волосы всё ещё продолжают расти, то, вероятно, её молитвы пока что не были услышаны.

— Ах да, помню, я что-то говорила такое. Думаю, что могу уже их обрезать... В любом случае я уже забыла причину, по которой их отращивала.

— Серьёзно? Да как вообще у тебя может быть настолько плохая память?

— На самом деле я молилась за то, чтобы ты успешно сдал экзамены, а Надеко-тян выздоровела... Ну ты знаешь, я молилась на волосы, как молятся богам.⁴²

Вот как.

Я подозревал, что это как-то связано со мной, но даже не думал, что Сенгоку тоже имеет к этому отношение. Преданность моей сестры своим друзьям — это что-то с чем-то. Как её брату, мне есть чему у неё поучиться.

— Твои экзамены закончились, а Надеко-тян сейчас в довольно хорошей форме... Хм. Может быть, бог действительно существует.

⁴¹ В буддистской и синтоистской традиции существует практика отращивания длинных волос, чтобы они служили своеобразным «подношением» в обмен на исполнение желания.

⁴² Слова «волосы» и «бог» на японском читаются одинаково: «ками».

— Да, со вчерашнего дня.

— Хм?

— Ох, ничего. Забудь об этом.

— Ну, хорошо.

Она не раздумывая отказалась развивать эту тему. Я пытался вести себя более загадочно, но ей было всё равно.

Есть у неё такая небольшая привычка.

— Может быть, мне стоит подождать результатов твоего экзамена, а затем обрезать волосы, чтобы больше соответствовать Надеко-тян? Может быть, сейчас самое время выйти из дуэта Огненных сестёр, и тогда я бы смогла сформировать команду с Надеко-тян... Эй, Онии-тян, ты когда-нибудь подстрижешься?

— Ээ... знаешь...

Я дал неопределённый, уклончивый ответ. Всё дело в глубоких отметинах от клыков у меня на шее, рядом с затылком.

Во всяком случае, обрежет ли Цукихи свои волосы или нет, будет зависеть от результатов моего экзамена, но я сегодня не буду об этом думать.

Сегодня мой выпускной.

Учитывая, что было время, когда я подумывал о том, чтобы бросить школу, самого сегодняшнего дня уже достаточно, чтобы в моей груди сердце билось от волнения.

...Кстати говоря, я сегодня утром поговорил ещё и с Карен.

Здоровое общение между братьями и сёстрами — это прекрасно.

— Нии-тян, Нии-тян! Мы не сможем флиртовать друг с другом после того, как я перейду в старшую школу, так что давай попробуем в последний раз покормить друг друга изо рта в рот!

— ...

У меня были некоторые причины беспокоиться об этой сестре.

Может быть, её слишком сильно побили во время её хякунин-кумитэ.

Кстати, я не стал спрашивать её, выиграла ли она все сто поединков. Я не хочу ещё одной причины, чтобы опасаться собственной сестры.

— А ещё давай почистим друг другу зубы!

— Единственное, что тебе следует почистить, это твои мозги... Кстати говоря, Карен-тян. Даже после того, как ты станешь старшеклассницей, даже после того, как дуэт Огненных сестёр из школы Цуганоки распадётся, планируешь ли ты продолжать выполнять свою роль защитника справедливости?

— Да, сомнительно!

Именно так и заявила моя сестра, гордо выпятив грудь вперёд. Она сильно выросла в последнее время... и её грудь тоже. Но, тем не менее, правильно было бы сказать не «сомнительно», а «несомненно»...

Да, это было бы более правильным словом.

— Карен-тян, в таком случае, я думаю, что тебе следует использовать этот момент, как возможность остановиться и оглянуться на прошедший учебный год. В конце концов, как ты понимаешь слово «праведность»?

— Шта?

— Праведность. Справедливость. Что это для тебя?

Это значит делать правильные вещи?

Или это значит исправлять неправильные?

Или это значит определять, кто прав?

Я взял вопрос Оги-тян и переадресовал его сестре. Я передал его следующему поколению.

Я понимал, что Огненные сёстры отталкиваются от поэтического чувства справедливости, то есть «бьют плохих парней» и всё такое, но мне хотелось знать, как в действительности эта девушка понимает суть правосудия, которое осуществляет, и мне было интересно, чем она планирует заниматься с этого момента.

— Помогать людям.

Карен, скорее всего, не понимая до конца, что я имел в виду, ответила рефлексивно. Её ответ был коротким и точным, из-за чего его трудно оспорить, но и осуществить его на практике не менее трудно.

Таков её ответ.

— Понятно.

Сказав это, я встал на стоящий рядом стул, протянул руку и похлопал Карен по голове (я бы просто не смог дотянуться до её головы, если бы не встал на стул).

Это может быть жестом покорности в мире вампиров, но в данном случае это ничто иное, как проявление любви к моей бестолковой сестре.

— Позаботься сначала о себе самой.

Таким получился наш разговор. Как бы не сложилось будущее, похоже, что у моей сестры нет повода опасаться каких-либо испытаний, через которые прошёл я в старшей школе.

Если я и могу что-либо пожелать, то это того, чтобы Арараги Карен прожила остаток своей жизни, не отказываясь от праведности...

И в тот момент, как я радостно и с большим энтузиазмом крутил педали непривычного мне велосипеда, я обнаружил знакомую фигуру: пятиклассницу с двумя косичками и здоровенным рюкзаком за спиной.

Если бы она стояла ко мне спиной, то я бы мог продемонстрировать свой коронный номер, потратив ещё страниц пять, притворяясь, что на самом деле не хочу этого делать, прежде чем подбежать и обнять её, но, увы, она направляется прямо в мою сторону.

Таким образом, Арараги-кун оказался в тупике.

— Привет, Хачикудзи.

Всё, что я сейчас могу, это просто позвать её как обычно.

В ответ Хачикудзи нахмурила брови и сказала:

— Пожалуйста, не разговаривай со мной. Я теперь бог.

Да она просто чертовски зазналась!

Характер её персонажа вернулся к первоначальному виду!

— Если же ты настаиваешь в своём желании поговорить со мной, то передай мне своё подношение после двух поклонов, двух хлопков и ещё одного поклона, после чего говори со мной так, как говорят с богами.

— Пройти через всё это только для того, чтобы поговорить с кем-то? Нет уж, я собираюсь оказать тебе холодный приём.

Кроме того, хоть она и стала богом, но, насколько я могу судить, она ничем не отличается от прежней себя. Она не одета в одеяние жрицы, и даже не в какое-либо традиционное кимоно.

Впрочем, это всегда можно исправить в будущем. Никто не меняется в одночасье, и это относится как к людям, так и к странностям.

Все меняются постепенно.

— В любом случае, почему бог без дела слоняется по городу? Ты потерялась?

— Что за глупость. Дела сейчас обстоят так, что я, без всякой иронии, помогаю тем, кто потерял свой путь.

— «Что за глупость» — это должна была быть моя фраза, однако признаю, что это большой шаг вперёд...

— Как бы то ни было, хоть я и не в восторге, что меня обвиняют в «слонянии без дела», наблюдение за тем, как простые смертные ведут свою простую повседневную жизнь, является одной из обычных обязанностей бога.

— Ты на самом деле позволила этому божественному духу добраться до своей головы? Не надо так внезапно превращаться в другого человека за один день. Я только что толкал мысль о том, что люди меняются постепенно.

— Сегодня же твой выпускной, Арараги-сан? Поздравляю. — Говорит Хачикудзи, наконец-то оценив мой тяжкий труд лёгким кивком головы. — При любых других обстоятельствах я бы хотела поприсутствовать на церемонии лично, чтобы отпраздновать вместе с тобой, но толпа может взволноваться, если на церемонию вдруг явится бог, так что я, пожалуй, воздержусь от этого.

— Твой храм всё равно никто не посещает. Этот город скоро снова станет безбожным.

— Ха-ха-ха. Ох, не говори так. Ты можешь прийти в любое удобное время. У храма Кита-Ширахэби нет никаких ограничений на поклонение мне, так что заходи, когда захочешь.

— Ага. Как-нибудь обязательно загляну... к тебе домой. — Отвечаю я.

— Да. Ко мне домой.

После чего Хачикудзи уходит в направлении, откуда я пришёл. Похоже, что она не шутила на счёт наблюдения за городом.

— ...

Я молча провожаю её взглядом.

Ну, я думаю, что она никогда не была из тех людей, что просто так сидят дома... Есть всё-таки что-то ностальгическое в наших беззлобных подколах, но всё это уже кажется слишком обыденным.

Обыденность, обретённая в результате долгой борьбы.

В любом случае, крайне безрассудный план Гаэн-сан по обожествлению Хачикудзи Маёй, судя по всему, прошёл без заминок.

— Единственный, кто продемонстрировал свои способности, это был ты, Коёмин. Такой поворот событий я, в самом деле, не могла предположить. Пожалуйста, серьёзно хочу тебя попросить, чтобы ты не распространял слухи о том, как распланированный мной с самого начала план закончился таким беспорядком.

...Вот что она сказала мне вчера.

Но по правде, ей не нужно было мне всего этого говорить.

— Последний раз я испытывала подобный шок, когда подошла к ребёнку с целью поведать о предсказании Нострадамуса, чтобы услышать ответ «В 1999 году меня ещё на свете не было».⁴³ Боже, я в самом деле старею.

— ...Я не совсем тебя понял, но ладно.

— Нечего здесь понимать. Мы сейчас живём в будущем, которое тогда не закончилось, только и всего.

— Эээ... и всё же, Гаэн-сан. Я уверен, что мы добрались до этого прекрасного, хоть и беспорядочного финала в основном благодаря усилиям Ханекавы.

Честно говоря, если бы не она, история, вероятно, закончилась бы моим двойным самоубийством с Оги-тян... Не очень захватывающая концовка.

— Правда. Я бы хотела передать Цубасе-тян искреннюю благодарность за то, что смогла вернуть назад моего кохая. Я машу ей белым флагом. Причём что на самом деле удивительно, так это не то, что она нашла его, а что она его нашла и сумела вернуть обратно.

— ...То есть, она сумела прорваться через барьер, ты это имеешь в виду? Но она же житель этого города, так что я не думаю, что барьер мог повлиять на неё. Потерявшаяся корова не должна влиять на тех, кто действительно хочет вернуться домой.

В ответ на моё дилетантское предположение, Гаэн-сан ответила:

— Нет, я не это имела в виду. — Она встряхнула головой. — Она убедила Ошино Меме вернуться.

— ...

⁴³ Судя по всему, речь о предсказании Нострадамуса о пришествии «спасителя мира» в 1999 году.

— Насколько я знаю, ему совершенно не интересно играть эпизодические роли... И это «насколько я знаю» на самом деле так и есть. ...Кстати, ты точно уверена в этом, Шинобу-сан?

Сказав это, Гаэн-сан посмотрела на стоящую рядом со мной девушку с золотыми волосами и золотыми глазами, которая некогда была маленькой девочкой.

— Честно говоря, я уважаю твоё мнение, как специалист, но не совсем понимаю, почему ты желаешь снова поселиться в тени Коёмина. Если у тебя есть какой-то план, то пожалуйста, озвучь его.

— Никаких планов у меня нет. Я просто устала от сражений. Мне достаточно, чтобы ты снова признала нас безвредными, неужели это так тяжело понять специалисту?

Из девочки она превратилась в красотку.

Но она хотела снова стать маленькой девочкой.

— Ка-ка...

Даже без нашей связи я знал, что Шинобу, ответив на этот вопрос с ухмылкой на лице, не сказала ни единого слова лжи.

— Конечно, после того, как мой господин избавился от вампирской сущности, если он откажется становиться получеловеком полувампиром, то я отступлюсь от своего желания. После того, как он восстановит свою руку, я уйду в горы и начну жизнь отшельника.

— Я не откажусь.

Прежде чем Гаэн-сан успела ответить, я высказал своё мнение.

— В горах нет Мистер Донат, Шинобу.

— Ох, точно.

После чего мы поклялись больше не повторять ошибку с усилением моего вампиризма путём манипуляции с моей кровью, и восстановили нашу связь в третий раз.

Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд, впервые вернувшая себе свои силы с прошлых весенних каникул, снова оказалась в моей тени безобидной восьмилетней девочкой по имени Ошино Шинобу.

Во время тех весенних каникул ей не дали выбора, но не в этот раз.

В этот раз всё исключительно по её собственной воле.

Она предпочла запечатать своё существование, и в этом её выборе не было никакой лжи или обмана.

Она, 400 лет назад отказавшись стать богом... 400 лет спустя предпочла стать маленькой девочкой.

Нет, возможно, у неё действительно не было выбора. Я, по крайней мере, точно не могу представить себе своё будущее без Шинобу.

Конечно, это не значит, что мы простили друг друга. Возможно, лет через 400 наступит день, когда мы сможем друг друга простить, когда мы сможем обо всём забыть. Нас можно назвать сообщниками или союзниками, это можно назвать силой привычки или компромиссом. Вот такие вот у нас отношения.

— Если ты собираешься умереть завтра, я тоже готова отдать свою жизнь, но, если ты хочешь жить сегодняшним днём, позволь жить вместе с тобой.

— Если ты собираешься умереть послезавтра, то тогда завтрашний день станет моим последним днём, когда я смогу рассказать кому-нибудь о тебе, когда я смогу поведать историю о моём господине, которым так горжусь.

Я дошёл до школы.

Я прохожу через школьные ворота, украшенные в честь выпускной церемонии, и направляюсь в сторону велосипедной парковки. Там меня ждёт никто иной, как Ханекава Цубаса.

Полагаю, что образцовая ученица является образцовой даже в том случае, когда дело доходит до физической выносливости. Несмотря на то, как она выглядела вчера ночью, кажется, что сегодня она в полном порядке, во всяком случае, на первый взгляд.

— Доброе утро, Арааги-кун.

— Доброе утро, Ханекава. Значит, ты всё-таки пришла на церемонию. Я уж думал, что ты сегодня весь день будешь при смерти.

До чего же она упряма...

Возможно, что всё это время самым неуязвимым человеком была именно она.

— Что ты делаешь на велосипедной парковке?

— Тебя жду, конечно. Мне с тобой нужно поговорить о многих вещах.

— Правда?

— Как только церемония закончится, мне снова нужно будет уехать, так что, вероятнее всего, другой возможности поговорить тет-а-тет у нас не будет.

— ...

До чего же она активна...

Но раз уж на то пошло, то у меня тоже есть куча вещей, которые я бы хотел обсудить с Ханекавой. Их даже больше, чем я смогу сейчас назвать. Хотя, возможно, я не столько хочу поговорить с ней, сколько обсудить с ней полученные мною ответы.

— Почему ты так скоро уезжаешь? У тебя забронирован билет или что-то вроде того?

— Мм. Ммм. Понимаешь...

Ханекава выглядит так, словно ей трудно подобрать правильные слова.

Размышляя, она откидывает назад свои волосы, которые значительно отрасли с тех пор, как она подстриглась в начале года. К тому же, учитывая, что мы сейчас в школе, её волосы равномерно окрашены в чёрный цвет, так что никаких полосок не видно.

— Когда я работала над тем, чтобы вернуть Ошино из Антарктиды, мне пришлось, так сказать, продать свои мозги.

— Продать мозги?

Звучит это как-то уж слишком странно.

— Их вроде ещё называют «джетсеттеры», верно?⁴⁴ В любом случае, я была вынуждена это сделать, иначе бы не смогла забронировать истребитель. И да, не волнуйся, я продала себя относительно этичной организации.

Да что за путешествие у тебя было за границей?

Она просто невероятна, когда отпускаешь её в свободное плавание.

Я практически испытываю диссонанс, когда вижу кого-то, вроде неё, в школе, да ещё и в школьной форме. Впрочем, сегодня я вижу её в этой форме в последний раз.

Если так подумать, то оно и к лучшему.

Хорошо так подумать.

⁴⁴ Джетсеттеры — обеспеченные люди, путешествующие по миру (как правило на личных самолётах) просто потому, что могут. Завтрак в Рио, обед в Париже...

— Не заставляй меня валить тебя на землю.

— Эй!

Я полагаю, что она научилась предотвращать опасность, пока была за границей.

Если уж Ханекава научилась драться, то я не думаю, что осталось хоть что-то, чего она ещё не умеет.

— Кстати о драке... Мы подтвердили нашу версию, что Кагенуй-сан находится на Северном полюсе. Как только Гаэн-сан узнала, где находится Ошино, то за пять минут отследила её.

— Ясно... Я выбрала материк, следуя своей интуиции, но если бы я выбрала Северный полюс, то получается, что всё равно бы не промахнулась.

Сказав это, Ханекава расправляет свои плечи. Полагаю, что эта часть её плана действительно была на самом деле авантюрой.

Тем не менее, если Оги хотела разделить Ошино и Кагенуй-сан, то было неизбежно, что Кагенуй-сан окажется на Северном полюсе. В конце концов, она не может ходить по земле. Оги-тян не оставалось ничего иного, как отправить её на северный полюс — место, где вместо земли сплошные льды.

— Ононоки отправилась к ней, но у неё в самом разгаре была тренировка, включающая в себя сражение с белыми медведями, так что она попросила пока что её там оставить.

— Удивительный человек... Наверное, всё-таки хорошо, что я не отправилась на Северный полюс. Кстати, а где сейчас Ононоки-тян? Чем она занята? Неужели она покинула город так же, как Ошино-сан и Гаэн-сан? — Спросила она, но я покачал головой в ответ.

— Она всё ещё у меня дома.

— Оу...

На лице Ханекавы появляется подозрение.

И я могу её понять.

Кстати говоря, предположение Ононоки о том, что Кагенуй-сан отправилась оттачивать свои навыки, оказалось недалеко от правды. В самом деле, она, возможно, была ближе всех к истине.

Как бы мне не хотелось это признавать...

— Кстати, Гаэн-сан и Ошино уехали из города почти сразу. В самом деле, у взрослых людей полно забот.

Всё произошло так быстро.

Ладно хоть Гаэн-сан, после того, как обожествила Хачикудзи в храме Кита-Ширахэби и запечатала Шинобу в моей тени, бросила мне простое «Ну давай, увидимся», а Ошино и вовсе не попрощался. Я ничего не успел заметить, как он уже исчез. Такое впечатление, что он исчез прямо вместе со зданием, которое построила Оги-тян.

Словно он сам был фантомом.

Исчез бесследно и безмолвно.

Из-за нашего второго расставания я даже не успел почувствовать ностальгию. Но всё же, учитывая, что он преодолел путь аж из Антарктиды, я уверен, что в один прекрасный день в обозримом будущем наши пути снова пересекутся.

Однако, я немного зол, что он ушёл прежде, чем я успел поблагодарить его за всё, особенно за помощь с Тадацуру.

Таким образом, хотя я и не до конца понимаю, каким именно, похоже, что Ононоки-тян пока что останется под моей опекой. Во всяком случае, до тех пор, пока Кагенуй-сан не завершит свою тренировку и не вернётся обратно.

Если Гаэн-сан ещё не забыла об этом, то можно считать, что её слезка за мной продолжится.

В таком случае, я вынужден с этим смириться.

Я натворил дел более чем достаточно, чтобы оправдать эту слезку.

И хотя мне хочется думать, что я достиг больших высот, чтобы оправдать это, но вряд ли все со мной согласятся.

И больше остальных не согласится она — моё второе я.

— Взрослые...? С завтрашнего дня мы все взрослые, помнишь?

— Мы с Хитаги продолжим учиться. Ты единственная, кто войдёт во взрослую жизнь.

— Хитаги?

Я собирался ловко парировать её замечание, но с моего языка сорвалось лишнее слово, и Ханекава не позволила себе сделать вид, что не услышала.

— Ох... Всё понятно. Я вижу, пока меня не было, вы на месте не стояли...

— Подожди, подожди. Не делай поспешных выводов. Может мы на месте и не стояли, но всё не так, как ты думаешь.

— Вот и славно. Теперь я могу уехать со спокойной душой.

Сказав это, Ханекава зашагала в сторону от меня.

Она хотела поговорить со мной перед отъездом из Японии только лишь для того, чтобы спросить о Хитаги? Если так, то она действительно переживает за свою лучшую подругу...

До чего же она заботлива...

Думая об этом, можно сказать, что эта проблема, а точнее, всё, что произошло, начиная с августа, было разрешено исключительно благодаря усилиям Ханекавы. Её заслуга не просто огромна, от неё зависело буквально всё.

Прошёл ровно год.

Я сентиментально размышляю, насколько бы сильно отличался мой последний год в старшей школе, если бы я тогда не встретил Ханекаву.

«Мне не нужны друзья, потому что они делают меня слабее».

Я, возможно, закончил бы школу тихо и в одиночестве, оставив за собой лишь эти слова (а может быть даже не закончил бы школу).

Возможно, это было бы не так уж плохо.

Но теперь, когда сделано уже так много, я не могу представить, чтобы всё было по-другому.

— Ох... точно.

— Хм? Что такое, Арараги-кун?

— Нет, просто кое-что пришло ко мне в голову с опозданием... Почему Гаэн-сан была настолько уверена, что Оги-тян начнёт действовать в отношении Цукихи именно ночью 14 марта...

Оги-тян сама так сказала.

Она хотела покончить со всем этим до того, как я окончу школу. Возможно, это и означало «до того, как закончится моя юность».

Это было то, чего она хотела добиться, пока я являюсь учеником старшей школы.

Конечно, чем находить окна в моём расписании, для Оги-тян было важнее найти свободное время у Цукихи... Но она и так практически всегда свободна.

Просто жить, не делая ровным счётом ничего — поистине жизненный принцип Феникса.

Направившись в сторону классной комнаты вслед за Ханекавой... я увидел Сендзёгахару Хитаги, стоящую у входа в здание школы. В тот момент, как она увидела меня вместе с Ханекавой, на её лице промелькнуло разочарование, сопровождаемое лёгким «ц». Всё выглядит так, будто Ханекава раскусила, где она сделает засаду, и атаковала первой.

Хватит уже соревноваться друг с другом...

Вы только создаёте напряжённую атмосферу.

Ну, я думаю, что вряд ли получится когда-нибудь избавить Хитаги от её комплекса по отношению к Ханекаве, но учитывая, что Ханекава достигла таких высот, до которых никто из нас

может даже не надеяться добраться, я считаю, что ей следовало бы всё-таки понемногу подавлять в себе это чувство...

С другой стороны, не мне об этом говорить. Хотя я и говорю, что преклоняюсь перед Ханекавой, но в то же время я создал Оги-тян, которая обладает инстинктивной антипатией к ней, а это значит, что где-то в глубине души я тоже считаю её своей соперницей.

— Доброе утро, Арараги-кун.

— А? Ты не собираешься называть его Коёми?

Похоже, что в то время, как она набралась за границей опыта в различных областях, характер её слегка испортился.

Возможно, понимая, что сопротивление бесполезно, Хитаги исправляется: «Доброе утро, Коёми», и её лицо краснеет от смущения.

— И с возвращением, Цубаса.

В этой неловкой ситуации она называет Ханекаву по имени. Ханекава на мгновение выглядит удивлённой, но почти сразу же парирует, так же остроумно, как и всегда:

— Спасибо, Хитаги-тян.

Хитаги-тян... Боже, это чудесно.

Ханекава, судя по всему, планирует позже уделить некоторое время для их девичьей беседы, потому что она ничего не говорит про то, что покинет Японию сразу после церемонии, и мы втроём направляемся в класс.

Атмосфера в школе как-то отличается от обычной. Возможно, это вопрос восприятия.

— Коёми. Камбару сказала, что у неё приготовлен подарок для нас в честь выпускного.

— Вот как? Подарок от Камбару... А теперь я начинаю нервничать.

— Да нет же. Она не из тех, кто стал бы дарить странный подарок по такому случаю. Я немного её порасспрашивала, и, похоже, что это букет цветов.

— Цветы?

Раз она расспрашивала её об этом, значит Хитаги хоть немного, но нервничала... Во всяком случае, она просто рассказывает мне это, как и всегда, не задавая никаких вопросов. Она не расспрашивает меня о том, что случилось со мной прошлой ночью, и как всё разрешилось.

Она просто ждёт, пока я сам ей не расскажу это.

Может это не то, чем я бы стал хвастаться, и это не та история, которую мне следовало бы рассказывать самостоятельно, но об этих событиях мне определённо нужно с ней поговорить.

Я очень надеюсь, что смогу всё подать как забавную историю.

Я очень надеюсь, что смогу рассказать всё это с улыбкой.

— Кстати, Арараги-кун. — Говорит Ханекава. — Сколько тебе не хватило баллов для максимального результата?

— ...

Я впервые в жизни слышу подобный вопрос.

Это, наверное, просто шутка.

Я рассказываю ей о том, как я, по-видимому, ошибся на одну клетку в бланке ответов по математике. Услышав это, Ханекава на секунду задумывается, после чего отвечает:

— Я не думаю, что это правда. Я спросила Ой... ещё одного экзаменуемого в том же университете от том, какие были вопросы на экзамене, и услышала, что это был не тот тест, в котором ты бы мог ошибиться в заполнении.

Она чересчур активна. Сколько она вообще потратила на меня времени?

И всё же... не тот тест, в котором я бы мог ошибиться в заполнении? Я имею ввиду, что я думал над тем, как я мог умудриться испортить так много ответов, но в таком случае почему она...?

Я был уверен, что это правда, потому что так сказала Оги-тян.

— Оги-сан, наверное, просто дразнила тебя, как всегда. — Говорит Хитаги.

— Конечно, для тебя подобные шутки абсолютно неприемлемы, Арараги-кун.

Это правда?

Нет, возможно, я никогда не стал бы шутить подобным образом, и именно поэтому она так и поступила. В конце концов, делать то, чего я не могу, чего я не хочу — это та роль, которую она была вынуждена взять на себя.

Так было, и, скорее всего, так будет продолжаться.

В этот момент у меня в голове внезапно всплывает образ девушки, купившей нам цветы, Камбару. Камбару Суруга, которая косвенно способствовала появлению Ошино Оги. Она сама никогда не сталкивалась с Тьмой, однако, когда дело доходит до самодисциплины, она оставляет меня далеко позади.

Более того, она является прямым потомком Гаэн Тооэ. Независимо от того, как этот талант может проявиться, предрасположенность к созданию странностей — несомненно то, что передаётся в семье Гаэн по наследству.

В таком случае... возможно, что она тоже однажды столкнётся лицом к лицу с образом своей юности.

Возможно, однажды перед ней предстанет собственная Ошино Оги. Если это когда-нибудь случится, я уверен, что смогу протянуть ей руку помощи.

Как Ханекава сделала это для меня.

...Полагаю, что я могу делать только то, что могу.

Потому что я — это всего лишь я.

Я не могу быть похожим на Ошино Оги и Ханекаву Цубасу, но я буду помогать другим по-своему.

Я буду помогать людям спасать самих себя.

Размышляя в подобном ключе, словно я достиг просветления, я заканчиваю подниматься по лестнице.

Мы проходим мимо одинокой школьницы, которая, не обращая на нас никакого внимания, спускается по ступенькам. Судя по цвету её галстука, она первогодка. Вероятно, она пришла в школу, чтобы поприсутствовать на церемонии вручения дипломов, но что ученица первого года делает в коридоре, где находятся кабинеты третьеклассников?

Тем не менее, бледного вида её лица достаточно, чтобы выбросить этот вопрос из головы. Её нерешительные, дрожащие шаги не создают впечатления физического недуга.

Она выглядит очень уставшей. Словно она была чем-то одержима.

Подумав об этом, я резко останавливаюсь.

Хитаги и Ханекава оборачиваются на меня, но затем смирившись пожимают плечами. Они, должно быть, действительно очень близки, судя по их синхронным движениям.

— Удачи.

Даже их голоса звучат в унисон.

— Ага. Получишь за меня мой диплом, ладно? Увидимся позже. — Отвечаю я и отдаю свою сумку Хитаги, спускаясь по лестнице одним большим прыжком, в погоне за той первогодкой, что мы только что видели. Я приземляюсь на ноги и разворачиваюсь на месте, после чего, чувствуя на себе пристальный взгляд обеих девушек, наблюдающих за мной, продолжаю бежать вниз по лестнице.

Когда я бегу по коридору, где расположены кабинеты первых классов, в поисках девушки, которая должна была пойти в этом направлении, я пробегаю мимо другой школьницы — молодой девушки с чёрными как смоль глазами.

Эта девушка, похожая на самую тьму, обращается ко мне с насмешливой улыбкой:

— Ты всё не меняешься, Арараги-сэмпай.

А вот и нет.

Я изменился.

Но как бы я не менялся, я всё равно останусь собой.

— Давным-давно жил странный молодой человек по имени Арараги Коёми. Он жив и по сей день. Конец.

Эти слова доносятся до меня от пробегающей мимо тени.

Не могу дождаться, чтобы услышать следующую часть этой истории.

Послесловие

Хм... Есть такой термин, как «необратимая ошибка», но если хорошенько подумать, то становится непонятно, что же из себя может представлять «обратимая ошибка». Если вы уже допустили какую-либо ошибку, в чём-то проиграли, то затем обязательно в чём-нибудь преуспеете, я имею в виду, что нельзя разделять этот опыт. Однако, даже если исправить ошибку невозможно, то как бы вы не сожалели и не сокрушались, я думаю, что можно привести аргумент, что люди способны забывать о своих неудачах. Другими словами, может быть, «обратимая ошибка» — это когда кто-то достиг такого успеха, что может позволить себе забыть о своей ошибке, которую когда-то совершил? Возможно, подростковые истории, использующие трагическое прошлое персонажей в качестве отправной точки, вовсе не подразумевают, что несчастье является почвой для счастья? Может в них рассказывается про то, что, построив счастливое будущее, можно забыть о прошлом? Хотя, всегда есть шанс, что всё получится наоборот, и человек накопит столько несчастья, что оно нивелирует всё то счастье, что у него было до этого, так что на самом деле между счастьем и несчастьем не существует какой-либо чёткой причинно-следственной связи. «Они не являются антонимами» — вот что я, по сути, имею в виду. Мне кажется, я начал немного усложнять вещи, так что нужно привести мысли в порядок. Всё, что я сейчас делаю, это бессвязная болтовня про определение успеха и неудачи, счастья и несчастья. Я хочу сказать, что счастье на самом деле не зависит от нашего образа мысли, как я и сказал, это всего лишь наша память. Короче говоря, величайшая способность человека — это способность «забывать». Однако, это не значит, что это та способность, которую нужно использовать всегда, и я надеюсь, что Арараги Коёми-кун, Сендзёгахара Хитаги-сан и Ханекава Цубаса-сан продемонстрировали нам это за год в их вселенной и за десять лет в реальном мире.

С учётом всего сказанного, это был по-настоящему финальный том Финального сезона Monogatari Series, третья часть Owarimonogatari. Оглядываясь назад, «Краб Хитаги» был впервые опубликован в сентябре 2005 года в специальном выпуске журнала Mephisto издательства Shousetsu

Gendai. Изначально предполагалось, что это будет одиночный рассказ, но вот уже 2014 год, а я всё ещё пишу. Это не «невероятно», но немного шокирует. Таким вот был Owarimonogatari 3, состоящий из пятого эпизода «Ад Маёй», шестого эпизода «Рандеву Хитаги» и седьмого эпизода «Тьма Оги».

На обложке изображена Сендзёгахара-сан с заплетёнными волосами в планетарии. Восхитительно. Я очень благодарен VOFAN-сан. Независимо от того, что я ещё могу забыть в будущем, я всегда буду помнить моё чувство благодарности и продолжать упорно трудиться.

Благодарю вас за чтение.

Нисио Исин